

Таинственно исчезает двоюродный брат Алексея, а тетка рассказывает ему о портале в во времени и другой мир. Сложилось так, что ГГ решил воспользоваться порталом и «попал» из нашей современной реальности в параллельном мир, где встретил брата, которого недавно избрали атаманом большого отряда разбойников и примкнувших к ним оппозиционеров существующей там власти.

Брат ГГ мечтает о революции и предлагает выдать Алексея за посланника богов.

Братья начинают борьбу с олигархическим режимом.

Алексей Большаков

Как стать царем

Глава 1

Бывают в жизни периоды, когда все валится из рук, а проблемы накатываются одна за другой. Вот и я попал в такой период сплошного невезения. Секцию карате, где был тренером, закрыли, с Аленкой, подружкой моей, поругался, сказал ей что-то не то. Она из-за обиды в запой ушла. Меня и чувство вины гложет, и на Аленку зол. Тоскливо, противно, в депрессию свалился.

Тут еще из МВД следователь позвонил, велел обязательно быть у него во вторник. Видимо, из-за постов моих в социальных сетях с критикой власти. Я блогер, не на последнем счету, хотя и не такой популярный, как известные медийные личности. Приятелю давнему своему Васе Иванову немного уступаю по числу подписчиков. Его недавно также вызвали к следователю. И арестовали. Пока на два месяца. Собираются судить за экстремизм и призывы к беспорядкам.

В общем, все плохо у меня сложилось. И в тюрьме оказаться боялся. Вот и решил я вместо визита к следователю поехать в Лисий Нос.

В поселке с таким необычным названием жила моя тетка-ведунья. Ее считали колдуньей. Причем, весьма сильной. Сам я не видел ни разу, чтобы она принимала посетителей или проводила какие-либо ритуалы. Впрочем, мы приезжали к ней не часто. Обычно летом на выходных на день или на два.

Пару лет назад, всего за неделю до ее внезапной смерти, тетка позвонила мне и попросила обязательно к ней заехать. Рассказала она мне тогда историю про переход в параллельный мир, который находится якобы в дупле старого дуба при входе на коровий пляж, расположенный сразу за поселком. Тетка жила недалеко от пляжа, на Полянской улице. По ее словам, нужно полностью забраться в дупло того дуба и громко сказать: «Параллельный портал, откройся!»

Тетка пояснила:

— Об этом кроме меня знал только сынок мой Саша, твой брат двоюродный, который исчез три года назад. Помнишь его историю? Я ему открыла тайну дуба, и он ушел в параллельный мир. Теперь тебе говорю, может, воспользуешься порталом, встретишься там с Сашей. Мне видение было, что встретитесь вы.

С Сашей громкая история приключилась. Он работал в полиции в отделе борьбы с экономическими преступлениями. И попался на крупной взятке. Но сбежал из зала суда, легко ранив охранника. Тогда об этом в газетах писали. Однако брат исчез. До сих пор найти не могут.

После его побега многих людей опрашивали, меня к следователю вызывали, интересовались, где может быть Александр. А я тогда не знал про дуб, да если бы даже и знал, вряд ли сказал.

Мне не верилось в историю с параллельным миром, но судьба подкинула такую заваруху, что я вспомнил о дубе. Очень хотелось изменить свою жизнь, в моем состоянии даже атеист начинает верить в магию, и я решил проверить рассказ тетушки.

Приехал утром на пляж, нашел тот старый дуб с огромным дуплом, забрался в него и громко сказал:

— Параллельный мир, откройся!

И свершилось чудо великое, затрещал вдруг дуб, подхватило меня волной мощной,

понесло куда-то, и неведомая сила вытолкнула из дуба. Я больно ударился и потерял сознание.

Когда очнулся, зрение постепенно восстановилось, я осмотрелся. Оказалось, что лежу возле, вроде бы, того же дуба, только дупло у него стало маленьким, в него не мог поместиться даже пятилетний ребенок. Виден был и коровий пляж, только не заросший камышом так, как в моем родном мире.

Весеннее утро, довольно свежее, с приятной прохладой и радостным пением птиц, привело меня в чувства.

Я вышел к заливу. Просматривался противоположный берег, справа виднелся остров Котлин. Очертания берега и острова были, вроде, такими же, как и у нас, только вот привычные строения, которые различались раньше на другом берегу, теперь не наблюдались. И на острове не было собора, являвшегося у нас основной достопримечательностью города Кронштадт.

Мимо меня пробежал зверек, похожий на собаку, дворнягу средних размеров, только ногами, как у свиньи.

Вдруг я услышал приближающихся людей. Решил спрятаться в большущие лопухи, росшие на окраине пляжа.

Я ощутил мягкую шероховатость лопухов. В такой засаде приятно посидеть, солнце над головой поднималось все выше и выдавало уже оранжево-золотистое излучение, которое отражалось от тонкой ряби волн и переливалось причудливой сеточкой.

Появилась группа из четырех девушек в сопровождении трех мужчин, вооруженных щитами и дубинками, одетых в форму, напоминавшую форму охранников в современных магазинах.

Девушки были босоногие, в легких платьях, очевидно, они — простолюдинки, может, служанки или даже рабыни, если рабы есть в этом мире.

Я в раздумье шепнул себе:

— Интересно, куда они направляются?

Девушки несли на плечах большие сосуды и сети. На первый взгляд выходило: они шли набрать воду и ловить рыбу. Но стража зачем? Что-то многовато стражников для того, чтобы охранять всего лишь четырех девушек.

Красавицы поставили сосуды у воды. Их догнал весьма тучный мужчина, который прочел какую-то молитву и дал знак. Шлепая по воде босыми ногами, девушки стали разбрасывать сети. Действовали они согласовано, похоже, выполняли такое не раз.

Затем незнакомки стали наклонять сосуды. Емкости оказались не пустыми, из них вытекало масло. Оно расплывалось по воде и создавало пленку, переливающуюся всеми цветами радуги.

Я молча наблюдал за происходящим. У девушек фигуры идеальные, ни капли жира. Но больше всего привлекла одна из красавиц. В отличие от своих темноволосых подруг, она была блондинкой с совершенно белой кожей, которая отражала солнечные лучи и показалась мне перламутровой. Я подумал о том, что альбиносы — явление редкое. Невольница с такой кожей должна стоять целое состояние, а тут она выполняет обычную работу.

Девушки все шире расставляли сети, они зашли в воду по колени и начали петь, особенно красивым был голос девушки-альбиноса.

Я слушал негромкую, неизвестную мне песню на русском языке о смелом юноше,

победившем дракона. И наблюдал за тем, как на девушек шел косяк рыбы.

Красавица-альбинос закричала:

— Сегодня крупная форель идет!

Рыба вклинивалась в масло, начинала дергаться и трепыхаться. Плыла дальше по инерции, попадала в сети и постепенно скапливались в них.

Форели становилось все больше, девушки стали вытаскивать отдельные экземпляры из сетей и кидать в сосуды. Судя по выступающим на руках и ногах незнакомок жилам и венам, они были привычны к тяжелой работе.

Рослые стражники не сделали ни малейшей попытки помочь своим подопечным. Один из них подошел к тучному мужчине и сказал:

— Похоже, жрец, сегодня у нас будет богатый улов.

Священник ответил:

— Да, не малый. И довольно крупные экземпляры.

— Теперь мы отнесем их во дворец Грудника. Он будет нами доволен. Может, даже даст вознаграждение. Как думаешь, жрец?

Служитель церкви чужого для меня мира ответил так:

— Не советую особенно обольщаться. Глава поселения скуп, особенно к страже. А вот жрецов ценит больше. Побаивается богов.

Стражник оглянулся и сказал:

— Кто не боится богов?! Они могут сурово наказать. А каково после смерти оказаться под их властью?

Священник кивнул:

— За грехи вы заслужили суровую кару! Но можно купить себе место в райских кущах.

— Стоит слишком дорого, жрец, — пробормотал стражник.

В ту же секунду тихонько зазвенел воздух, и стрела с наконечником пробила нагрудную пластину говорившего со жрецом мужчины. Он зашатался и стал оседать. Вдогонку в него вонзилось еще две стрелы. Прочие стражники успели поднять щиты. Но тут раздался леденящий душу свист. Удивительно, как громко способен свистеть человек!

На лужайку выскочили пестро одетые разбойники, они размахивали дубинами, некоторые имели в руках луки. Их было человек десять. Поэтому жрец завопил:

— Добрые люди, не трогайте нас, пожалуйста. Я отпущу вам грехи и благословлю!

— Заткни в зад свои благословения! — закричали разъяренные разбойники. — Если хотите жить, ложитесь брюхом на землю!

Стражники колебались, но один из них заорал.

— Что вы мне сделаете, негодяи? Нитуп отомстит за нас! Да святится имя его во веки веков!

Невысокий, но смелый мускулистый мужчина смотрелся эффектно, однако ближайший разбойник атаковал его и сбил с ног, а подельники бандита накиннулись на беднягу и стали бить его ногами.

В это время один из разбойников набросился на светлую девушку, повалил ее.

Нет, не могу смотреть я, как толпой избивают одного, и, тем более, нападают на беззащитных девушек. Воспитание не позволяет.

Не помня себя от ярости, выскочил из лопухов и бросился на помощь девушке, подскочил сзади, со всего размаха ударил нападавшего бандита ладонью по шее.

Он зарычал как дикий зверь, а я всадил ему полусогнутым кулаком в сонную артерию.

Попадание оказалось точным, противник затих.

Девушка поднялась и отряхнулась. Она слегка улыбнулась мне в ответ. В это время подбежавший ко мне разбойник попытался ударить меня, но я успел отклониться в сторону и ответным выпадом нанес атакующему мощный удар кулаком по голове. Бандит упал.

К стражникам вернулся боевой дух. Они набросились с дубинками на нападавших и обезвредили сразу двух противников.

Часть разбойников подошли к девушкам. Альбинос крикнула подругам:

— Защитим свою честь!

Самая рослая из них ответила:

— А что толку! Рабство не станет слаще от перемены хозяина.

— Бьет не кнут, а тот, кто держит его! — возразила светлокожая красавица.

Я ринулся в гущу бандитов. Мне хотелось защитить девушек и показать им свою удаль. В родном мире я не был таким отчаянным парнем. Но сейчас на меня повлияла необычность ситуации и присутствие красивых беззащитных дам.

Я все-таки карате серьезно занимался, приемами джиу-джитсу владею. Знаю, как кулаком убить человека. У нас три уязвимые точки. Только бить в них нужно по-разному. В одном случае важна сила удара. В двух других — техника и точность попадания. Но не буду об этом. Не всем про смертельные удары можно знать.

К счастью, я ни разу не воспользовался своими знаниями в прежней жизни. Да и сейчас не собирался, но вот отбить атаку разбойников хотелось очень сильно.

Охранники передали мне в руки сразу две дубинки. Это позволило эффективно махать ими и совершать обманные выпады. Кроме того, я пользовался тактикой ударов в пах. Прием банальный, но действенный, особенно если атаковать еще и сверху дубинкой. Я провел несколько подобных выпадов, завалил пару разбойников.

Бой стал веселее. Девушки отбивались от нападавших парней чем попало под руку. Светлокожая барышня использовала оброненную кем-то дубинку. Красотка действовала ею весьма ловко. Точным выпадом разбила нападавшему ироду голову, другому бандиту сумела попасть по шее.

Я двигался как ураган. Что ни выпад, то сильнейший удар дубинкой. Добрался и до очень крупного главаря бандитов. Большущий низколобый тип для своих размеров оказался довольно быстр.

— Да я тебя растерзаю! — заорал разбойник и прыгнул на меня, размахнувшись дубиной.

Здоровенный замах — это ошибка, которой я воспользовался. Резкий выпад, короткий удар дубинкой в бычью шею. Бандит охнул и почему-то спросил:

— Ты из какой банды?!

Пришлось честно ответить:

— Я сам по себе!

— Кровавый слуга Нитупа... — с такими словами громила рухнул на траву.

Точным выпадом я поразил еще одного нападавшего, тот зашел с тыла и не ожидал, что я успею развернуться.

Теперь наглости у бандитов стало меньше. Они, впрочем, не отступили: у них оставался перевес в силах.

Я крикнул стражникам:

— Прижмитесь плотнее друг к другу, спина к спине, используйте щиты.

Мужчины послушались. Жрец по-прежнему стоял на коленях. Он что-то бурчал, затем вскрикнул:

— Остановите насилие!

Никто не обратил внимания на крик служителя культа. Я ударил под колено очередному разбойнику. Жрец опять крикнул:

— Прекратите бойню!

К нему, наконец, подскочил мужик с дубиной.

Жрец завопил:

— Пощадите! Я дам вам столько денег, что вы купите дворец.

— Вы жрецы — лжецы! А ну, прикажи страже сдаться! — рыкнул бандит.

— Уберите этого дьявола, тогда стража сдастся сама! — жрец указал пальцем на меня.

Разбойники в самом деле бросились ко мне и попытались окружить. Но меня выручили быстрые ноги, я не дал зажать себя в кольцо. Да и техника боев, которыми я занимался в родном мире, помогала уходить от ударов и поражать противников.

— В очередь становитесь на разделку! Всем отпущу грехи! — в азарте закричал я.

Разбойниками стал командовать тип с козьей бородкой. У так и не пришедшего в себя после моей атаки главаря нашелся заместитель. Я знал, что самый действенный способ посеять панику — устранить командира. Первый раз это сработало не в полной мере, но я решил обезвредить и типа с бородкой. Побежал на противника, неистово вращая дубинкой.

Разбойник заорал:

— Искромсайте гада!

Тяжело драться, когда на тебя налетают со всех сторон. Но я ударил ногой в живот вставшему на пути мужику. Потом резкий выверт, сальто, благодаря чему удалось отчаянным усилием подбежать к заместителю главаря. Тот махнул дубиной, но получил крепкий удар в прыжке коленом в подбородок.

— Как зубам, хорошо? — спросил я, приподнял обвисшее тело и заорал:

— Назад! Или я убью его!

Бандиты отступили, они были растеряны. Я посмотрел на потерявшего сознание мужика. Решил привести его в чувства, принялся массировать подбородок и щекотать шею. Разбойник открыл глаза, недоуменно захлопал ими:

— Если хочешь жить, то немедленно прикажи своим гориллам убраться! — крикнул я.

Бандит с трудом разлепил губы:

— Не надо меня убивать!

— Если не отзовешь банду, точно убью! — угрожающе сказал я и схватил напуганного мужика за горло. — Ты готов умереть прямо сейчас?

— Умоляю, не убивай! — послышалась отчаянная мольба бандита.

— Командуй своим! — последовал мой приказ.

— Отойдите от женщин! Быстрее! И уходите отсюда! — велел заместитель главаря.

Бандиты колебались, но все же стали потихоньку отступать.

— Что, мазурики, похоже, я вас надолго отважу совершать набеги и бросаться на женщин! — довольно произнес я.

Но тут послышался конский топот, вслед за ним несколько стрел полетело в мою сторону. Я едва успел прикрыться, подставив стрелам тело мужика с бородкой.

На подмогу бандитам прискакали их подельники. Понятно: теперь мне не устоять.

— Все, все, сдаюсь на милость победителей! — громко сказал я, оставил мужика с

бородкой, сделал вид, что поднимаю вверх руки, а сам бросился к всаднику на ближайшей лошади, стащил его, запрыгнул на коня и помчался с криком.

— Это не бегство, а тактический маневр. Никуда не расходитесь! Ожидайте здесь моего возвращения!

Хорошо, что я умею управлять лошадью. Не зря тренировался в конной школе у своего приятеля, даже объезжал лошадей. Пригодилось в новом мире!

Я опасался, что меня или коня могут поразить стрелой, но бандиты замешкались, и мне удалось умчаться на расстояние, где стрелы из-за дальней дистанции не могли нанести вреда.

В целом бой занял не много времени, я не заплатил за свою дерзость, но приобрел коня. Поскакал в сторону, где в моем прежнем мире находилась станция Морская. Там у развилки дорог повернул на узенькую тропинку, спешил и решил затаиться в густом сосновом лесу.

Вскоре к развилке подъехали несколько всадников. Один из них выругался:

— Куда делась эта мятежная задница?

— У него быстрый конь, — ответил другой бандит. — Жаль терять нашу лучшую лошадь, но, может, не стоит слишком удаляться от основных сил.

— Ладно! Возвращаемся!

Бандиты повернули назад. Их невнятное бормотание быстро стихло.

А мне предстояло решить дилемму: что делать дальше в совершенно незнакомом мире. Я выбрался из укрытия и поехал назад тихим ходом. Прислушивался, чтобы опять не напороться на разбойников. Мысли медленно ползали в голове, сплетая причудливый венок. В воображении всплыла белокурая девушка. Она в руках бандитов. Как и ее подруги.

Захотелось освободить их. Но это может стоить жизни. Бандитов много, перебить всех их нереально. Но раз уж я попал сюда...

Однако зачем ввязываться в очередную схватку? Нужно найти другое решение. Можно отследить, куда направляется банда, и что разбойники будут делать с девушками. Сколько в них красоты и грации! Тела совершенные, как у фотомоделей из моего родного мира. Была там у меня в юности пассия. Очень красивая, рыжая, стройная, высокая. Отличалась большим темпераментом. Но многого требовала от меня. Особенно денег. А сама стала гулять с другими парнями, мне сказала, что для нее одного кавалера мало. Пришлось с ней расстаться.

Когда я осторожно подъехал на лошади к пляжу, никого на нем не оказалось. Но остались следы всадников, пехотинцев и не совсем отчетливые следы босых женских ног. Я улыбался, пошел по следам. Поймал себя на мысли, что меня не удивляет перемещение в другой мир. словно так и должно быть. Более того, присутствовало ощущение новизны, я находился словно в цветном ярком сне, когда себя осознаешь, но как бы не в реальной жизни. Отчего почти не было страха.

По следам я вышел к стану бандитов. Привязал лошадь к большой сосне, а сам решил забраться на дерево и с него осмотреть лагерь.

Он оказался внушительных размеров. Недалеко от меня находился шатер, за ним горел большой костер, было еще несколько костров поменьше, виднелись многочисленные землянки. Разбойники отмечали добычу, слышались пьяные песни.

Девушки находились на скамейке возле деревянной постройки в конце лагеря. Бандиты подходили к ним, заигрывали, хватали за ноги. Барышни визжали и отбрыкивались. Время от времени главари орали на своих подчиненных, отгоняли их от соблазнительных женских тел.

Разбойники недовольно ворчали. На моих глазах один из сексуально озабоченных мужиков скинул шаровары и ринулся к девушкам. Ему удалось подмять под себя одну из невольниц, бедная барышня отчаянно закричала. В ту же секунду острый багор вонзился насильнику в бок. Бандит взревел от боли.

Тот, кто кинул багор, прокричал с угрозой:

— Я же говорил: пленниц не трогать! А вы прямо как животные, кидаетесь на них. Никому спуска не будет!

Я оказался в ином мире. Какую миссию следует здесь выполнить, меня не сильно волновало. Если есть увлекательное приключение, пусть оно будет!

Я сидел на сосне и наблюдал за лагерем бандитов. В нем царило возбуждение. Кто-то спросил кинувшего багор мужика:

— Не слишком ли жестоко так поступать с товарищем из-за бабы?

Бандит строгим голосом ответил:

— Дело не в бабе, а в соблюдении строгой дисциплины. Атаман вам все объяснил. Прежде он сам должен осмотреть этих девиц. Не испорченные будут стоять дороже. Особенно вон та светлокожая, за нее дадут хорошие деньги.

— Верно, Амбал, — сказал один из разбойников. — Атаман допросит священника и решит, что делать с девками. А светлая, действительно, хороша!

— Помните легенду о дочерях Блека, злейшего из богов? — спросил Амбал.

— Да! Они настолько белы, что цвет их кожи режет глаза, — сказал разбойник высокого роста.

— У Блека множество дочерей-красавиц, говорят, они соблазняют мужчин и убивают их, — ответил Амбал.

— В нашей профессии зло — именно то, чему надо молиться, — сказал разбойник высокого роста. — Только ведь богов много, необходимо выбрать из них того, кто сильнее.

— Самый злой и смертоносный и есть сильнейший, — предположил разбойник с перевязанной головой. — Вот Блек, лютее его никого нет. Верно, Амбал?

— Избыток злости отталкивает даже демонов. Умнейшего надо выбирать себе в покровители, а не самого лютого.

— И кого самый умный и великий? — поинтересовался разбойник с перевязанной головой.

Амбал ответил:

— Перун, конечно! Не зря он занимает первое место среди богов.

— Брахман тоже в почете! — послышался чей-то возглас.

— Да, в почете! Но ум — самое эффективное оружие. Что по сравнению с ним дубина, копьё или даже меч?

Высокий разбойник ответил:

— Тут я согласен с тобой, начальник. Хотя ударить дубиной по голове куда проще.

— Ты, Тарас, меньше махай дубиной, а больше слушай тех, кто умнее тебя.

Тарас пролепетал:

— Я, извини, начальник, простой крестьянин. Где уж мне до тебя и до атамана. Он уже допросил жреца, а теперь застрял в своем шатре с Платохой.

— Они обсуждают ближайший поход...

Я решил, что лучше слезть с дерева и осмотреть лагерь, пока меня не обнаружили. А потом поступить по обстановке. Плохо, что я — совсем один. Девушек одному не отбить. Впрочем, у меня есть ум и способности супергероя. Что-нибудь придумаю.

Слез с сосны. Лошадь отвязывать не стал, тихонько обошел изрядно поддатого караульного, направился к шатру атамана. Расположился с задней стороны и прислонился ухом к ткани шатра в надежде услышать что-нибудь интересное. Мужчина жаловался

атаману.

— Это ноющая рана меня достала! Пропустил выпад того воина. Он был настоящим демоном. Лучшего коня нашего угнал. Странно, откуда он взялся? Может, нанят Грудником?

Собеседник ответил что-то тихо и неразборчиво. Затем опять послышался мощный голос Платохи:

— Что нам до этого, атаман? Придет колдун и приготовит такое зелье, что наши ребята станут непобедимыми. Вот тогда можно будет спалить пару-тройку деревень у Белого. А то он возомнил себя великим, хочет здесь всем править! Не дадим ему!

Последние слова заставили меня призадуматься. Оказывается, здесь разбойники замышляют набеги на деревни. Крутые больно! Но как спасти девушек?

Мои мысли прервал возглас Платохи:

— Как твой помощник, я — за! Но не будет ли это слишком?! Хотя решать тебе. Может, перед походом принесем жертвы всем богам пантеона, как черного, так и белого?

Проходивший мимо бандит спугнул меня, я отошел от шатра. Стараясь изображать пьяного, продолжил осматривать лагерь и продвигаться в сторону девушек. Но меня окликнули у ближайшего костра, где жарили что-то мясное.

— Что надо? — спросил я.

— Выпей с нами, братан! — предложил один из бандитов.

У костра собралось человек десять. Они уже изрядно напились. Самый крупный из них, настоящий великан с двойным подбородком, поднял над головой бочонок и жадно хлебал. Насытившись, он спросил у меня:

— Ты кто? Я тебя не знаю! Из новеньких?

Я пожал плечами:

— Присоединился к вам недавно. Надоела нищета.

— Вижу! Ты — сосунок. И вырядился как сосунок. Настоящие мужчины в таком не ходят. Нет, не сосунок? Может, сразимся тогда на палицах? — пьяный великан глупо захихикал.

Я окинул пьяницу презрительным взглядом. Не было у меня другой одежды, кроме спортивного костюма и весенней куртки. И драться не хотелось. Нет, я не испугался, ловкость и скорость обычно берут вверх над размерами и массой. Просто, мне нужно было добраться до девушек, а не привлекать к себе внимание.

Но великан настаивал:

— Что, испугался? Я не отпущу тебя без сражения.

— Ладно, можно сразиться, только я еще пожил слишком мало, чтобы вот так бездарно умереть от удара палицы, — с притворным страхом в голосе ответил я. — Может, лучше в другом посоревнуемся?

Исполин спросил:

— В чем, коротышка?

— В беге! — предложил я.

Толстяк-великан приподнялся, его переполненный живот бурчал. Где уж такому бегать, если и ходить тяжело.

— Ну, уж нет, сморчок!

Я с издевкой сказал:

— Думал: великий воин может быстро бегать.

Разбойник прорычал:

— Могу! Но не сейчас! Я все могу! Я — Валуй! Меня все знают!

Хвастовство — не признак достойного бойца. Я решил, что этот богатырь — мой клиент на расправу. Но решил придумать что-то оригинальное.

— Так, отлично! — сказал я разбойнику. — В чем мы еще можем сразиться?

Валуй рявкнул:

— Давай на руках поборемся. Так уж и быть, ты — двумя руками, а я — одной.

— Так из твоей одной можно сделать пять моих, — возразил я.

— Что, припух?

Идея борьбы на руках не испугала, у меня с детства сильные руки. Но у Валуя они могли оказаться еще сильнее, да и простота состязания показалась мне не интересной. Но отказать тоже рискованно, засмеют, еще и физиономию могут попытаться набить.

— Нет, не припух, но хочется чего-то более оригинального, — ответил я.

— Чего?

— Кто, например, громче свистнет.

— Я что, соловей? — глазища великана удивленно захлопали.

— Ты что не знаешь, что громко свистеть — привилегия богов? — спросил я.

— Как это? — не понял гигант.

— Знаешь поговорку: пока Брахман не свиснет, мужик не поклониться?

— Ах, вот ты о чем, — великан почесал макушку. — Ладно, давай свистеть, тогда увидишь, кто подобен богам. Я известный воин. А потому свищу первым.

Бандит положил в рот два пальца и издал квакающий звук. Изрядно пьяный громила разучился нормально свистеть. Но я сделал вид, что восхищен:

— О, какая мощь! Просто бьет по ушам!

— А чего ты ждал, малявка?! Когда я трезвый свищу, сотрясаются камни.

— Да, у тебя, я вижу, талант. Но давай сделаем так. Твой горящий взгляд смущает меня, у тебя такие страшные глаза! — сказал я.

Амбал постарался еще более набычиться:

— Конечно! Передо мной трясутся враги!

Я вкрадчивым тоном добавил:

— Так вот, чтобы нам всем не помереть, тебе следует завязать глаза.

— А это еще зачем? — удивился разбойник.

— Как ты не понимаешь?! Тут одни твои друзья. Им невыносимо страшно и больно видеть твой взор, — сказал я.

— Да, Валуй, завяжи глаза! — стали подтрунивать над приятелем его собутыльники. — Очень тяжело на твой взор глазеть!

Пьяницам хотелось нового развлечения, некоторые почувствовали, что незнакомый молодой мужчина задумал что-то неожиданное, а великан достал всех своей грубостью и хвастливостью.

— Ну, ладно! Если вы так настаиваете, завязывайте!

Громила нагнулся и один из разбойников скрыл глаза великана платком. Я же взял в руку валяющуюся у костра дубинку и сказал:

— А теперь слушай свист бога!

Крепкий размашистый удар дубинкой пришелся встык между виском и макушкой разбойника. Великан под хохот собутыльников рухнул на землю.

— Я ударил легонько, — решил сказать смеющимся мужикам. — Полежит немного,

очухается.

— Ничего, ему на пользу, — ответил кто-то из разбойников.

Я с улыбкой спросил:

— Как? Вы что-нибудь поняли?

— Поняли: не такая уж у Валуя прочная голова, — ответил один из смеющихся пьяниц.

— Верно! Ладно, можете обшарить громиле карманы, а мне некогда! — сказал я и решил двигаться в сторону девушек, но вдруг послышался крик:

— Так это тот самый лазутчик Грудника! Это он напал на нас на пляже! Держите его!

Я вынужден был вступить в драку. Прыгнул на ближайшего бандита, ударил его со всего размаха ногой в солнечное сплетение, затем подхватил дубинку и набросился на следующего разбойника. Удар на опережение, и враг падает как подкошенный.

Я сражался как демон. Уложил ударом ноги в пах очередного бандита, затем вырубил еще человек пять. Но разве с толпой совладаешь? Они притащили сеть, накинули на меня. Попинали ногами. Я успокоился, затих.

— К атаману его! — услышал звонкий голос, когда немного пришел в себя. — Пусть разбирается!

Меня подхватили несколько рук, внесли в шатер атамана. Кто-то стал докладывать:

— Батяка атаман! Мы лазутчика поймали. Того самого, что на пляже... Просто бес какой-то. Никогда не видел равного ему в драке. Видно, натренированный сильно ушастыми и заслан к нам.

— Ну-ка дай взглянуть, — услышал я голос, сразу показавшийся мне знакомым.

Меня приволокли к ногам атамана. Я посмотрел на него и обомлел! Передо мной в деревянном кресле сидел мой двоюродный брат Саша, исчезнувший несколько лет назад! Или человек, как две капли воды похожий на него. И атаман недоуменно смотрел на меня. У меня первого прорезался голос:

— Санька, ты ли это?

Атаман сделал мне знак рукой: молчи!

Недавно совсем тихо говоривший с Платохой атаман вдруг вскочил с кресла и заорал:

— О-о-о! Это пароль! Это те самые слова, которые я жаждал услышать! Наконец-то боги слышали мои молитвы и прислали нам помощника! Слышите вы! — атаман обратился к присутствующим в шатре бандитам. — Мы избранные! Боги с нами, они прислали нам своего человека. Немедленно развяжите его и покиньте нас!

— Ты что, атаман? В своем уме? — спросил Платоха.

— Было мне видение, будто боги пришлют нам в помощь человека. Ночью ко мне во сне явился в образе старца один из богов. И сказал, что присланный человек будет защитником простых людей, даст начало новой религии. Паролем будут его слова: «Санька, ты ли это?». «Можешь считать его сыном неба! — сказал старец. — Вы же должны принять его и организовать мощное войско, которое устраним сложившийся олигархический режим, ставший неудобным богам и всем простым людям».

Я, как и находившиеся в шатре разбойники, с удивлением слушал атамана, а он закричал своим опять:

— Немедленно оставьте нас! Все пояснения я дам на сходе через час!

Разбойники нехотя покинули шатер.

— Как вовремя ты появился! — опять очень тихо, но обрадовано сказал Александр как только все вышли. — Я как раз готовлю народ к восстанию. Хотим захватить власть и

скинуть ненавистных народу правителей...

— Ты хоть скажи, куда я попал, — поинтересовался я.

— В параллельный мир. Здесь у нас типа религиозно-демократической монархии.

— Это как?

— Ну, царя как бы выбирают. Точнее, его предлагает учредительное собрание якобы с учетом мнения народа, а на самом деле по указке тайных правителей мира. А совет старейшин и патриарх одобряют кандидатуру. Потом расскажу подробней. Сейчас у нас такое назревает! Здесь увеличили рабочую неделю на пять часов, затем ввели поголовные обязательные уколы для бедноты и прислужников, люди недовольны, созрела революционная ситуация. Давай выдадим тебя за сына божьего, чтобы...

— Ты что, сдурел? — перебил я Александра.

— Ну, хотя бы за посланника Бога на земле.

— Не нужно мне такое! — искренне сказал я.

— Зато мне нужно! Ты пойми, здесь очень религиозная нация, а я хочу подорвать империю, устроить восстание, поднять народ, — всерьез сказал Александр. — И для пущей убедительности мне нужен посланник бога, который...

— Подорвать империю? — опять перебил я Сашу.

— Вот именно, ведь в стране очень много людей, низведенных до положения рабов. Куда больше, чем сторонников нынешней власти. Многие бедняки, да и горожане поддержат освободительную борьбу. Непомерные налоги и сборы царя-резидента и его сатрапов ввергли народ в нищету. Во мне проснулось желание улучшить, а то и вовсе изменить мир. Я серьезно думаю поднять восстание. И ты мне должен в этом помочь!

— Я никому ничего не должен! Тем более, делать такое сложное дело, как революция в незнакомом мне мире.

— Это проще, чем ты думаешь! Нынешняя власть держится на обмане, подлом и наглom. Кучка олигархов пьет народную кровь, уже захлебывается ей и отрыгивает. Многие понимают это. И готовы сопротивляться. В государстве полно рабов и если мы пообещаем им волю и равные права, то они вместе с беднотой поддержат нас.

— Я понял: ты хочешь завоевать власть. Многие мечтают об этом.

Александр невольно поморщился. Но с воодушевлением сказал:

— У меня достойная цель! Я искренне хочу улучшить жизнь людей сначала в этой стране, а потом и во всем мире.

— Насколько мне известно, в нашем родном мире никому пока не покорилась планета целиком, — сказал я. — Хотя, возможно, здесь по-другому.

— И здесь так. Но я хочу стать первым, а ты будешь помогать мне!

Я на мгновение задумался: все ли у Саши в порядке с головой? Хотя его идея, несмотря на всю дикость, показалась мне соблазном, неким приключением, в которое можно вписаться.

Я протянул ему свою мускулистую руку и с улыбкой сказал:

— Желаю тебе удачи! Поклянись только самой страшной клятвой, что будешь бороться за интересы простых людей!

— У нас будет общее дело! — с убежденностью воскликнул Александр. — И так как наши интересы совпадают, никакие клятвы не нужны! Если богам будет угодно, то они помогут нам. Ведь вмешательство высших сил происходит постоянно. И ты появился не случайно...

Александр говорил убеждено. Я же до попадания в параллельный мир был почти атеистом и не задумывался о влиянии высших сил.

— Сначала расскажи хоть, как здесь очутился, как атаманом стал, — попросил я брата.

— Подставили меня на родине. Если помнишь, я заместителем начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями был. Конфликт у меня с руководством обозначился. Требовали больше денег им отдавать. Там система такая сложилась: все предприниматели отстегивают за покровительство, а значительная сумма «на верх» идет. Мы на одного бизнесмена вышли. Начальник велел хорошо его «раскулачить». А бизнесмен тот нечестный предложил приличную сумму за то, чтобы от него отстали. Договорились с ним. Я не понял, что это — подстава. Но при передаче денег меня взяли, вроде как, с поличным за взятку. Начальник постарался. Не угодил ему...

Не хочу об этом больше. Меня под стражу взяли, судебные заседания начались. Уже на первом суде по предвзятым вопросам судьи понял, что реального наказания не избежать. Мне семь лет строгого режима светило. Вот и решил удрать. Матушка про портал рассказала, подумал: лучше в другой мир попасть, чем в тюрьму нашу. Из СИЗО сложно убежать, решил из зала суда. В туалет попросился, меня парень молодой сопровождал, отключил его точным ударом в солнечное сплетение. На улицу выскочил, наручники отцепил и скорей на электричку.

Понятно, план перехвата объявили. Я их методы работы знаю. Но пока активно начнут искать, какое-то время есть для того, чтобы скрыться. Не стал я нигде отсиживаться, в поезд сел, до Ольгино доехал, в Лисий Нос не рискнул: вдруг успеют на платформе уже человека поставить, чтобы меня караулил.

Пошел пешком по берегу залива к нам. Домой, естественно, не рискнул, дошел только до дуба, про который мама говорила, и сразу в дупло. Сказал заветные слова, так здесь и оказался. Встретил местных, сказал, что память у меня отшибло. К разбойникам попал, в авторитет у них вошел, выбрали меня недавно атаманом. Готовим сейчас им революцию.

— Кому — им? — поинтересовался я.

— Да власти нынешней, местной знати, ушастым этим...

— Ты скажи хоть, какой здесь год сейчас?

— Семь тысяч пятьсот тридцатый...

— Какой? — удивился я.

— Семь тысяч пятьсот тридцатый от сотворения мира. Это по старославянскому календарю, который здесь принят. У нас же, в той жизни, как ты знаешь, летоисчисление велось от рождения Иисуса Христа, а здесь — со дня, когда Бог создал землю и человека.

— А как же раскопки, Чарльз Дарвин, эволюция, превращение обезьяны в человека?

Александр пояснил:

— Здесь запрещено все то, что не подпадает под официальную религиозную точку зрения. Если начнешь рассуждать про теорию естественного отбора, тебя арестуют и выпорют. Или объявят сумасшедшим.

— Вот и у нас, ты не застал, объявили пандемию коронавируса, массовую, обязательную для большинства граждан вакцинацию, существенные ограничения для не привитых. И против сказать ничего нельзя. Я думаю, коронавирусная истерия раздута для

того, чтобы отвлечь людей, запретить митинги и большие собрания граждан, погасить протестные выступления и беспорядки. Уж очень беспокойно сейчас в нашем мире.

— А что, и в нашей родной России разве опять может революция начаться? — поинтересовался Саша.

Я ответил так:

— Путин сказал, что революция в нашей стране невозможна. Но большинство людей считают по-другому. У нас сильная власть. Оперативно устраняет своих противников. Даже меня могли посадить за мои заметки с размышлениями. Но может найтись какой-нибудь сильный, но малоизвестный пока политик, и громыхнет в России... Может, ты вернешься в наш мир и там устроишь им... Впрочем, нет, нам не нужны бунты и потрясения. Никому от этого лучше не станет. Любая революция приводит к смертям и лишениям. У нас есть надежда на то, что власть одумается, поменяет курс развития страны.

— Здесь такой надежды уже нет, — задумчиво сказал Александр.

— А на самом деле, если по нашему летоисчислению, какой тут сейчас год? — вновь задал я интересовавший меня вопрос.

— Думаю, такой же, как и у нас. Наверное, Бог создал два наших мира одновременно. Только здесь люди оказались менее воинственными и даже более религиозными, чем у нас. Здесь не было ни революции семнадцатого года, ни Первой, ни Второй мировой войн. Но этот мир существенно отстает от нашего в техническом развитии.

— Войны, гонка вооружений и военной техники являются весомым стимулом такого развития, — сказал я.

— Вот, вот! Тут страны пошли по пути исследования здоровья, а не техники. Даже двигатель внутреннего сгорания до сих пор не изобретен. Люди ездят на лошадях, к которым доступ неприкасаемым запрещен.

— Здесь неприкасаемые есть? — опять спросил я.

— Да, тут сохранились сословия. Элита — это знать: богачи, епископы, прокураторы, управляющие, типа наших министров и крупных руководителей. Мы называем их ушастыми. Затем идут смотрящие: руководители городов, крупных сел, заводов. Потом — мещане. Ну, это типа свободных граждан, мелких торговцев. Ниже мещан — самое многочисленное сословие — работяги. В него входят не только рабочие на заводах, но и крестьяне, а также прислуга ушастых и смотрящих. Наконец в самом низу — неприкасаемые или рабы. Для них определены самые грязные работы...

— Чем-то похоже на касты, как в Индии, — задумчиво сказал я.

— Да, похоже, — согласился Саша. — Индия здесь — удаленная территория под управлением России. Вернее, не России, а ФГР. Так называется наше государство.

— ФГР? — переспросил я.

Федеративные Губернии России. Входим в Мировое сообщество государств. А еще, насколько я понял, всем руководят здесь тайные правители. Своего рода закулиса, которая приводит к власти в подконтрольных государствах лояльных правителей — царей и епископов.

— Индия, получается, наша колония? — опять поинтересовался я.

— Не совсем так. Здесь нет понятия «колония». Есть — территория под управлением, со своим царем, своими руководителями, порядками, обычаями. Только контроль осуществляется более мощной державой. Мы контролируем Индию, республики Ближней и Средней Азии. Англия — большую часть Африки и США.

— Даже США? — удивился я.

— Да, здесь это государство не получило такого развития, как у нас, — пояснил Александр. — До сих пор в Америке преобладает коренное население, которое в нашей той жизни называют индейцами. Много и прибывших из Европы, но они не «задвинули» коренных, как в нашем мире. В целом, здесь русские, а не англосаксы имеют наибольшее политическое влияние. Хотя именно закулиса реально управляет миром.

— Понятно, — сказал я.

А Саша продолжил:

— В остальном тут много похожего на наше. Только люди другие, может, очень близкие нам по характеру, устремлениям, но более набожные, хотя про Иисуса Христа им ничего неизвестно.

— Как так? — не понял я.

— Возможно, не было его в этом мире. Вот и я, и ты... мы не можем быть одновременно сразу в двух мирах. Здесь рождались похожие люди с теми же наклонностями. Наверное, были даже двойники многих людей, известных в нашем мире, но они были другими, с другой душой, их наклонности и способности реализовывались по-другому, в соответствии с этой реальностью. Я думал над этим. Возможно, Бог послал своего сына в наш, более жесткий, воинственный мир. Но не мог Иисус оказаться сразу в двух измерениях. Как и Путин не может быть и у нас, и здесь. Тут страны пошли по иному пути развития. Но говорят на тех же языках, что и у нас. Только существует еще и язык международного общения. Помнишь, у нас была попытка в двадцатом веке ввести в обиход эсперанто?

— Помню. Хорошая идея была, простой язык на основе слов, встречающихся в большинстве национальных языков. Но эсперанто почему-то не прижился.

— А здесь он — второй государственный во многих странах. У нас же англоязычным просто выгодно было, чтобы в мире преобладал их язык.

— Так зачем здесь делать революцию, если велико влияние русских? — спросил я брата. — Наверное, этот мир лучше, справедливее нашего?

— Не совсем. Тут не было такой жестокости, как у нас, например, в средние века. Не было таких кровопролитных войн, революций, террора. Но не было и социалистических государств и тех социальных реформ, что были в СССР и странах соцлагеря. Тут простой народ забит, малообразован и очень религиозен. Детей простолюдинов до сих пор учат в церковно-приходских школах, где основной предмет — Закон божий, ну, и читать немного учат, быть послушными, беспрекословно выполнять приказы господ и тех, кто выше по сословию. Вот и все обучение. Работягам грамота не обязательна.

Александр вздохнул и сказал опять:

— А природа в этом параллельном мире такая, как и у нас. Только менее загажена человеком. И дома здесь другие, нет больших многоэтажек. На месте маминого дома —

барская усадьба.

— И звери у вас есть другие, — сказал я. — Мимо меня пробежал один с ногами, как у свиньи.

— Так это — бандикут. Тут сохранились некоторые животные, которые исчезли в нашем мире. А вот с домашними питомцами у нас на родине большее разнообразие. Здесь есть собаки, но домашних мало и не много пород, зато енотов приручили. Расскажи, как ты оказался у нас.

— С подругой поспорил. А еще написал статью про то, что управление основными странами, в том числе и Россией, осуществляется из единого центра. Богатейшие люди приводит к власти своих ставленников, которые выполняют то, что от них требуют хозяева.

— Так и здесь аналогичная ситуация! — воскликнул Александр. — Говорил тебе уже про закулису...

— Я писал, что противостоять антинародным реформам можно путем забастовок и протестов. Даже Зюганов говорил об этом. Ему ничего, а меня к следователю вызвали. У нас там одного моего знакомого посадили за подобные статьи. А я сидеть не хочу! Мне матушка твоя про портал рассказала...

— Как она? — перебил меня Александр.

— Умерла год назад.

— Да?!.. Ничего не знал.

— Прими мои соболезнования!

— Спасибо, Леша. Жаль... Надо осмыслить... Но тебя точно выдадим за посланника Бога на Земле. Без покровительства богов сложно будет народ массово поднять...

— Ты себя лучше объявляй посланником или кем хочешь.

— Не. Не получится себя. Сразу нужно было, теперь поздно. Все знают меня лишь как человека, потерявшего память.

— Значит, говоришь, тут революционная ситуация возникла? — снова спросил я.

— Да! В последнее время нынешняя элита решила еще больше закрутить гайки. Здесь была пятидесяти пяти часовая рабочая неделя.

— Ничего себе! — воскликнул я.

— Да. Пять дней работают по десять часов, а в субботу — пять. В воскресенье тут принято в церковь ходить. Но богатеи решили, что чернь и в субботу должна работать десять часов. А под предлогом спасения экономики еще и интенсификацию труда ввели. Ну, это чтобы производительность труда выросла, чтобы люди интенсивнее работали. И наконец-то здесь начались протесты, волнения, забастовки на некоторых предприятиях. Не только у нас в ФГР, но и в других странах похожие дела. Тогда мировая закулиса ввела обязательные уколы для населения якобы укрепляющими препаратами, но противники говорят, что эти уколы затормаживают поведение человека, делают его апатичным, сокращают продолжительность жизни. Якобы слишком много людей стало, нужно сократить численность населения на планете.

— Надо же, в нашем родном мире похожие дела происходят! — сказал я. — У нас забастовки и волнения начались во Франции, США и других странах. Затем была объявлена пандемия коронавируса. Это новый вирус такой. Под него объявили локдауны, запретили массовые мероприятия. А потом ввели обязательные для многих категорий граждан прививки. Пошли слухи, что под это дело станут чипировать людей. Чтобы контролировать всех, отслеживать перемещения. Я в эту ерунду не верю, Но ковид-диссидентов,

противников вакцинации, много. Для нас даже уголовную ответственность ввели, чтобы не мешали прививочной компании. Но продолжительность жизни сокращается, люди очень недовольны...

— И у нас диссидентов много, в леса бегут, — сказал Александр. — Мой отряд за последние месяцы сильно пополнился. И ты появился. Вместе нам будет проще...

Я решил перевести разговор на другую тему и спросил:

— А как здесь обстоит дело с болезнями? Эпидемии и пандемии часто происходят?

— Нет. Тут вместо развития вооружений и фармацевтики пошли по пути вкладывания средств в исследование естественных механизмов здоровья. И многого добились. Представляешь, тут медицина преимущественно профилактическая. Помещают человека в специальный агрегат и тренируют его сопротивляемость болезням тщательно подобранными стрессовыми воздействиями: током, холодом, физическими нагрузками. Люди болеют мало. И лечат их не таблетками и уколами, а травами, настойками. Говорят, ушастые многого добились в методах замедления старения. Только держат эти методы в секрете для населения, применяют лишь для своих. Но людей не прививают от болезней. Как мне рассказали, тут были вспышки эпидемий, аналогичные нашей испанке и тифу около ста пяти лет назад, как раз в то время, что и у нас бушевали. Только не такие суровые...

— А эпидемии чумы были?

— Рассказывают, что были. Кстати, обратил внимание, что комаров почти нет, даже в лесу?

— Да, не кусают.

— Здесь решили, что переносчиками не только малярии, но и чумы, и других инфекций являются насекомые. И объявили войну комарам. Придумали какой-то порошок, который их убивает, повсеместно обрабатывали болота и другие места, где выводятся комары.

— Что и детей не прививают? — спросил я. — Болеют, наверное, полиомиелитом и другими гадостями.

— Бывает, болеют. Народными средствами пытаются выходить. В нашем родном мире детская смертность ниже. Зато здесь раком редко болеют. Но давай о болезнях потом поговорим, а сейчас к делу. И так уже долго беседуем.

— Что ты конкретно предлагаешь? — спросил я.

— Значит, договорились: объявлю тебя посланником главного бога Перуна на земле.

— Может, не надо? — поинтересовался я.

— Надо, Леша, надо! Мы такое замутим! Я чувствую: все получится. Разве ты не хочешь сделать мир честнее и справедливее? Думаю, в этом наше предназначение. Именно для этого боги свели нас вместе.

— Что ты хочешь? Сделать революцию? Как Ленин? К советам и социализму перейти? — опять спросил я.

— Типа того. Будем тут все менять. Давненько подумывал я устроить им революцию. Только без атеизма. Человек должен верить в бога. Бог — отец родной, создатель Земли и людей. Каждый для него как сын. Он все видит, он мудрый, все понимает. Мы дадим народу истинную веру, без оправдания эксплуатации и утверждений, что мы на Земле — в тюрьме.

— Это как? — не понял я.

— Представляешь, здесь религия учит, что Бог направляет людей из Nirваны на Землю за грехи для исправления, мы здесь как в тюрьме отбываем свой срок. Каждому отмерено определенное количество лет. Нужно исправно работать, все сносить и не пытаться

сократить то, что положено. Самоубийство — это как побег из тюрьмы. Оно карается там, на небесах. Будет новый, более жесткий срок, более мучительное существование в следующем воплощении. С физическими увечьями, в очень неблагополучной семье неприкасаемых.

— А тюрем здесь нет? — спросил я.

— Есть! Только они называются карцером.

— Оригинальная у вас религия, — сказал я.

— Тут она общепринята. Священники внушают, что наш удел — страдать. Чем больше страдаем, чем больше и лучше работаем, тем быстрее придем к Нирване. Это как рай в Православии. Либо следующее воплощение будет более удачным. Знаешь, наверное, про три составляющие власти: исполнительная, законодательная, судебная. Но самая сильная власть — религиозная.

Я решил возразить:

— Но Ленин пришел к власти, выступая вообще против религии.

— Там другая ситуация была. В нашем мире в начале двадцатого века нужно было подорвать веру народа в Бога. У нас мало об этом говорят, но власть во многом держится на религии. Ключевым событием, изменившим мировую историю, а в последствии приведшим к социалистической революции стало Кровавое воскресенье.

— Спорное утверждение, — сказал я.

— Прошлое России, как, впрочем, и прошлое других стран, неразрывно связано с религией. На протяжении многих веков в глазах народа церковь была носителем истинных знаний. На православной вере держалось русское государство. Весь образ жизни русского мужика был пронизан христианской верой, православные почитали и исполняли заповеди Иисуса Христа, ходили на исповедь, соблюдали посты, усердно молились, прощали господам все свои унижения, своей жизнью стараясь заслужить себе пропуск в рай. Вера в Бога помогала русским людям переносить любые беды и невзгоды, принимая их за испытания, посланные свыше. И эту веру несла в народ церковь, которая занималась нравственным воспитанием человека на религиозной основе.

Верующие воспринимали жизнь так, как учили их священники. А христианское учение подразумевало наличие заместителей Бога на земле. На папской митре написано выражение, в переводе с латинского означающее «Заместник сына Божия». Православная церковь объявила заместителем Бога на земле царя, поэтому все люди должны были безоговорочно подчиняться царю и людям, наделенным им властью.

— По-моему, ты преувеличиваешь, — сказал я.

— Вовсе нет! Вера во Христа однозначно была перенесена на царя. И с этим спорить бесполезно. Люди были научены тому, что царь и его представители, графы, помещики, олицетворяют волю Божью, священники внушали мужикам: власть царя и помещиков установлена самим Богом. Православное воспитание было тем живительным потоком сил и энергии, который поддерживал существующую власть, помогал держать в повиновении огромную массу совершенно бесправных трудящихся.

Как и здесь сейчас, жизнь простого труженика была тяжелой. О страданиях и несправедливости

русского мужика сказано и написано много. Почитай хотя бы исторические очерки, произведения классиков.

— Где здесь я буду читать про наш мир? — улыбнулся я.

Саша не обратил внимания на мою реплику. Он продолжил свою лекцию:

— Особенно безграмотными и бесправными были крестьяне. Изнурительный труд и нищета, полное бесправие. Помещики смотрели на крестьян как на свою собственность, почти как на скотину. Однако и после отмены крепостного права жизнь крестьян сильно не улучшилась. Не имея своей земли, бывшие крепостные опять-таки были вынуждены батрачить на помещиков. Тяжелый труд на барина и единственное утешение по воскресеньям и праздникам — поход в церковь, где батюшка окажет психологическую помощь, пообещает за праведный труд вечное блаженство в раю после смерти. То же и с рабочими, вкальвывавшими на капиталистов. Именно такая ситуация здесь сейчас. Нищий, бесправный труженик находит утешение только в религии. А священники внушают людям смирение и покорность...

— Ты читал Библию? — зачем-то спросил я.

— Да, читал. Библия учит слушаться властей. Устами апостола Павла утверждается, что власть такая, которую мы заслужили. Бессмысленно бунтовать против власти. Пойти против царя и помещиков — значит, пойти против самого Бога. Здесь, в этом мире, другие книги. Но суть — одна. Церковные служители говорят об обязанности каждого человека покориться гражданским властям как авторитету, определенному Богом. И стойко переносить все невзгоды и унижения.

— Все считают, что вредному церковь учить не может, — вклинился я со своей репликой.

— Да, но религия отвлекает людей от борьбы за свои права, учит верующих пассивности и слепому следованию своим заповедям.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением произнес я. — Рассуждаешь как атеист.

— Меня нельзя назвать атеистом. По крайней мере, я верю в бессмертие души, высший разум и справедливость. Просто говорю тебе о том, что любая религия воспитывает смирение и покорность, заставляет мириться с судьбой, является тормозом в борьбе с властью богачей. Большевикам удалось подорвать веру народных масс в царя как наместника Бога на земле, многовековую веру бедных людей в хорошего царя и плохих бояр. В Кровавое Воскресенье мирные колонны горожан с детьми, иконами и церковными знаменами были встречены шашками и выстрелами из винтовок в упор. Люди шли к царю с петицией пожаловаться на свою тяжелую жизнь, а их жестоко расстреляли. Это событие помогло многим поменять взгляды на мироустройство, когда одни купались в роскоши, а другие влачили жалкое существование. Многие усомнились тогда, что такой порядок угоден Богу, поняли, что заповеди Иисуса Христа, вера в Бога и высшую справедливость — это одно, а использование веры для эксплуатации людей — совсем другое. Ослабла вера в то, что существующий порядок угоден Богу, и царя вскоре свергли.

— Значит, ты хочешь подорвать веру в то, что внушают тут священники, а потом устроить революцию? — спросил я.

— Здесь проще представить тебя посланником Бога, который явился, чтобы изменить мир. Поверь, так надо! Мы будем делать революцию, ссылаясь именно на волю Бога.

— Не знаю, что получится, — опять скептически сказал я.

— Все получится! — ответил Саша. — Ладно, засиделись, пойду к своим, представлю

тебя как посланника главного бога Перуна.

Саша выглянул из шатра и громко закричал:

— Платошка, зови всех на сход на поляну.

Потом опять обратился ко мне:

— Поселок наш Лисий Нос здесь называют Лисино. Крупное по здешним понятиям поселение, расположенное на землях семейства Штенбоков. Смотрящим за поселком назначен некий Грудник.

Так я оказался в параллельном мире в отряде брата Саши, поставившего перед собой цель изменить мир к лучшему с помощью восстания. Но для этого нужно было собрать немалые силы и готовиться к походу.

Атаман Александр Непомнящий произнес проникновенную речь. Он убеждал разбойников и примкнувших к ним диссидентов в том, что по его просьбе боги прислали им в помощь человека, своего посланника. Теперь великие победы им обеспечены.

— Мы прекращаем набеги и разбои! — вещал атаман. — Мы установим свои законы и будем экспроприировать, то есть брать по закону то, что нахапали богачи, и раздавать бедным...

— А себе будем что-нибудь оставлять? — послышался ехидный голос из толпы людей, собравшихся на поляне.

— И себе будем! — ответил Александр. — Нас ждут великие дела. Мы сломим зажавшуюся власть, мы раскулачим обнаглевших олигархов и лживых извращенцев-священников. Мы сами станем элитой! Для этого нам боги прислали человека...

Кто-то крикнул опять:

— Если этот человек на самом деле прислан богами, пусть покажет нам чудо.

— Он не наделен полномочиями творить чудеса, — ответил атаман. — Он послан как наблюдатель и наш помощник.

Все же авторитет брата подействовал, скептически настроенные разбойники успокоились, и Саша провел лекцию о всеобщем равенстве и братстве.

Я слушал речь родственника в сторонке, около шатра. Когда брат вернулся, спросил его:

— Будешь действовать как Ленин?

— Что там у него? — ответил вопросом на вопрос Александр.

— Ты лучше должен знать, — сказал я. — Застал еще историю КПСС.

— Я ничего не учил.

— У Ленина, вроде, захват телеграфа, телефона. В общем, средств массовой коммуникации.

— Здесь только радиовышки и радиостудии. Телевидения, телефона пока нет, но проповеди вечерние и воскресные обязательны для прослушивания по радио.

— Вот и нужно захватить в первую очередь радиостудии, чтобы народ возбудить против власти, — посоветовал я.

— Да, ты прав, — согласился Саша. — Сам об этом думал. Нужно будет готовиться к захвату местного радиоцентра, а затем к походу...

— Как тут с охраной радиоцентра? — спросил я.

— Служивые с дубинками и примитивными мушкетами.

— Надо раздобыть форму служивых, чтобы подпустили нас к центру без проблем.

— Здесь тягчайшее преступление — захват формы служивых и использование ее.

— Так, если революцию делать, наплевать на их законы. Будем свои устанавливать. Пусть твои ребята форму достанут, а я подготовлю отряд для захвата. Нужно подобрать наиболее сильных и умных бойцов. Я обучу их приемам карате и джиу-джитсу. И еще вопрос: что будет с девушками, захваченными сегодня.

— Что-нибудь придумаем.

— Одна из них очень необычная. Красивая, кожа цвета молока.

— Сейчас посмотрим, — сказал Александр.

Он выглянул из шатра и приказал бойцам, расположившимся у входа:

— Привести ко мне рабыню цвета молока.

Бойцы ринулись выполнять приказание.

Я выглянул из шатра и стал всматриваться в сторону лагеря, где содержали невольниц.

Вскоре из деревянной временки вывели девушку, красавица прихрамывала. Ее ввели внутрь шатра и оставили в нашем обществе.

Девушку стояла у входа, она замерла в растерянности.

— Не бойся! — сказал Александр, стараясь придать голосу ласковые ноты.

— Как зовут тебя, красавица? — спросил я.

— Хмелева.

А по имени как? В детстве как тебя звали? — поинтересовался Александр.

— Ленкой.

— Лена, стало быть, Леночка, Аленка, — сказал я. — Можно мы будем называть тебя Аленкой?

— Называйте, как хотите, ваше божественное святейшество.

Видимо, девушки были уже в курсе моей легенды, будто я посланец богов. Но мне не понравилось такое обращение, и я сказал:

— Зови меня просто — Алексей.

— Хорошо, господин, — ответила девушка.

— Не нужно делать акцент на то, что он послан богами, — сказал Александр. — Будем звать его Алексей Освободитель. Все понятно?

— Да! — ответила Аленка.

— Не бойся, подойди ко мне! — велел Александр.

Покачивая бедрами, девушка приблизилась к атаману. Похоже, она не испытывала сильного страха или хорошо владела собой. Губы красавицы даже растянулись в легкой улыбке.

— Что прикажете, господин? — спросила Аленка.

— У тебя такая дивная фигура, в тебе столько грации! — сказал Александр. — Знаешь, ты не должна быть рабыней, кто твои родители?

— Очень бедные, но свободные люди! Я в детстве голодала, а потом меня отдали к Груднику в услужение.

— Слышал, что Грудник поставляет девушек в рабство к богачам, — сказал Александр и обратился к Аленке:

— Интересно, тебя не пытались продать в гарем к олигарху?

— Пытались! Но я в первую ночь сильно испугалась и исцарапала господина своими острыми ногтями. Слишком юной была и дикой. За это должны были посадить в карцер, но мой властитель распорядился отправить меня к нему на ферму перемалывать муку. Рядом со мной трудились еще три женщины, мы непрерывно крутили тяжелое колесо, за малейшую остановку охранники били нас плетями.

Лицо девушки был равнодушным, голос мягким, вкрадчивым. Она продолжила свой рассказ:

— Так я работала больше года. Потом олигарх отдал меня в рабство Белому. Его как раз назначили управлять городом. Я стала обычной рабыней-служанкой. Вместе с другими

рабынями я вкалывала как муравей.

Девушка говорила спокойно, мы внимательно слушали ее. Александр сказал:

— Какая ты красавица! Наверное, часто мужики пытались завладеть твоей красотой.

— Сам Белый не пытался, а вот его охранники... Однако, я могла постоять за себя.

— Каким образом? — спросил Александр.

— Могла залепить коленом в «яблочко», а потом убежать.

— Какая ты шустрая! — сказал я.

— Попытка убежать от многочисленной оравы мужиков редко заканчивается успехом, — сказал Александр. — Я распорядюсь, чтобы вас в нашем лагере никто не трогал.

— А еще у меня есть оберегательный талисман, — девица улыбнулась, облизнула алые губы и внимательно посмотрела мне в глаза.

Я решил покорить красавицу комплиментами:

— Твои глаза лучше любого талисмана, они горят как изумруды! Вернее, они — что-то среднее между изумрудом и сапфиром. В них хочется смотреть и трудно оторваться!

— Что за талисман? — вмешался в разговор Александр.

Красавица сняла с шеи и показала нам золотистую вещицу причудливой формы, напоминающей ящерицу. Она пояснила:

— Это специальный символ, благодаря которому боги покровительствуют девушкам. Говорят, такой талисман делает своего хозяина неуязвимым для нападений. Во всяком случае, я этому верю.

— Откуда у тебя талисман? — спросил Александр.

— Его подарил мне Белый, он купил эту вещицу для меня у главного жреца города Питер перед тем, как меня вернули Груднику.

— Жрецы обычно продают такие талисманы, скорее всего, он не золотой, попробуй, цапни пальцем, — предложил мне Саша.

Я так и сделал, внимательно посмотрел на полоску от ногтя и с презрением сказал:

— Легче слепить снеговика в пустыне, чем найти бескорыстного священника.

— Вас надо накормить, — сказал Александр. — Пока вы будете жить у нас в лагере.

— А что потом? — спросила девушка. — За нас потребуют выкуп у Грудника?

— Нет! Теперь он наш общий враг. Вы вольетесь в мой отряд на правах свободных женщин. И не вздумайте разбежаться по лесам!

Девушка ответила:

— Вот еще! Чтобы нас ловили, травили, преследовали...

— Ты, я вижу, не только красива, но и не глупа, — сказал Александр. — Распорядюсь, чтобы вас хорошо кормили и не обижали.

Девушку увели. Александр сказал мне:

— Давай сразу начнем готовиться к штурму радицентра.

— Выдели бойцов, — ответил я. — Подготовлю их для штурма. Сейчас уже поздно, а завтра с утра можно начать тренировки. Обучу всему, что знаю. Через несколько дней будем готовы.

— Хорошо! — сказал Александр. — Подберу тебе самых смысленных людей.

— И давай включим в нашу команду девушек, которых захватили сегодня.

— Женщин здесь обучают только покорности, но никак ни навыкам борьбы или драк.

— Вот и хорошо! Подозрение вызывать не будут. Подойдет такая красотка к охраннику и хрясь!.. Путь свободен. Тем более, светлая — очень даже боевая.

— Ладно, как знаешь, — согласился Александр. — Пойдем, перекусим!

Поздний обед оказался простым — для атамана пожарили кабана. Не для одного, конечно, мне и ближайшему окружению тоже досталось. Вепря жарили целиком на огне большого костра. Поливали каким-то маслом.

Александр лично рассек кабана на куски. Его бойцы ели быстро. Сам Александр не спешил. Он присел на настил возле меня в некотором отдалении от разбойников и медленно смаковал кабанью ляжку.

Я сидел рядом, то же ел с аппетитом вкусное, нежирное мясо дикого зверя, тихо и лениво переговаривался с братом о предстоящей подготовке бойцов и деталях захвата телецентра.

Перед моими глазами стояла Аленка Хмелева. Сильно запала девушка в душу. Ее нрав и голос, ее красивая белая кожа, густые волнистые волосы, умение держать себя. Я решил называть ее не по принятым здесь кличкам и фамилиям, а по имени, так же, как звал свою подругу в родном мире, она, наверное, ждет меня и удивляется, куда я пропал. То же красавица, но эта...

Впрочем, при подготовке революции не до амурных дел. Нас ждали суровые испытания и громкие победы.

Утром следующего дня начались мои занятия. Александр выделил для тренировок десяток бойцов, к ним я присоединил Аленку и ее высокую подругу Маню.

Тренировки проходили почти так же, как и в секции карате, которую я вел раньше. Только более интенсивно и продолжительно. Учил работать ногами, показал болевые точки человека и технику удара по ним так, чтобы выключить противника, по крайней мере, на несколько минут. С девушками особое внимание уделил ударам между ног мужчин. Сначала они смущались и хихикали, отказывались даже легонько ударить напарника. Но потом стали делать успехи.

Уже через три дня упорных тренировок бойцы овладели основными приемами. Атаман Александр Непомнящий решил провести показательные бои. Сначала мой наиболее смышленный ученик Хорошук сразился с Валуем. Бой длился всего несколько секунд. Хорошук подскочил к громиле и ударил его ногой так, что гигант сразу повалился на землю и был в отключке несколько минут.

— Ну, кто следующий? — спросил Александр.

Вперед вышла Аленка и сказала:

— Разреши мне, атаман, сразиться с любым из твоих воинов.

Александр улыбнулся, но произнес сурово:

— Ты — девка, у тебя другое предназначение!

Аленка обиделась и громко сказала:

— Прикажи сразиться с любым из твоих воинов, тогда увидишь, какая я девка!

Александр с улыбкой произнес:

— Ты — прямь огонь! Коня на скаку остановишь, в горящую избу войдешь?!

— Пусть сразится! — сказал я.

Атаман повернулся к своим многочисленным бойцам и спросил.

— Ну, кто из вас готов сразиться с ней?!

Мужики отрицательно замотали головами. А атаман сказал:

— Никто не хочет драться с девкой. Победа не принесет бойцу славы, а поражение станет для него позором.

— Назначь сам поединщика, — предложил я, очень хотелось посмотреть, чем все закончится.

Александр почесал макушку головы и махнул рукой:

— Ладно, пускай с ней дерется мой помощник Пеликан!

Седеющий, но еще довольно крепкий высокий мужчина поклонился Александру и произнес:

— Пощади, атаман! Позор-то какой: с девкой драться!

Александр ответил:

— Нет никакого позора провести тренировочный бой. А вот послушаться атамана — совсем другое дело.

Пеликан поклонился еще раз Александру и обреченно произнес:

— Не могу послушаться тебя. Но на чем драться, чтобы не убить ненароком девушку?

Александр немного поколебался, но ответил:

— На палках!

Из толпы кто-то крикнул;

— Правильно! Строптивиц учат крепкими ударами палки по попе!

Разбойники оживилась, стали заключать пари. Приятели подбадривали явно не желающего драться Пеликана. Он направился к повозке, выбрал себе шест.

Помощник атамана был неплохим воином, он знал, как драться, чтобы вырубить, но не покалечить, а Александр решил проучить дерзкую девушку. Ишь, какая — ничего не боится! Ну, Аленка, держись, сейчас посмотрим на что ты способна!

Пеликан встал напротив девушки. Она оказалась ему по плечо. Но схватила небрежно брошенный противником к ее ногам шест и стремительно закрутила его над своей головой!

Пеликан понял: девушка не так проста, как казалась ему. Он не спешил атаковать, встал так, чтобы тело было сбалансированным, и ожидал атаки противницы, рассчитывая поймать ее на контрударе. Аленка же, подпрыгивая на носочках, приблизилась к своему визави.

Пеликан видел, куда идут удары, не без труда, но отбил их. Сделал выпад сам. Промаяхнул — девушка оказалась очень быстрой. Она изловчилась и нанесла мужчине болезненный тычок палкой в плечо. Пеликан отступил. Он был опытен больше в боях на мечах и саблях. А шесты требуют несколько иных навыков.

Аленка была намного легче, босые девичьи ноги лучше перемещались по траве по сравнению с тяжелыми сапогами мужчины.

Девушка атаковала серией ударов и вновь попала Пеликану по плечу. Мужчина в ярости контратаковал, но его выпад опять оказался неудачным, в то время как шест противницы угодил ему по пальцам руки. Пришлось вновь отступить. Аленка явно выигрывала в скорости и снова атаковала. Ударила Пеликана шестом по ноге, а сама увернулась от удара по животу.

Пеликан при каждом выпаде девушки делал полшага назад, он решил отойти в защиту с надеждой все же поймать соперницу на ошибке. Такая тактика помогала избегать болезненных ударов, но давала мало шансов на успех. Ведь Аленка сражалась хладнокровно и держалась на такой дистанции от палки противника, что имела место и время отклониться от удара или поставить блок. Этому ее научил я!

Разбойники сгрудились в плотное кольцо возле дерущихся. Большинство поддерживали девушку, хотя Пеликан был их товарищем.

— Вот это девка! — слышались восторженные голоса. — Аленка, поддай ему!

Ножки девушки быстро перемещались, она снова атаковала, но с другой стороны и с

разворота. Попала по печени соперника. Удар оказался болезненным. Пеликан невольно простонал, зажмурился от боли и пропустил удар ногой в пах. Шок заставил присесть на колени. В такой позе мужчина получил еще удар в живот девичьей голенью, не сильный, но болезненный.

Александр решил закончить избиение и приказал:

— Остановить бой! Твоя взяла, Аленка!

Девушка воткнула в траву шест и с белозубой улыбкой ответила:

— Я была уверена в победе!

Атаман казался довольным. Он подал Аленке руку, затем, немного поколебавшись, снял с указательного пальца перстень, украшенный большим индийским изумрудом, и протянул победительнице:

— Возьми в награду!

Аленка неожиданно мотнула головой:

— Если бы я великого бойца уложила... А то пожилого мужчину... Нечего себя пока изумрудами баловать!

Александр сказал:

— Да ты и умница, скромница! Впервые вижу, чтобы женщина от украшения отказывалась!

Тут атаман решил еще и пошутить:

— Может, ты переодетая богиня?

Аленка рассмеялась в ответ:

— Нет! Я из простонародья, дочь земли и солнца!

Атаман удовлетворенно сказал:

— Быстро Алексей научил тебя так хорошо драться!

Девушка ответила после некоторого колебания:

— И до него меня учил человек...

— Не Грудник ли?

— Нет. Он такими вещами не занимается. Помощник его, Тарас.

Меня кольнула иголка ревности. Но я промолчал. Опять сказал Саша:

— Простая крестьянка, а какова! Отделала бойца и даже атаману не стесняется возражать! Сколько в тебе мужества, гонора и красоты!

Аленка засмушалась, а Александр сказал:

— Все! Теперь готовимся к выступлению. Пойдем радицентр штурмовать.

Затем, после паузы, спросил меня:

— Завтра с утра твои бойцы будут готовы?

— Будут! — ответил я. — Но, думаю, сначала надо раздобыть достаточное количество одежды и подготовить речь для радио.

В это время Пеликан, пошатываясь, поднялся. В паху сильно болело, из носа текла кровь, которая падала на штаны и разбрызгивалась по траве. Ноги держали нетвердо, печень ныла, дышалось тяжело. Как унижительно быть жестоко битым бабой! Ну и ведьма! Разве девке пристало так драться?!

На следующий день я проснулся рано утром и принялся сочинять воззвание, которое планировал огласить после захвата радицентра. Меня привлекала мысль устроить народный бунт в параллельном мире и вдохновить народ на сопротивление режиму. Наверное, я бунтарь по натуре. А здесь представился случай. Энергия кипела, была ключом, руки чесались, но мысли плохо приходили в голову. Вскоре ко мне присоединился Александр. Он стал давать советы:

— Не надо никаких витиеватостей, пиши просто, чтобы потом было понятно любому неграмотному слушателю.

— Верно! — согласился я. — Так и делаю.

— Не забудь отметить, что землю мы отдадим крестьянам, заводы рабочим, отменим обязательные уколы, упраздним все сословия.

— Напишу.

— Заодно необходимо привлечь людей обещанием увеличения денежного содержания и полной свободой! — добавил переполненный энтузиазма атаман.

— Это можно! — согласился я, но спросил:

— А какая у тебя все же конечная цель?

— Я за справедливое государство, где не будет сословного неравенства. Введем простые обозначения — братья и сестры! Пусть это будет символом того, что все мы живем в единой семье. А богатства будем делить поровну. Но должность царя оставим выборной.

— Царь и выборный? — скептически спросил я. — Обычно его власть наследственная...

— Так, а наследник будет достоин высшей чести служения народу? Это в нашем мире власть царя была наследственная. Ничего хорошего из этого не вышло.

Я улыбнулся и в шутку спросил:

— А не лучше ли ввести анархию? Ты ведь за полную свободу

Александр отрицательно замотал головой:

— Все революции и их вожди спотыкались об неразрешимую дилемму — нереально править без насилия, а если будет анархия, то количество произвола только вырастет. Ибо анархия — это диктатура каждого сильного над каждым слабым. Нет, нужен царь, непререкаемый авторитет, лидер, способный остановить насилие.

— Что же! Новая власть должна быть сильной... — сказал я.

Саша перебил меня:

— И армия наша будет спаяна дисциплиной! Никакой анархии. Всякого рода преступления и мародерство будут строго пресекаться.

В освобожденных городах мы введем новое справедливое законодательство. Страна без законов — как тело без скелета. Здесь нужны другие законы, и мы внедрим их, желательно малой кровью.

— Лучше вообще без кровопролитий, — сказал я.

— Ну, это как получится. Ты учти, Нитуп, да и Белый, смотрящий тут, умеют хорошо говорить. Только говорят одно, а делают лишь то, что выгодно им и их друзья. Нитуп — редкостный пройдоха.

— Так и мы станем действовать хитростью, — сказал я.

— Нитупа сложно будет перехитрить. Он все рассчитывает, у него прекрасные советники.

— Вот и хорошо! Так будет интереснее. Я люблю достойных соперников.

— На радио надо обязательно выдать тебя за посланника богов.

— Быть самозванцем — противно моему сердцу, — сказал я.

— Так в интересах дела! — опять стал настаивать Александр. — И обязательно нужно сказать про религию. Про то, что мы установим истинную веру.

— Насколько я знаю, опыт восстаний в нашем родном мире показал, что самозванцы плохо кончали. Они выдавали себя в лучшем случае за родственников монарших особ. А ты решил взять гораздо круче...

— Мы будем умнее действовать. Давай так: запустим этот слух, пускай болтают, обсуждают: на самом ли деле ты послан богами или это легенда. Наверняка найдутся те, кто поверит в такую легенду. А потому у нас добавится преданных сторонников.

— Все же хочешь использовать меня в таком качестве...

— Это для пользы дела! — продолжал настаивать Александр. — Чем изощреннее ложь, тем охотнее в нее верят.

— Хочешь сказать: самый искусный обман — когда ты врешь, а тебе все верит?

— Вот, вот. Нам нужно сотрясти режим до основания! А без веры людей в то, что нас поддерживают боги, здесь это сделать вряд ли получится.

— Значит, большое восстание в стиле Стеньки Разина замыслишь? — опять спросил я. — Заманчиво, конечно. Он тоже был самозванцем, но плохо кончил.

— Степан Разин в принципе мог победить, но от него отвернулась фортуна, благосклонная по началу к его войску. Ему нужно было действовать стремительнее. Мы не будем повторять его ошибки и увлечем людей новой истинной верой.

— Приблизить человечество хочешь к истинной вере? Но что она есть? Христиане утверждают, что их вера правильная, мусульмане уверены, что их, а исламисты ради своей веры готовы убивать неверных. Что за вера такая — ислам, когда грехом не считается убийство человека другой веры?

— Так это в нашем мире. Здесь нет такого разнообразия. В разных странах религия отличается деталями. Все верят, что есть главный бог, он создал Землю и человека. Он сослал за провинность из рая на Землю первых людей, и сейчас ссылает сюда за грехи на перевоспитание. Я же хочу сделать веру без утверждений о том, что людей ссылают на Землю как заключенных.

— Не знаю, как здесь, а у нас религию приватизировала РПЦ, — сказал я. — На слова она за простой народ, а на самом деле поддерживает власть. Люди удивляется, почему Путин обнимается с патриархом...

— Так и Ельцин обнимался с патриархом, и цари обнимались. В этом мире такая же ситуация.

— Мы уже говорили о том, что суть любой религии — поддержка правящего класса, — напомнил я.

— Но человек должен верить в Бога! — убежденно сказал Саша. — И я верю, что Бог есть. Уверен в этом! И сюда попал по его воле. Бога можно попросить о чем-то. Он часто выполняет наши просьбы. Вот я мечтал, чтобы иметь здесь надежного помощника и мне прислали тебя...

— Не знаю... Можно трактовать Бога как Вселенский разум. Читал, что существует

энергоинформационное поле, в котором хранятся все сведения о нас, и в него можно адресовать наши просьбы.

— Ты же не атеист? — продолжил гнуть свою линию Александр. — Разве можно не верить в Бога, если попал сюда, в совсем иной мир?

— Думаю, мы не можем пока познать, что такое Бог, — ответил я. — Как муравьи не знают многого о том, как устроена планета, что такое море, небо, как огромна, разнообразна и прекрасна планета Земля, так и мы многого не знаем о микро и макро мире, о том, как и кем все это создано и управляется. У муравьев тоже, наверное, есть своя религия. Вот в походе в лесу поставил я банку открытой сгущенки недалеко от муравейника. Нашел муравей-разведчик эту банку, доложил своим, так они и думают, что это Бог послал им сладкое озеро. Сбегаются, чтобы вкусить божий дар. Я потом заберу банку, муравьи, скорее всего, думают, что Бог убрал озеро. Не дано им нас понять.

— Но мы — не муравьи! — возразил Саша.

— СССР было атеистическим государством, — сказал я. — И ничего, жили, неплохо жили...

— Так большевики заменили веру в Бога верой в светлое будущее на принципах, заложенных Иисусом Христом. А мы не будем вводить атеизм, а вот заповеди Христа можно ввести.

— И социализм введем? — с улыбкой спросил я.

— Какая разница: социализм, капитализм?! Лишь бы людям жить было комфортно. Мы сделаем жизнь лучше, добрее, честнее!

— Честнее? — спросил я. — А меня за посланника богов хочешь выдать!

— Ради благой цели мы пойдем на подлог и спустим тебя с небес! — решительно произнес Александр. — Победа справедливости оправдывает такую ложь! Ведь справедливости иногда требуется ложь во имя торжества этой самой справедливости.

— Понятно, — ответил я. — Если уж врать, то по полной программе. Раз уж речь идет о судьбе будущего восстания.

— Ну, вот, наконец-то ты меня понял! — сказал Александр.

— А еще мы должны стать своими для всех простых людей, которые пойдут за нами, — сказал я. — Принцип свои-чужие на уровне стадного инстинкта хорошо работает и поможет при любом восстании.

— Расскажи подробнее, откуда знаешь, — попросил Александр.

— Зашел недавно у нас я в книжный магазин. Не помню, когда последний раз книги покупал. А тут смотрю: на полке стоит книжка умная. «Самопознание. О смысле жизни и счастья» называется. А автор — тезка мой. И имя, и фамилия совпадают. Отчество на обложке не указано. Купил я книжку, знакомым показывал. Приятно, когда фамилия и имя мое на обложке.

В той книжке написано про стадный инстинкт и принцип, по которому народ поддерживает вождей. Это используется у нас в политических технологиях. Помнишь, Ельцина по ящику показали, как он на работу якобы на автобусе ездит. И мужики обрадовались: он свой, он против привилегий. Толпой пошли за него голосовать на выборах. И сейчас людям внушают: Путин — свой, правительство свое. А чужие, американцы и прочие, жить мешают. Из оппозиционеров пытаются слепить образ врага, выдать их за агентов Запада.

— А я Путина уважаю, — сказал Александр. — Особенно после присоединения Крыма.

— И я уважаю. Только вот проводимый им курс мне не нравится.

— Ну, на вкус и на цвет товарищей нет! — вспомнил пословицу Саша. — Ладно, пиши, как знаешь, не буду тебе мешать.

Александр удалился, а я продолжил писать воззвание. Когда закончил, стал думать о том, как лучше будет захватить радицентр. Вспомнил, что в отряде у Саши есть сильный знахарь-колдун. Решил позвать его.

— Ты зачем звал меня? — спросил пожилой мужчина, которого звали Чарли.

— Надо изготовить зелье, способное придать простым воином бесстрашие, ярость и выносливость, — ответил я. — А еще нужно сделать сонный порошок.

— Это можно, — сказал знахарь. — У меня есть специальные минералы и травы, атаман предупредил заранее, что может понадобиться моя помощь.

Я сказал:

— Хорошо! Приготовь зелье прямо сейчас!

Знахарь кивнул головой, но сказал:

— Только сначала пусть девушки соберут следующие травы: валерьяну, подорожник, мяту и иглы сосны! Это не редкость, а все остальное у меня есть!

Пришлось послать за девушками и дать им задание собрать необходимое для зелья.

— Ты не боишься, что они разбегутся без присмотра? — спросил меня чародей, когда девушки ушли.

— Нет! Им некуда бежать! Можно уйти от нас, но от судьбы не скроешься.

— Хочешь сказать, рабыни настолько привыкли к своему ошейнику, что на свободе станут задыхаться? — спросил Чарли.

— Эти девушки уже не рабыни, а наши сестры, — ответил я.

— Вот как? Ну что же, пусть будут сестрами. А бывшие рабы станут братьями?

— Именно так! — подтвердил я.

Знахарь не стал спорить.

Девушки быстро собрали нужные травы и вернулись. Чарли велел им:

— Хорошенько почистите чан! Нельзя, чтобы были вредные примеси.

Красавицы принялись за дело. Их руки замелькали, работа спорилась. А знахарь разложил коврик, стал на нем взвешивать на миниатюрных весах травы и минералы и перемешивать компоненты будущего зелья.

Я в это время обдумывал, стоит ли использовать девушек в предстоящем захвате радицентра. Две из них прошли у меня тренировку и владели теперь приемами рукопашного боя. А Аленка даже показала свою удаль в состязании с Пеликаном. Двух остальных привлекать, конечно, нецелесообразно. Я сразу отбраковал их как слабых и бесперспективных.

Здесь женщина не может быть воином. Даже весьма сильная. Но я возьму Аленку, она способна без подозрений подойти к охраннику и вырубить его. А сможет ли проделать такое ее высокая подруга Маня? И как нейтрализовать остальных охранников? Вряд ли стоит гримировать под девушек мужчин, которых я обучил. Переоденем их в форму слуг Грудника, снятую с людей, захваченных на пляже. Нужно, чтобы обман не вскрылся до тех пор, пока охрана радицентра не будет нейтрализована. Я сам переоденусь и возглавлю передовой отряд.

Тут я почувствовал острое желание помолиться, попросить Бога послать нам удачу. Впрочем, молитв я не знал. Но очень хотелось адресовать свою просьбу покровителю

нашему, сильному, мудрому, знающему и любящему меня. Вот только кому? Здесь богов много, кому из них излить душу? Может, Перуну? По легенде, придуманной Сашей, именно он прислал меня сюда. Или все-таки помолиться Иисусу? Жаль, что в этом мире его не почитают. Все же Саша прав: человек должен верить в Бога. Общение с ним придает уверенность, гасит страхи.

Что-то на душе у меня тревожно. Так не должно быть перед ответственным делом.

Может, перед штурмом выпить для храбрости вина? Нет, не стоит. Вино притупит восприятие и опьяняет человека. Лучше все же помолиться. Странно, в нашем родном мире в разных странах разные боги. И религии разные. Создается впечатление, что боги, как люди, конкурируют между собой. И они не против войн. Хотя сами — бессмертны. А у нас бессмертна только душа. Все религии утверждают, что существует другой свет, куда уходит душа после смерти человека. Она не исчезает, а продолжает жить в каком-то своем, более справедливом мире.

А атеисты вообще не верят в душу. То есть, если ты умер, то исчезнешь совсем, словно тебя и не было. Правда, это утверждение не популярно. Разве есть хоть какая-то радость в том, чтобы исчезнуть?

Имеется еще учение о множестве различных воплощений, даже в животных. В них воплотиться — не велика радость. Кто хочет стать собакой и всю жизнь сидеть на цепи?

Все же наличие многих религий на родной Земле может говорить о наличии многих богов. Вот и здесь верят в то, что существуешь главный Бог, но есть и другие боги.

Атеисты вообще отрицают существование как Бога, так и богов. Но атеисты, тем не менее, не могут отрицать очевидное: религии влияют на умы людей. Они — часть жизни. Нет практически ни одного народа, ни одного племени, которое не верит в единого Бога или богов. Даже самые примитивные племена строят культовые сооружения и справляют религиозные ритуалы. Религиозное сознание свойственно человеку. А откуда оно взялось, если сверхъестественных сил не существует?

Прав Саша: любому человеку нужен Бог как ребенку отец и мать. Хоть атеистическое учение и логичное, но и атеисты идут в другие миры. И, наверное, радуются что ошибались.

Неверное, все же я верю в Иисуса Христа. Но попрошу помочь нам Высший разум Интересно, как небеса помогают людям?

Мои размышления прервал голос Аленки:

— Котел очищен.

— Разведите костер, — велел колдун.

Девушки развели огонь, добавили в котел воды. Когда вода стала закипать, Чарли принялся сыпать ингредиенты. Я внимательно следил за манипуляциями целителя. Он начал что-то тихо бормотать, затем подсыпал еще какой-то порошок, после чего все тщательно размешал. Потом внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Пусть девушки станцуют для тебя. Все равно стоят без дела.

— Я не знаю, захотят ли они.

— Почему бы и нет?! — сказала Аленка. — Мы можем станцевать.

— Танцевать для хозяина рабыням не привыкать, — сказал Чарли.

— Они теперь не рабыни, а свободные женщины, — напомнил я.

— Девушки двигались в медленном танце, обворожительно виляя бедрами. Я засмотрелся на Аленку. Казалось, ее глаза горели, а я почувствовал волну легкой радости, которая вытеснила мое волнение по поводу предстоящего визита в радиоцентр.

Вдруг зелье, варимое целителем, засветилось, повалил синий пар. Послышался скрипучий голос Чарли:

— Вот, уже готово!

— Так быстро?! — вырвался у меня возглас: хотелось бы дольше наслаждаться танцем.

— Достаточно варить! — Чарли подмигнул мне. — Когда девушки танцуют, время летит незаметно!

Я рассеяно произнес:

— Что дальше?

— Станный вопрос. Тебе решать, что с ним делать дальше. Думаю, разлить по бутылочкам и предложить бойцам перед штурмом. Но сначала попробуй сам.

Чарли зачерпнул варево черпаком и предупредил:

— Только осторожнее — оно горячее.

Тут меня взяли сомнения. Вовсе не хотелось пробовать непонятное зелье, к тому же еще и светящееся. Да и Чарли почти не знаю, вдруг целитель напугал что-нибудь?

— Знаешь, из чувства глубокого уважения к труду целителя, уступаю эту честь тебе! — сказал я.

Чарли сделал удивленный вид:

— Ты мне не доверяешь, посланник богов?

— Доверяю! — ответил я.

— Почему тогда предлагаешь мне самому снять пробу? Будто подозреваешь меня в чем-то.

— Ничего я не подозреваю! Кто варил, тот и должен снимать эту самую пробу. Кроме того, ты спешил и мог ошибиться!

— Я опытный знахарь. Но даже если что-то случится с тобой, я в состоянии поправить. А вот если со мной — исправить будет некому.

— Значит, допускаешь, что возможна ошибка? — с улыбкой спросил я.

— Я уверен в себе! — заявил знахарь.

— Так пробуй!

— Спорить с посланником небес нельзя! Нужно выполнять все его указания! — подала голос Аленка.

Ай да девушка, ай да молодец!

Знахарь поднес черпак ко рту, подул, сбивая пар, стал жадно глотать. Сделал несколько глотков и сказал:

— Много снадобья пить нельзя! Грамм сто для одного человека — вполне достаточно.

Я кивнул головой:

— Мы это учтем!

Пускай девушки приготовят емкости и разольют. Я оставлю себе немного.

— Скажи хоть, как на тебя повлияло зелье? — спросил я. — Стал смелее и сильнее?

— И сильнее, и смелее, и быстрее! Смотри! — пожилой знахарь громадным прыжком подскочил ко мне и сильно ткнул в плечо одним лишь пальцем.

Я едва удержался на ногах. Сказал ему:

— Ну, ты даешь!

— Наши воины будут лучшими! — громко ответил Чарли, подпрыгнул на приличную высоту и добавил:

— Хорошее изготовил снадобье! Попробуй, убедишься сам.

Я решил рискнуть. Подошел к котлу и зачерпнул немного зелья. Поднес к губам, сделал глоток. Меня немного обожгло, но в целом было терпимо. Когда жидкость шла по горлу и опускалась в желудок, я подумал, что по ощущениям она напоминает чистый спирт, который я пробовал пару раз.

Тепло разлилось по телу, мне захотелось танцевать. Но нужно было готовиться к утреннему штурму и откорректировать возможную речь на радио.

Утром я поспорил с Александром, нужно ли лично мне участвовать в штурме или подождать и подойти, когда путь будет свободен. Убедил брата, что без моего руководства захват радицентра может не получиться.

Мы с Сашей, дюжина обученных бойцов и Аленка с Маней двигались по проселочной дороге. Впрочем, асфальтированных здесь, конечно, не было. Лошадей всем не хватило. Их в лагере атамана Непомнящего было пока лишь девять. По отдельной лошади досталось только мне и Саше. Девушки и бойцы ехали по двое. По пути нам пару раз попадались дровосеки, а один раз мы наткнулись на колону рабов в сопровождении нескольких стражников. Невольников было десятка три, в основном молодые парни.

— Эх, вырубить бы стражников и прямо сейчас перетянуть парней на нашу сторону, — сказал я мечтательно.

— Это рискованно, — серьезно ответил Александр. — Раньше времени не стоит себя засвечивать. Успеем еще перетянуть. После твоей речи они сами начнут убегать и приходиться к нам. Вообще-то, самый главный наш противник — вера людей в то, что им говорят власти и священники. Правда, Нитуп отчасти помог нам. Его дополнительные налоги, увеличение продолжительности труда и репрессии против недовольных создали революционную ситуацию, но впереди нас ждут далеко не безоблачные времена.

Саша произнес это, скорее, с воодушевлением от предстоящих сражений, чем со страхом от возможных поражений.

— Постараемся образумить людей, чтобы поняли все лицемерие власти, — сказал я.

Чтобы миновать сторожевые вышки при подходе к городу, мы решили спешиться и пойти в обход, обогнуть небольшой холм, обросший кустарником, Но сразу за холмом нас остановил конный разъезд национальной гвардии. Поинтересовались, куда движется столько людей с лошадьми, и потребовали предъявить документы.

Я напрягся. Можно было стащить командира разъезда с лошади и вырубить его одним ударом, а бойцы моего отряда обезоружили бы остальных троих гвардейцев, но наша задача состояла в том, чтобы спокойно, без происшествий и конфликтов, добраться до радицентра.

Вступать в бой мы не хотели, Александр зычно рявкнул:

— Мы специалисты-ремонтники, нас вызвали на реконструкцию радицентра, у нас даже грамота царя Нитупа есть!

Саша показал поддельную грамоту. Он старался вести себя уверенно, даже нагло, чтобы отвести все подозрения.

Начальник патруля принял грамоту, небрежно посмотрел на нее и сразу вернул.

— Почему вы пешком, а число лошадей не соответствует числу всадников? — спросил гвардеец. — И девицы вам зачем?

— Так это... распоряжение Соловья, который проповедь сегодня читает на радио. Девушки петь у него будут, а нам велели в такой форме по городу передвигаться. А лошадей выделили только тем, кто возвращаться в Сестрик будет.

Начальник патруля кивнул и сказал:

— Раз грамота есть, ступайте!

Несмотря на серьезный вид Александра и его уверенную речь, я заметил, что у брата немного трясутся руки. Но все прошло удачно. Нас отпустили. Служивый не усомнился в

подлинности печати, не стал дотошно разглядывать ее. Мне даже стало странно: почему гвардейцы не проверили наши вещи с дубинками и формой охранников? Наверное, начальник патруля решил не связываться с довольно большой группой людей.

Мы без происшествий подошли к лесочку возле радицентра. Здесь можно было выпить для храбрости снадобье, приготовленное знахарем, переодеться и идти на штурм. Привязали лошадей.

Знающий здешние порядки человек из окружения атамана Непомнящего сообщил, что на улице возле радицентра должны дежурить не более четырех гвардейцев. И в самом центре на проходной еще несколько человек.

Я опять решил провести инструктаж:

— Значит, как договаривались. Я и Гром делаем вид, что ведем девушек в центр. Остальные, под командованием атамана, чтобы не вызвать подозрений, ожидают за углом. Подходим к охранникам. Распределяемся, каждый берет своего гвардейца. Делаем вид, что показываем документы, и одновременно вырубаем их. Действовать нужно так, чтобы охрана на входе не успела поднять тревогу. Бейте между ног и сразу полусогнутым кулаком в горло. Как только вырубим гвардейцев, даем сигнал атаману, забираем дубинки и молниеносно врываемся в центр. Устраняем там охрану, втаскиваем с улицы гвардейцев, несколько переодетых человек остаются на входе, никого не пропускают, остальные продвигаются к студии.

Честно говоря, в родном мире я не имел еще опыта подобных нападений, разгонял только несколько раз шпану на улице, приходилось выступать и на коммерческих соревнованиях в залах, где встречались бойцы физически мощные и наверняка куда более техничные, быстрые и опасные, чем гвардейцы параллельного мира. Но вот массово вырубать противников в составе группы еще не доводилось. Тем более, делать все нужно синхронно, эффективно и без шума. Волновался: получится ли совершить все так, как задумали?

Наша четверка вышла на площадку возле дверей радицентра. Гвардейцев-охранников, как и ожидалось, оказалось то же четверо. Мы подошли к ним.

— Нас пригласил Соловей, — сказал я и протянул бумагу гвардейцу.

Как только мужчина взял ее, получил резкий удар ногой по мужскому достоинству и вдогонку кулаком по горлу. Похожие действия проделали Аленка и Гром. Гвардейцы стали заваливаться на землю.

А вот Маня подвела. Не смогла девушка ударить ногой мужчину, она просто стояла возле него и ничего не предпринимала.

— Что такое?! — вскрикнул ошеломленный мужик, которого не тронула Маня.

Понять, что происходит, закричать, поднять тревогу и воспользоваться дубинкой гвардеец не успел. Я развернулся, сделал сальто, всадил ему ногой в грудь. Мужчина потерял равновесие. И тут же получил от меня правым боковым с висок. Сильно и точно. Гвардеец упал рядом со своими товарищами.

Гром свистнул, из лесочка выбежали наши бойцы с дубинками.

Мы ворвались в здание радицентра. В холле возле вертушки обезвредили еще двух человек. Одного уложил я, другого удачно стукнула ногой белоснежная Аленка. Еще один из стражников попытался удрать, но его сбил с ног стремительный Гром.

Все же не плохо я обучил бойцов простейшим приемам воздействия на противников с помощью ног и кулаков. И Аленка, и Гром действовали как надо. А Маня так и находилась в

шоковом состоянии. Ее мы оставили в холле.

Наши ребята занесли с улицы поверженных гвардейцев, сложили их у входа. Насыпали в рот охранникам радицентра сонного порошка, заперли дверь, а сами поспешили на второй этаж, там находилась студия. Толпой ворвались в нее. Полный мужчина по кличке Соловей как раз говорил что-то о богоизбранности Нитупа. Он не сразу понял, кто мы такие, и закричал:

— Что происходит? Покиньте студию, я вас сюда не приглашал!

Александр Непомнящий ударил его кулаком по челюсти. Соловей потерял сознание и стал обвисать.

Александр сел за микрофон и сказал:

— А теперь проповедь лживого Соловья прерывается для важного сообщения. Боги возмущены поведением властей. Они прислали своего представителя, который поможет всем нам изменить мир. Передаю слово ему.

Я сменил Сашу за микрофоном и начал свою речь:

— По велению богов я здесь, с вами. Злоупотребления нынешней власти стали настолько кощунственными, что Боги не намерены больше такое терпеть. Они прислали меня, и мы сменим эту власть, существенно улучшим вашу жизнь. Мы отдадим землю крестьянам, а фабрики — рабочим. Мы прогоним капиталистов и зажравшихся буржуев, мы накажем священников, извративших учение Бога в собственных целях, мы отменим касты и сословия. Больше не будет рабов, все станут свободными. Мы введем социальные гарантии населению и достойную заработную плату. Господь наш главный бог Перун обещал амнистию и поощрения в предстоящей загробной жизни всем, кто восстанет против нынешней власти. Присоединяйтесь к освободительной борьбе!

Я не наделен полномочиями творить чудеса, но послан Перуном для того, чтобы помочь вам добиться справедливости. Доказательством моего неземного происхождения служит тот факт, что нет ни одного человека на Земле, который видел бы меня здесь раньше.

Помогайте освободительной борьбе на местах, изгоняйте помещиков и капиталистов, берите под свой контроль фабрики, заводы, фермы и хозяйства. Новых руководителей выбирайте из наиболее достойных рабочих и крестьян. Установите сорокачасовую рабочую неделю, игнорируйте все распоряжения прежней власти, их требования работать по субботам и по десять часов в день, откажитесь от уколов. Вступайте в ряды и всячески поддерживайте освободительную армию атамана Александра Непомнящего!

Мы гарантируем амнистию всем гвардейцам, военнослужащим и охранникам, которые не будут сопротивляться освободительной армии, сложат оружие и перейдут на сторону Добра.

Мы сделаем вас свободными! А теперь я передаю слово атаману Непомнящему, он расскажет, как можно присоединиться к нашей освободительной армии.

Саша охотно сменил меня у микрофона. Громким голосом он начал свою речь:

— Слушайте меня, братья и сестры! Высшие силы повелевают быть нам всем вместе. Мы объединимся и создадим единое войско, которое сбросит иго и установит царство свободы. Чтобы сокрушить врагов, нам следует, как пальцы руки, сжаться в единый кулак...

Далее Саша предложил всем рабочим, неприкасаемым и обычным мещанам организовывать отряды самообороны на местах, а при активном их подавлении и сопротивлении властей, бежать в лес. Конечно, он не сказал, где конкретно находится наш лагерь, но пообещал, что все беглецы смогут присоединиться к освободительной армии.

Потом мы быстро покинули радиоцентр, вскочили на коней и помчались к себе в лес. Гвардейцы Нитупа не успели нас перехватить, без потерь и происшествий мы вернулись в лагерь. Саша был доволен.

— Я же говорю: боги нам помогают, — сказал он мне. — Наши речи произведут эффект разорвавшейся бомбы. Теперь сторонников и бойцов у меня заметно прибавится.

Что же, первую вылазку, действительно, можно было считать вполне успешной. Лиха беда — начало!

В нашу освободительную армию стало активно прибывать люди, недовольные властью и откликнувшиеся на призыв атамана Непомнящего. Один из них, высокий, мощный человек, косая сажень в плечах, сказал, что хочет сообщить атаману важную новость. Мы пригласили его в свой шатер. Мужчина пояснил, что вскоре после нашего набега на радицентр в эфире выступил прокуратор города, который пообещал арестовать, прилюдно выпороть и пожизненно посадить в карцер самозванца Алексея и атамана Непомнящего. А также наказать всех, кто примкнет к так называемой освободительной армии.

Александр спросил исполина:

— Как звать тебя, браток?

Тот ответил просто:

— Мирон!

Александр похвалил мужчину за то, что он сразу пришел в отряд с этой новостью. Мирон ушел, а Саша обратился ко мне:

— Пока они не организовали наше полномасштабное преследование надо захватить прокуратора и прилюдно его выпороть. У меня в отряде есть человек, который делал ремонт в замке прокуратора. Он знает план помещений и даже кладовку, из которой ведет подземный ход за пределы замка.

— Что же, давай готовиться к захвату, — сказал я. — Что там у прокуратора с охраной?

— Не слабее будет, чем в радицентре. Не менее тридцати человек охраняют этого упыря. Правда, работают посменно. Человек по десять одновременно.

— Так тридцать — не триста, а с десятью сладим легко, — сказал я. — Возьмем проверенных бойцов и нагрянем в гости к прокуратору.

— Правильно! — одобрил атаман. — Там можно будет поживиться трофеями, прокуратор — один из богатейших людей города.

— Саша! — ответил я. — Мы же договорились: больше никаких разбоев!

— Ладно, там посмотрим, — не стал спорить со мной брат. — Возьмем с собой мушкеты, захваченные у охранников. С ними будет проще.

— Что же, зови бойцов, станем готовиться к захвату.

— Надо бы успеть закончить все уже к утру. Пока прокуратор в своем имении в элитном поселке за пределами города.

— Инструктаж с бойцами проведу, и ночью выступим, — ответил я атаману.

— Хорошо! — сказал Саша. — Тебе не обязательно участвовать на этот раз, не стоит рисковать опять.

Я не согласился:

— Нет, я пойду, мне нужно руководить бойцами. Обещаю быть осторожным.

Выступили глубокой ночью, когда полная луна вышла из-за леса и стала освещать нам путь. На этот раз я взял с собой больше бойцов, чем на штурм радицентра.

Шли пешком, двигались быстро, но осмотнительно, временами прислушивались, чтобы не напороться случайно на какой-нибудь гвардейский разъезд. Они после штурма радицентра стали активно патрулировать лесные массивы, не исключено, что даже в ночное время. Гвардейцы не рисковали углубляться вглубь леса, но на окраине пытались ловить беглых рабов, а в последнее время и свободных местных жителей, бедняков, которые

решили присоединиться к освободительной борьбе.

Мы обошли вышку с лучниками и вскоре вышли к имениям местной знати. Даже при тусклом лунном свете просматривались шикарные замки и дворцы со статуями, фонтанами. Рядом с элитным поселком находились плантации, на которых помимо ягод и фруктовых деревьев выращивали свеклу, картошку, морковь. В дневное время на полях трудилось множество рабов, за которыми наблюдали надсмотрщики. Разумеется, рабов было намного больше, некоторые из них бежали в леса и присоединились к отряду атамана Непомнящего. Несколько человек, работавших здесь на плантациях и в обслуге у господ, я взял на этот раз с собой.

Обычно разбойники по негласной договоренности с властями на имения и дворцы знати не нападали, за что их не особенно рьяно преследовали гвардейцы и регулярная армия. Но теперь мы переросли статус разбойников и заявили о себе, как об освободителях.

Нам предстояло действовать слаженно и быстро.

Шикарное строение главного прокуратора располагалось на холме, возвышаясь над остальными особняками соседей. Замок выглядел мрачно и неприступно. Узкие окна-бойницы, высокие стены, имелся даже ров с перекидным мостом, который поднимался с помощью автоматической лебедки. Подступы к замку освещали здешние фонари, состоящие из толстых свечей.

Внешний вид замка говорил о том, что его хозяин — суровый феодал, входящий в элиту здешней власти.

Возле перекидного моста прохаживались два сонных ночных охранника. К ним подкрались незаметно я и Гром, сняли быстро, без шума и крови.

Служивший здесь ранее Тарас помог опустить мост и постучал в дверь. Долго никто не отвечал. Настойчиво постучали опять.

Все же, спустя несколько минут, послышался недовольный женский голос:

— Вам чего?

— Срочное донесение от Нитупа для господина прокуратора! — сказал Гром.

Опять последовала длительная томительная пауза. Потом тот же женский голос сообщил:

— Ждите, сейчас подойдет ординарец господина прокуратора.

Через какое-то время из-за закрытой двери послышался грубый мужской голос:

— Почему ночью? Что за донесение?

— Наше дело холопье, нам приказали срочно доставить под расписку секретный документ, — ответил Гром. — Примите и распишитесь.

Наконец-то массивная дубовая дверь медленно пришла в движение. Мы были наготове. Вместо донесения ординарец прокуратора получил точный удар ребром ладони по шее. Через приоткрытую дверь я и мои люди ворвались в холл спящего замка. Гром первым выстрелил в целившегося в него из мушкета охранника, сопровождавшего ординарца. Охранник с грохотом повалился на пол. В холле осталась только прислужница, отвечавшая нам из-за двери. Она с ужасом взирала на происходящее.

— Прокуратор у себя? — спросил я.

— Д-да, — заикаясь ответила прислужница, — спит.

— Его спальня на втором этаже, — сказал Тарас.

— Сколько в замке охранников и где они? — спросил я.

— О-о-коло д-д-вух д-д-есятков, — слегка заикалась от страха ответила

прислужница. — С-с-пят в с-с-лужебке, а остальные в к-комнате возле опочивальни ш-ш-ефа.

— Ворвемся в служебку и обезвредим спящих, а потом в опочивальню? — спросил меня Гром.

— Сколько возле опочивальни стражников? — поинтересовался я у прислужницы.

— Человек пять, — ответила женщина и спросила:

— А вы кто?

— Освободительная армия атамана Непомнящего, — ответил Гром.

— Ой! — всплеснула руками прислужница. — Слышали...

— Дверь в служебку можно заблокировать, — сказал Тарас.

— Тогда так: блокируем дверь, оставляем людей с дубинками на тот случай, если стражники проснутся и попробуют вырваться, остальные в опочивальню, — отдал приказ я.

Я руководил штурмом и старался быть впереди, забыв об обещании атаману быть осторожным.

Мы ворвались в комнату с охранниками, смежную со спальней прокуратора. Охранников оказалось пять человек. Двое спали на диванах, двое сидели возле спящих товарищей. Один находился за столиком около входной двери.

Я подскочил к человеку, сидящему за столиком, и сходу вырубил его своим коронным ударом ладони по шее. Мужчина не успел ничего понять.

В дело вступал и Гром. Он набросился на первого бодрствующего охранника и ударил его кулаком в живот. Было видно, что тяжелая работа на барина пошла Грому на пользу, удар оказался результативным — охранник потерял сознание.

Я двигался быстрее Грома и других бойцов, которые вслед за нами проникли в комнату перед опочивальней. Пока Гром разбирался со своим оппонентом, я успел уложить и второго бодрствующего охранника.

Но тут проснувшийся мужик громко заорал:

— Караул! Нападение!

Мы «выключили» орущего и стали ломать запертую дверь спальни прокуратора.

Замок просыпался. Охранники в служебке тоже начали ломать дверь, чтобы выбраться из заблокированной комнаты, но у них не получалось, они, похоже, не слишком старались.

Прислуга прокуратора, дворецкий, служанки, подсобные рабочие, выбегали на шум из своих комнат. Они были растеряны. В схватку никто не вступал.

— Не бойтесь, это освободители! — неожиданно закричала женщина-прислужница.

Я крикнул:

— Пришло возмездие, бейте хозяев!

На мой призыв люди прокуратора не откликнулись, они молча стояли и наблюдали.

Дверь в спальню оказалась весьма крепкой. Но после наших совместных усилий удалось сломать ее. Мы ворвались в помещение. На огромной кровати одиноко сидела девушка-наложница.

— Где хозяин?! — крикнул ей я.

Девушка указала головой на огромный шкаф и сказала:

— Он скрался в нем!

— Там подземный ход, — пояснил я. — Прокуратор пробует уйти через него.

— Он меня не взял! — покачала головой девушка. — Как только слышались крик и шум, он схватил мушкет и мешочек с драгоценностями и бросился в шкаф.

— Может, у него и был бы шанс, если бы мы все не предусмотрели, — сказал я.

В это время главный прокуратор города вылезал из углубленного оврага за пределами замка. Его ждали мои люди.

Четверо бывших разбойников бросились к мужчине. Он попытался выстрелить из мушкета в ближайшего из атаковавших. Но не успел. Секундой раньше выстрела на шею прокуратора накинута прочный аркан и сильно дернули его. Прокуратор крикнул, рванулся, но увесистый кулак обрушилась на голову мужчины, считавшего себя всемогущим.

Я продолжал руководить нападением. Мы, разумеется, взяли вверх. Сопротивления, по сути, не было. Лишь один из стражников выскочил из какой-то комнаты и попытался прорваться к выходу. Но вставший у него на пути обученный мной человек вырубил стражника, отвел удар дубинки и поразил ногой в солнечное сплетение.

Я подошел к комнате с охранниками и через все еще заблокированную дверь прокричал им:

— Мы не любим и не хотим агрессии! Предлагаю вам сдаться, гарантирую, что вас никто не тронет, вы с миром уйдете из здания. Мы разблокируем дверь, выходите по одному с поднятыми руками.

Понимая, что им не совладать с нами, охранники решили подчиниться. Их выпускали и ставили безоружных на колени в коридоре.

Тут мои бойцы притащили с улицы связанного, с кляпом во рту человека в роскошном халате. И безо всяких церемоний швырнули его на пол рядом с бывшими охранниками замка.

Я решил познакомиться с прокуратором, подошел к плененному противнику, велел поднять его на колени, вынуть кляп, после чего спросил:

— Ну, что, мужик? Это ты хотел выпороть меня и атамана нашего Непомнящего?

— Ты кто? — спросил прокуратор.

— Тот самый посланник богов, которого ты грозился поймать, выпороть и закрыть в карцере.

— Ты не посланник богов, ты — дьявол! — крикнул не на шутку перепуганный прокуратор и получил от меня тычок кулаком в живот.

— Это вы — слуги дьявола! Ввергли народ в нищету, а я послан изменить ситуацию.

Прокуратор быстро отошел от моего легкого удара и продолжил показывать характер:

— Ничего, мерзавцы! Войска подавят ваш бунт, а тебя будут так истязать, что порка покажется тебе сущим пустяком! — прокуратор сказал это так, словно искренне верил в свои угрозы.

Я стукнул кулаком по животу прокуратора опять, на этот раз сильнее. И спросил:

— Что, упырь? Думаешь у твоих палачей фантазия богаче, чем у нас? Хочешь, мы выпорем тебя прямо сейчас до полусмерти на глазах твоей бывшей прислуги?

Наконец прокуратор понял, что он целиком и полностью в моих руках и дерзить мне — лишь усугублять свою ситуацию. Потому решил взмолиться:

— За меня тебе дадут приличный выкуп.

— А сколько? — мне стало любопытно.

— Тысячу золотых рублей!

— Ты что, издеваешься? — улыбнулся я. — Недорого себя ценишь! Это не окупит даже работы палачей, которые заперют тебя до смерти.

— Возьмите здесь все, что хотите, только отпустите меня, — прокуратор даже заикался от ужаса, его жирный подбородок стал трястись.

— Нет, голубчик, мы потащим тебя с собой, — сказал я, а сам решил, что нужно осмотреть замок и экспроприировать ценности.

Я первый раз в жизни оказался в таком огромном замке, сияющем хрусталем, алмазами и топазами. Осмотр начал со спальни владельца. Его наложница до сих пор сидела на кровати. Она увидела меня в сопровождении двух бойцов и, похоже, поняла цель нашего визита.

— Если вы хотите забрать его деньги и ценности, я покажу вам, где находится тайник! — сказала девушка.

Я приложил палец к губам:

— Тише. Покажи.

Девушка перешла на шепот:

— Тайник в спальне. Прокуратор унес с собой только маленький мешок, который был у него в тумбочке. А основной тайник за зеркалом.

— Как зовут тебя, красавица? — спросил я.

— Лада.

— Обычно все самое ценное прячут за зеркалами, — сказал сопровождавший меня боец по имени Мирон. — Это стало отличительной чертой вельмож и богатеев.

— Почему так? — спросил я.

Лада ответила:

— Потому что стекло отражает злых духов.

— Только нужно быть осторожными: возле тайников могут быть ловушки, — предупредил Мирон.

— У тебя есть два ценных качества: осторожность и подозрительность! — сказал я Мирону. — Пусть Лада покажет нам тайник.

Девушка нехотя встала с кровати и сказала:

— Я видела, как он открывает сокровищницу.

Она подошла к зеркалу, наклонилась и повернула рукой рог у основания конструкции. Зеркало отъехало. Мы увидели позолоченный шкафчик.

Я, недолго думая, открыл его и ахнул:

— Вот это — да!

Сокровищница прокуратора оказалась богатой. На одной полке лежали слитки золота, на другой — серебра, на третьей и четвертой — ювелирные украшения и жемчуг, в том числе разных цветов. Мне особенно понравился красный. Раньше я такого не видел, взял в руку самую крупную красную жемчужину, взвесил — тяжеловата!

— Не дурно! — услышал голос Мирона. — Тут много ценностей. Можно будет изъять на нужды нашей армии.

«Логично, — подумал я. — Никаких соблазнов! Следует все передать на нужды восстания, а то у меня уже слюни потекли».

— Там справа еще тайничок есть, — подсказала Лада.

Я разглядел едва заметную дверьку. Распахнул ее и уперся руками в сложенные меха. Посмотрел их и сказал:

— Ого, тут редкие звери.

— Это из южных стран! — сказала Лада. — Там царит вечное лето. Меха очень дорогие, мне прокуратор говорил.

— А золото и драгоценности еще в замке есть? — спросил я.

— Знаю про статую дракона в этой спальне, — ответила Лада. — Прокуратор хотел ее унести с собой, но она тяжелая.

Я вылез из зеркала. Лада указала на тумбочку. Я распахнул ее и вскрикнул:

— Только посмотрите на это чудо! Бывает же такое!

Перед нами открылась статуя дракона, похоже, из сусального золота. С множеством сверкающих камней на панцире и глазами из очень крупных рубинов.

— Впечатляет! — сказал Мирон. — Никогда такого не видел!

— Молодец, что выдала тайники, — похвалил я Ладу. — Пойдешь с нами в отряд?

— Так вы и без меня тут перерыли бы все и сами драгоценности нашли. Пойти с вами? В качестве кого? Твоей любовницы или рабыни?

— У нас не будет больше рабов! — ответил я. — И олигархов не будет. Мы станем товарищами, братьями и сестрами. А лидеров себе будем выбирать голосованием, по доблести и отваге. Наиболее достойных людей выберем.

— Лучшего вождя, чем ты, не будет! — сказал Мирон.

— Нам нужно уходить. Забираем драгоценности и прокуратора. Так что, Лада, пойдешь с нами?

— Нет! Вернусь я, пожалуй, в отчий дом.

Сразу после нашего возвращения в лагерь Александр Непомнящий решил еще раз допросить плененного прокуратора.

Он подошел вплотную к клетке, в которую мы посадили прокуратора, постучал концом дубинки по прутьям и с улыбкой спросил:

— Ну? Тебе удобно, прокуратор?

Мужчина презрительно фыркнул, посмотрел на атамана сверху вниз и промолчал. В плену лучше молчать. В самом деле, о чем говорить? Повстанцы оказались хитрее, а он по-глупому угодил в западню. Нашелся предатель, который выдал его подземный ход.

Не дождавшись ответа, атаман сказал:

— Мои ребята нашли твое золото и драгоценности. И за твою голову мне могут выплатить громадный выкуп. Но если у тебя есть иное предложение, мы можем поторговаться.

Прием сработал, прокуратор спросил:

— Сколько тебе надо еще дать, чтобы меня отпустили?

Александр огляделся и с лукавым видом пошутил:

— Колоссальную сумму денег!

— Что конкретно вы хотите? — опять спросил прокуратор.

— Дай мне воз, на котором нагружено столько золота, что его с трудом смогут сдвинуть с места две здоровых лошади. Тогда я, может быть, отпущу тебя на волю!

Прокуратор даже присвистнул — он не понял подвоха и поразился жадности атамана разбойников. Но решил, что не стоит упускать подобный призрачный шанс: нужно выиграть время. Его хватятся и начнут искать.

Прокуратор произнес:

— За мной вся Русь с ее неисчислимыми богатствами. Мой род очень известен и богат. Я могу дать тебе столько золота, что две пары самых сильных лошадей не смогут сдвинуть подобную гору с места.

— Знаешь что? Моя освободительная армия сама добудет себе золота столько, сколько захотим. А тебя я, пожалуй, прилюдно выпорю. Сколько ты обещал дать плетей мне и человеку, посланному нам богами?

— Разве могут так вести себя божьи люди? — удивился прокуратор. — Его бойцы бросались на меня и мою охрану словно дьяволы. Действовали как заговоренные, ничего не боялись. И дрались так, как простые воины не могут.

Атаман улыбнулся:

— Так и должны драться люди, посланные Богом. А тебя мы точно выпорем. Прилюдно, на площади твоего города.

— Нет! Вам не удастся захватить город!

— И город захватим, и тебя выпорем. Ты ведь любил пороть людей!

— Я не порол. Их по закону пороли палачи.

— Вот и мы по закону выпорем тебя. И поступим справедливо! Сколько по твоему приказу замучили людей? Даже детей пороли. Теперь наступит справедливое возмездие. Прокуратор нервно хватал ртом воздух. Он с отчаянием сказал:

— Мало вас били! Во мне течет благородная кровь! Я служил своей Родине. Вы не

имеете права!

— Нитупу ты служил, а не Родине. И не на совесть, а за несметные богатства, которые успел нахапать. Придет конец вашей власти, люди пойдут за нами!

Александр вернулся в шатер и сказал мне:

— Вот так и бывает! Сегодня ты богач и весьма влиятельная персона, а завтра будешь сидеть в клетке.

— Да, такое случается, — ответил я. — Вспомни хотя бы Николая Второго или Берию. А при Сталине уничтожили много простых, небогатых людей.

— При Сталине уничтожали врагов режима, при нем почти не было богачей. А сейчас всюду деньги, деньги, деньги. Для чего нашим олигархам миллиарды долларов? Куда им столько? Почему здесь прокураторы купаются в роскоши, а основная масса людей изнурительно работает и живет в нищете?

— Показать свою крутизну, — ответил я. — Какой-то олигарх сказал у нас, что человеку для жизни мало надо, все остальное выпендрож.

— Ну, не знаю...

— А ты для чего взятки брал?

— Так у нас система такая сложилась...

— И здесь система. Если говорить точнее, в психологии человека заложена тяга к накопительству и обогащению. Многие считают, что мерилom человеческого счастья являются деньги и надеются обеспечить себе счастье при помощи денег. Современная цивилизация, как у нас, так и, похоже, в этом мире делает ставку на материальное процветание...

— Деньги и комфорт нужны всем людям, — перебил меня Александр. — Но зачем столько?

— Простым людям они нужны для удовлетворения жизненных потребностей, а богачам — для престижа, для того, чтобы ощущать себя на верху социальной лестницы. У нас по опросам почти половина россиян считают деньги своим жизненным приоритетом. Нажива и обогащение стали чуть ли не национальной идеей. СМИ вбивают мысль о том, что деньги — мерилo жизненного успеха, а смысл нашей жизни заключен в зарабатывании денег, счастье же состоит в потреблении и получении удовольствий.

— Но эта точка зрения ошибочна! — сказал Саша.

— Согласен! Она противоречит самой природе. Жизненные приоритеты должны быть другими! Погоня за деньгами очень многим ломает жизнь.

— Посмотри хотя бы на прокуратора в клетке, — улыбнулся Александр.

— Да! Деньги — приоритет не самых умных людей. Я не считаю умными тех, кто стремится продвинуться по социальной лестнице за счет демонстрации своего материального превосходства над другими. Уважение человека, его место в социальной иерархии не должно измеряться материальным достатком.

— Но деньги, богатства дают независимость, свободу, комфорт...

— По прокуратору это видно! — теперь улыбнулся я. — Ты уже убедился, как ему комфортно в клетке. Все в нашем мире относительно. Понятно, деньги являются страховкой от нищеты, помогают человеку осуществить его потребности и мечты. Но вспомни закон сохранения: если у одних денег полно, то у других их будет не хватать. Отсюда конфликты, стрессы. Деньги порой мешают наслаждаться жизнью. Сам процесс зарабатывания денег очень часто негативно отражается на здоровье человека, его физическом и душевном

благополучии.

— Богатство вообще редко наживается честным путем, — дополнил мою речь Александр.

— Именно так! Честный, скромный, порядочный человек, как правило, не обладает качествами, необходимыми для успешного ведения бизнеса. А потому он беден. Гонка же за деньгами делает его несчастным, приводит к стрессам и депрессиям.

— Так и эйфория от больших денег быстро испаряется. Не все могут распорядиться деньгами правильно. И мне не удалось. Потому я тут. Будем делать социалистическую революцию. Чтобы не было феноменальных богачей и нищеты. Тогда люди станут счастливее.

Я ответил почти лекцией:

— Счастлив не тот, у кого много или мало денег, а тот, кому этих денег достаточно, кто не находится в изнурительной гонке за капиталом или куском хлеба для себя и своих детей. Культ денег, накопительства, роскоши ведет к жадности, цинизму, торгашеству и развращает человека. Того, кто зарабатывает деньги, и того, кто его окружает. Жены от мужей, дети от родителей, родители от детей требуют, чтобы они зарабатывали как можно больше денег. Часто в ущерб любимому делу, семье, творчеству. Но природу не обманешь. В поисках радости и наслаждений богатый человек стремится делать то, что ему хочется, то, что доставляет удовольствие: вкусно поесть, хорошо выпить, иметь различные любовные отношения.

Деньги вызывают искушения: пить, блудить, копить, пытаться властвовать над другими. Но это очень быстро приедается. Побуждаемые внутренним стремлением зарабатывать деньги, многие из богачей не могут адекватно воспринимать мир, реально оценивать факты и радоваться жизни. Их ум работает в одном направлении: деньги, деньги, как можно больше денег.

Александр согласился:

— Это так! У нас Франклин говорил, что деньги никогда еще не делали человека счастливым: в них нет ничего такого, что могло бы дать счастье. Чем больше человек имеет, тем большего он желает. Вместо заполнения пустоты, деньги создают ее. Как заметил кто-то из великих философов, «богатство подобно соленой воде: чем больше ее пьешь, тем сильнее жажда».

— Я согласен. Такая вот философия и привела тебя к желанию избавить здесь страну от очень богатых людей. Но нам нужно развить успех, если хотим поменять существующий строй.

— Пойдем брать город Питер. Думаю, сил уже достаточно. К нам активно пошел народ. Уверен: местные бедняки в городе нам помогут. А прокурора нужно прилюдно выпороть. Обещали ему. Да и люди поймут, на чьей стороне боги.

— Прежде всего следует выбрать или назначить командиров в создаваемой нами армии, — сказал я.

— Ты прав! — согласился Саша. — Сегодня этим и займемся. А еще нам нужно свое знамя.

— С изображением плуга и мотыги? — пошутил я.

— Знамя очень важно при любой войне, особенно освободительной.

Я не согласился:

— Не знаю, не знаю! В войне победу приносит доблесть, преданность идеалам и

хорошая выучка.

— Это тоже, — сказал Саша. — Но меня сейчас больше волнует то, как власти откликнутся на наши вылазки и захват главного прокуратора.

— По головке поглядят...

— Наверняка подавить наш бунт попытаются, готовиться надо, — ответил сам себе Александр.

— Предлагаю не сидеть на месте, — сказал я. — Пойдем на штурм города в ближайшее время, пока власти еще окончательно не очухались от наших набегов.

— В городе наберем себе еще сторонников, — согласился Александр.

Он вышел из шатра и закричал караульным:

— Организовать сбор, созвать всех!

Кто-то не совсем к месту, спросил:

— Спящих и женщин тоже?!

Атаман подтвердил:

— Да! Нам нужен каждый человек. Поторопитесь.

Общий сбор устроили возле шатра атамана Александра Непомнящего. Все пространство оказалось заполнено людьми. Среди них теперь было больше половины тех, кто присоединился к отряду за последние два дня. Сбежавших в лес невольников жестоко эксплуатировали, так что в целом они выглядели перспективными бойцами. Только вот выучка им необходима.

Александр забрался на бочку, чтобы его было хорошо видно. Я стоял рядом и старался держать под контролем происходящее.

Атаман выступил с зажигательной речью. Александр умел красноречиво и убедительно говорить! Возможно, по этой причине его и выбрали атаманом. Особенно настойчиво он объяснял необходимость создания большой освободительной армии. Закончил Саша такими словами:

— Единство, мужество, бескорыстие — ключи к победе, свободе, счастью! Без дисциплины нет армии, а без армии не обрести свободы! Так что станем единым целым и сбросим цепи! Грабежей больше не будет, только экспроприации у богачей, все поделим поровну.

Присутствующие выражали бурными криками одобрение. Тут при всеобщем ликовании вперед вышел могучий, обильно украшенный шрамами Мирон. Он произнес своим мощным голосом:

— Много было и будет желающих привести людей к счастью. Но имеешь ли ты на это моральное право, атаман?!

— Имею! — ответил Александр.

— Но кто ты сам?! — спросил исполин. — Не помнящий откуда появился здесь? Потомок знатного рода или простолюдин? Может, даже такой же беглый раб, как и многие из нас.

Александр хладнокровно ответил:

— У тебя, я вижу, шрамы, ты, скорее всего, был рабом и многого натерпелся.

Голос Мирона стал еще более грозным:

— Ты не угадал, ни я, ни отец мой не были рабами. Мы — из свободных мещан. Я служил в охране Белого, но посмотрелся на его делишки и разочаровался в курсе, по которому ведут нашу страну. Кончилось тем, что меня избили и выкинули на улицу. Я за

социальную справедливость, потому я здесь. А ты, знаешь ли ты свою историю, помнишь ли имя своего отца?

— Так ведь я здесь — атаман! Вы что, сомневаетесь во мне? — возмутился Александр.

Мирон ответил:

— Ты красиво говоришь. Тебя приятно слушать. Но насколько ты способен управлять огромной армией людей?

Александр промолчал.

— А он?! — Мирон указал на меня. — Мы видели его удаль. Он дерется, как никто из нас. И говорит верно, не хуже тебя. Он послан свыше богами, именно он должен руководить нами.

— Да! Боги прислали нам человека. Логично, чтобы именно он стал нашим предводителем, — послышался крик из толпы.

— Так мы вместе принимаем решения, — сказал Александр. — Мы вместе можем руководить.

— Нужно выбрать единого вождя, — настаивал Мирон. — Командир — как вершина пирамиды: должен быть только один, иначе любая прочная конструкция рухнет! Пусть нашим вождем будет Алексей!

Люди с энтузиазмом закричали:

— Верно! Пусть божий посланник будет нашим вождем!

— Правильно! Мы уже видели его в деле!

Это удивило меня: как такое вообще возможно? Атаману не доверяют? Но кричали преимущественно те, кто недавно присоединился к отряду.

— Далеко пойдешь, братан! — шепнул мне Александр.

— Объявляем голосование! — закричал Мирон своим необыкновенно громким голосом. — Кто за то, чтобы нашим вождем стал посланник небес Алексей, наш Освободитель, поднимите вверх правую руку!

Присутствующие на митинге, охваченные энтузиазмом, в подавляющем большинстве своем вскинули руки вверх.

Наши с Сашей речи подарили им надежду на свободу и возможность ощутить себя значимыми людьми. Александр оказался прав: люди поверили, что я посланник богов, оттого радость читалась на их лицах.

Так меня избрали предводителем восстания, командиром формирующейся освободительной армии. Александр не стал возражать. И при всеобщем одобрении я назначил его своим заместителем.

Интересно, почему Мирон решил сделать вождем именно меня и настаивал на этом. Я пригласил его к себе в шатер. И спросил:

— Скажи, почему ты решил избрать меня?

— Я не знаю, кто ты, — ответил Мирон. — Может быть, история про посланника божьего — лишь прикрытие, пусть это будет на твоей совести. Может, ты был рабом и познал, что такое унижение, но ты умный парень, я слушал твою речь по радио. И смелый очень. Я видел тебя в деле при захвате прокуратора. За тобой пойдут люди. Я верю, что ты за правду и сможешь изменить ситуацию в стране. Хочу, чтобы счастье принадлежало всем, а не горстке избранных. Ради этого святого дела я изменил Белому и готов поднять свой меч за свободу и справедливость.

— Поверь, я никогда не был рабом. И я из другого мира. Являюсь ли я посланником бога? В какой-то степени — да. Потому моя совесть спокойна.

Мирон пояснил опять:

— Верю, что тобой движет не жажда власти, а желание помочь людям. А вот в атамане не уверен, поэтому предложил, чтобы ты возглавил наш бунт.

— Это будет не бунт, а революция! — поправил я Мирона. — Но основные преобразования будут потом, после нашей победы!

— Революция? Странное слово, ты сам его придумал? — удивился Мирон.

«Здесь же не было революций!» — подумал я и сказал:

— Нет, не я придумал! Этот термин из моего мира, — сказал и тут же пожалел о сказанном, так как выдавать свою подлинную сущность было совсем не нужно, возможно, даже опасно.

— Мира богов? — поинтересовался Мирон.

— Думаешь в правильном направлении, — уклончиво ответил я.

Чтобы Мирон не стал развивать эту тему, спросил его:

— А что, бунты недовольных часто случались на вашей Земле?

— Ты не в курсе? Редко. Самый крупный бунт был сто пять лет назад. Тогда его жестоко подавили.

Я прикинул: Октябрьская революция у нас в прошлом веке совпадает по времени со здешним крупным бунтом. Но ничего не сказал Мирону. А он помолчал немного и продолжил разговор:

— В любом случае, у тебя будет шанс изменить жизнь людей к лучшему! Все беды происходят из эгоизма, жажды наживы, а благоденствие возможно лишь общими усилиями простых людей. Учти: человек без коллектива, как уголек без костра: дает мало света и быстро гаснет.

Я решил развить тему, люблю философские беседы:

— Человек, говоришь, должен быть в коллективе. Как животные в стаде?

— И животному лучше в стаде! — ответил Мирон. — Если ты отверженный, то будешь рабом, у тебя будет суровый господин и острое желание уйти от хозяина. Вот только куда? Одинокого раба поймают и высекут. Ему нужно искать товарищей по беде. Потому сейчас к тебе потянется народ. Ты дал понять, куда и зачем может идти любой обездоленный...

— Не только я. Здесь Александр до меня начал организовывать сопротивление власти.

— Без тебя его попытка могла быть обречена, а с тобой я верю в конечный успех, по крайней мере, постараюсь быть полезным вам в вашей борьбе. Но учтите: власть попытается задавить нас. Введут чрезвычайное положение, соберут войско для подавления мятежа или, как ты сказал, революции.

— И скоро ли это войско прибудет сюда? — поинтересовался я.

— Думаю, через несколько дней. Максимум — через неделю.

— За это время мы многое успеем, — сказал я. — Город Питер захватим.

— Для захвата целого города нужно хорошо организованное войско, — ответил Мирон.

— Народ прибывает, думаю, организуем быстро, — с оптимизмом сказал я. — Сейчас выберем военачальников и вперед.

— Кого будем выбирать? — спросил Мирон.

— Командиров полков и сотен. Из числа тех, кого захочет народ! Вот ты, опытный и смелый воин, тебя послушали на митинге, а теперь должны выбрать командиром.

Мирон не в полной мере согласился с демократической системой армейского устройства:

— Неплохо говоришь, но не надо каждого военачальника избирать. Должен быть более строгий принцип единоначалия. Ты выбран, ты и назначай на основные должности.

— А что скажешь про выборность должностей в армии на основе конкуренции по профессиональным качествам?

— Для армии конкуренция может быть губительной! — не соглашался Мирон.

Я сказал:

— Сформируем для начала три полка временно усеченного состава. Тебя предложу командиром первого! А остальных пусть изберут себе бойцы.

Мирон не стал возражать.

На очередном митинге мое предложение избрать командиров полков голосованием вызвало споры, едва не переходящие в драки. Особенно сильно спорили между собой разбойники, избравшие Сашу атаманом, и недавно прибывшие в лагерь люди.

Мне пришлось вмешаться:

— Хватит спорить! Переходим к прямому назначению командиров. Для начала предлагаю утвердить Мирона предводителем отряда присоединившихся к нам недавно мужчин. Из этого отряда сформируем первый полк. Мирона назначаю его командиром и моим заместителем наряду с атаманом Непомнящим. Голосуйте!

Предложение поддержали.

Так Мирон стал командиром первого полка, я — командующим армией, а атаман Непомнящий — моим первым заместителем.

Затем я сказал:

— Атаман хорошо знает своих людей, он назовет командира второго полка, а третий полк будет формироваться постепенно из прибывающего к нам пополнения. Его командира можно избрать уже сейчас. Пока так. Люди будут прибывать, полки расширяться, потом станут дивизиями. Когда пойдут бои, будем смотреть на проявленную воинами доблесть и смекалку. По этому принципу станем выдвигать в командиры.

Мужики недовольно ворчали, но когда я вынес свое предложение на голосование, подняли руки. Командиром второго полка утвердили Грома. Затем возникли споры по поводу того, кого избрать командиром третьего полка. Проголосовали за молодого мужчину по имени Хорошук.

Во время голосования произошла драка между двумя бойцами.

Раздался крик:

— Да я тебя! — мощный, атлетически сложенный мужчина атаковал худенького, низкорослого парня, похожего на мальчишку. Мужик бил кулаком наотмашь, но его худой противник отклонился от удара, отскочил и плюнул что-то из трубки в шею силача. Тот повалился на землю.

На толстой шее богатыря расплылось фиолетовое пятно. К поверженному мужчине подбежал знахарь Чарли. Он произнес с удивлением:

— В него вонзилась иголочка с ядом, который парализует конечности.

— Временно! — ответил худой парень. — Потом амбал очухается. И будет знать, как на меня нападать!

Мы с Сашей велели худому зайти к нам в шатер.

Атаман спросил:

— Как зовут тебя?

— Трубач.

— Что за кличка такая странная? — опять спросил Александр.

— Так это потому, что я с трубкой своей любимой не расстаюсь.

— Покажи, — велел Александр.

Трубач достал из штанов металлическую трубку с отверстием внутри и сказал:

— Я с нее иголками стреляю.

— Где ты научился изготавливать яды? — спросил я.

— Нигде! Нашел в одном из имений. Богатые тоже не довольны своим положением в обществе. Вот и делают всякую отраву. Зелье было запечатано в пакет, я его вскрыл и оказался на время парализованным. Хорошо, что хозяева не вернулись. А потом стал иголки осторожно зельем смазывать.

— Как попал в имение? — спросил Александр.

— Я открывать замки умею.

— Откуда? — опять спросил Александр.

— Один вор научил! Он временно оказался у нас на заготовках, я был с ним в одной паре, рубили лес. А затем мы сбежали. Вор рассказал, как вскрывать замки, даже кое-что показал. Мы сначала вместе в один дом забрались. А потом он ушел от меня.

— А трубка у тебя как оказалась? — спросил я.

— Нашел еще в детстве, так с ней и хожу.

Мы отпустили Трубача, а я сказал Саше:

— Дисциплина у нас пока не очень.

— Что ты хочешь, всех в отряд принимаем, без разбора.

— Не правильно это! — ответил я. — И вообще, лидеры восстания должны быть бойцам братьями, а не братанами!

— Ты забыл, из кого я формировал отряд? — спросил Александр. — Атаман — это в первую очередь выразитель настроения своих бойцов.

— Ладно, давай не будем об этом, — предложил я. — Но плевательные трубки с иголками могут нам пригодиться. Уже в предстоящем походе.

— Они недостаточно дальнобойные! — ответил Александр. — Да и где ты возьмешь достаточное количество металлических трубок?

— Не обязательно металлические. Мы в детстве плевали из трубок, которые сами

делали из тростника.

— Это были детские игры, — сказал Саша.

Я ответил ему:

— Но трубки можно усовершенствовать. Я подумаю над этим. Ты прав: губы и щеки дают возможность бить на небольшое расстояние. Придумать бы что-то такое, что само расширяется и бьет с силой. Но это потом. Пока на нас не брошены крупные силы, надо атаковать город. А с помощью простейших трубок можно будет бесшумно снять караульных.

— Придется вплотную к ним подходить.

— Придумаем, как лучше подойти, чтобы не вызвать подозрение. Думаю, девушек опять подключить, форму гвардейцев и охранников использовать. Надо проконсультироваться еще у знахаря по поводу ядов и противоядий...

— У нас еще есть немного времени, многим бойцам нужно показать элементарные приемы войны, — сказал Александр.

Я подвел итог разговора:

— Ты прав, мы должны тщательно подготовиться и сплотить не слишком пока боеспособную повстанческую армию под нашим командованием.

Весь день бойцы повстанческой армии провели в учениях и подготовке к предстоящему штурму Питера. Вечером Александр Непомнящий выслал разведку. Перед выходом в город решили провести Совет командиров.

— Прежде всего нужно взять лагерь гвардейцев при входе в Питер, — сказал я. — Сначала обезвредить караульных. Это проще всего сделать с помощью стреляющих трубок.

Я показал тростниковое приспособление и пояснил:

— Металлических пока нет, но можно плюнуть и с такой.

— Правильно, очень важно тихо, аккуратно снять часовых и хотя бы часть гвардейцев обезвредить во сне, сказал — Александр Непомнящий. — Выступаем ночью.

— Только с трубками нужно быть очень осторожными, — сказал я. — Знахарь Чарли проконсультирует передовой отряд, как стрелять, чтобы не навредить себе. Трубки будут заряжены отравленными иглами с одного конца. Действовать начнем как и при штурме логова прокуратора. С собой я возьму самых сообразительных и натренированных бойцов.

— Логично! Я пойду с вами! — произнес Хорошук.

— Я думаю, караульных будет не слишком много, — сказал Александр. — Даже после захвата прокуратора их вряд ли успели усилить армией. Мы для них — тупые разбойники, которые способны лишь на то, чтобы нападать на замки и имения богачей.

— Охрану олигархов наверняка усилили гвардейцами, так это и хорошо, — сказал Мирон. — Меньше их будет задействовано на защите города.

— После ликвидации лагеря гвардейцев сразу идем на штурм городской крепости, а после ее взятия займемся подавлением оставшихся очагов сопротивления, — сказал я.

Мирон напомнил:

— У нас будет превосходство в боях, но противник лучше обучен и вооружен.

— Так и я успел обучить многих бойцов основным приемам, — напомнил я.

— Да, но у гвардейцев проходят постоянные тренировки, а у нас будет много не проверенных людей, — сказал Гром.

— Ничего, возьмем внезапно, числом и смекалкой, — ответил я.

— Нам обязательно нужна победа, — сказал Мирон. — При первом поражении люди начнут разбежаться от нас.

— Думаю, наоборот, городская беднота присоединится к нам, — высказал предположение Александр Непомнящий.

— Это в случае успеха, — ответил Мирон. — План операции согласован. Осталось уточнить детали. Во время внезапного нападения в рядах врага начнется паника, ей нужно воспользоваться.

— Понятно! — воскликнул Гром. — Воспользуемся!

— Снимаем караульных и сразу вводим в лагерь гвардейцев первый полк, — сказал я. — Действуем тихо, наносим спящему врагу максимальный урон.

— Наиболее тренированные бойцы пойдут первыми, возможно, их поведу я, — предложил Мирон.

Александр уточнил:

— Не возможно, а Алексей и ты их поведете!

Я продолжил излагать план боя:

— Второй полк задействуем при штурме крепости и в случае, если у первого полка возникнут проблемы в лагере гвардейцев. Третий полк сразу окружит лагерь и останется в засаде. Задача его бойцов — не выпустить ни одного гвардейца! Затем идем на штурм крепости. Задействуем всех людей. Из нашего лагеря выступаем в полночь.

Возражений не последовало, только Хорошук сказал:

— А пока нам не мешало бы немного поспать.

Я кивнул. У меня привычка спать мало и чутко, но бойцы заслуживали отдых перед важнейшим сражением.

— Сон — стратегическое оружие, его нехватка — причина усталости, которая, в свою очередь, — зародыш поражения, — сказал Мирон при выходе из шатра.

Совет закончился. Бойцы после занятий на свежем воздухе спали как убитые. Лишь наши караульные сидели в засаде, готовые поднять тревогу.

Мне не спалось, я с нетерпением ожидал своей первой крупной битвы и опять обдумывал план сражения. Тактика, вроде, правильная. В темноте легче скрыться и подойти к лагерю гвардейцев незамеченными. Днем взять лагерь, а потом еще и город будет значительно сложнее. А вот спящих гвардейцев обезоружить вполне по силам, ножи, наверное, придется использовать. Мушкетов и луков у нас пока мало. Думаю, в лагере гвардейцев захватим. Слуги Нитупа могут впасть в панику при ночном штурме и сдаться.

Ночная атака — это тоже риск, военного опыта у бывших разбойников и бедноты практически нет, но, как показал набег на замок прокуратора, успеха можно добиться и без опыта.

Неплохой идеей казалось мне использование трубок с иголками. Потом можно будет оснастить наше войско другими, довольно простыми видами вооружений. Сделать, например, допотопную гранату из пороха, глины и чугуна. Можно будет изготовить и взрывчатку. Ведь некоторые в моем родном мире делают ее кустарным способом.

Но это — потом. Сейчас следовало настроиться на предстоящий бой. Я почти не сомневался в победе.

В полночь отдал распоряжение:

— Трубить сбор, поднять всех, кроме больных, женщин и тех, кто остается на охране лагеря.

Перед походом решил сказать несколько слов, чтобы поднять дух бойцов:

— Нас ждут великие времена. Мы все станем богатыми и влиятельными! Но для этого нужно совершить ряд побед во имя свободы и справедливости!

Бойцы зашумели. Раздались голоса:

— Веди нас к победам!

— Мы всех сомнем!

Я продолжил:

— Сначала мы захватим Питер. Боги подарят нам успех, город с огромными богатствами будет наш! Пойдем к нему и возьмем смекалкой и штурмом.

— Там крепость с высокими стенами! — закричал кто-то из толпы.

— Когда мы пойдем на штурм, боги помогут нам, город упадет к нашим ногам! — я старался излучать уверенность, сердца бывших разбойников и бедноты наполнялись энтузиазмом.

Послышались голоса:

— Да здравствует посланник богов и наш атаман!

— Мы разберем крепость по камушкам!

— Надо сначала атаковать лагерь гвардейцев, а потом крепость еще до рассвета! — велел я. — Потому в путь!

Лавина воинов устремилась в направлении Питера.

Лошадей в отряде атамана Александра Непомнящего, а теперь в моей освободительной армии было мало. Понятное дело, «посадочных» мест хватило только вновь избранным командирам и бойцам, которые первыми должны были ввязаться в заваруху.

Женщин, кроме Аленки, мы решили их не брать. В лагере остались и пара десятков человек охраны. Все остальные пошли на штурм Питера.

Перед выходом из лагеря я сделал вид, что молюсь и шепчу заклинания, после чего вскочил на лучшего в отряде жеребца.

Не спеша поехал во главе войска. Двигаться старались бесшумно в свете почти полной луны. Легкие могучего скакуна моего раздувались, словно кузнечные меха, а бледный хвост его в ночи казался мифическим шлейфом тетки с косой, которая отныне будет сопровождать нас.

Копыта лошадей глухо стучали по земле. Ухали филины, слышался заунывный вой волчьей стаи, а луна казалась живым ликом святой, на чьем ярком лице отражались морщины скорби.

Я думал о том, что здесь нет таких вооружений, как в моем родном мире, и средств коммуникации нет, даже телефона. Только приемник с передатчиком для радио сумели изобрести. Сильно отстала не воинственная цивилизация от параллельного мира в развитии техники и вооружений. Но это значительно облегчало сейчас нам задачу.

Стал размышлять о том, что было бы, если бы революция семнадцатого года в России провалилась. Какая была бы тогда история?..

Мои размышления прервала Аленка, которая подъехала на своем скакуне и сказала:

— Подходим к городу, там, за лесочком, лагерь национальной гвардии уже будет виден.

Я кивнул, а девушка спросила:

— А правду говорят, что атаман память потерял?

— Потерял. Это правда.

— Слышала, что ушастые ему память стерли. А сам он из богатой семьи.

— Точно то, что он не из ушастых.

Александр замыкал нашу процессию. Он подгонял отстающих.

Я огляделся. Как спокойно вокруг лунной ночью! Да и днем здесь хорошо. Не загаженные цивилизацией реки и долины, леса и поляны. Как чист воздух, как вкусны и сочны естественные, не испорченные химией и богатые витаминами продукты! Даже дикие животные, которые хоть и шарахаются от всадников, но все же здесь они совсем иные. Не такие пугливые, и шкуры у них выглядят ярче, здоровее. Хорошо в этом мире!

Воевать совсем не хотелось. Но нужно играть свою роль до конца!

Я подождал отстающих пехотинцев. Третий полк сразу направили в засаду вокруг спящего лагеря гвардейцев Нитупа. Природный ландшафт и растительность позволили расположить воинов таким образом, что их в траве не было видно, но они перекрывали возможный путь отхода неприятельских бойцов. Вооружены люди засадного полка были дубинками, острыми обломками кольев и серпов.

Ко мне подъехал Александр и сказал:

— Будет первый наш крупный, самый сложный бой.

— Труднее придется при наступлении на Москву, — возразил я, потому что был уверен в сегодняшней победе.

Александр ответил:

— Думаю, наоборот, при походе на Новгород и Москву проблем должно быть меньше. Мы станем сильнее, а воины Нитупа упадут духом. Вообще, самый сложный шаг — первый, когда начинаешь, потом все идет легче.

Я с сомнением поглядел на брата:

— В любом случае, на блюде нам никто победу не поднесет! Ладно, теперь мой выход.

Конники спешили. Я дал знак следовавшим за нами людям остановиться, затаиться и ждать сигнала к штурму. А сам с кучкой бойцов, которые должны были снять часовых, направился к лагерю гвардейцев Нитупа.

Рядом со мной шли Аленка и Мирон, за нами — бойцы с трубками, ножами и мушкетами. Мы прошли лесок, Мирон, прижавшись к дереву, увидел первого караульного и шепнул мне:

— Вон он миленький скучает.

Я дал знак. Мирон бесшумно приблизился и выстрелил в ногу часового из трубки стрелой, смазанной ядом.

Яд был приготовлен Чарли и вызывал моментальный паралич. Попадать не обязательно нужно было в шею или другую открытую часть тела, острая стрела легко могла пронзить ногу охранника в шароварах.

Мирон попал. Один есть! Осел на землю.

Второго караульного решил убрать я сам безо всякой плевательной трубки. Просто для разминки. Бесшумно зашел со спины и дал мужику по шее. Придержал его и уложил на землю.

Похоже, часовые дремали стоя. Они явно не ожидали нашей вылазки. Тут главное было убрать их так, чтобы не успели поднять тревогу. Все получилось. Хорошук с товарищем сняли своими иглами двух бойцов, дремавших в карауле с другой стороны лагеря. А мы с Мироном обезвредили еще двух караульных при входе на поляну. Серьезного шума не возникло, а на легкий спящие гвардейцы не отреагировали.

Все прошло на ура, словно боги действительно помогали нам. Так бы и дальше!

Я дал знак, мои люди, как и было предусмотрено на инструктаже, выскочили из укрытия. Мы, стараясь не шуметь, вошли в лагерь. Не слишком большой стан, гвардейцы спали, кто в палатках, а кто и просто на густой траве.

Бойцы освободительной армии стали обстреливать спящих иглами и резать ножами проснувшихся людей, пытавшихся оказать сопротивление.

С одной стороны, было не по-рыцарски — резать людей, но с другой — это война, ради победы в ней все средства хороши.

Мои муки совести были не долгими, поднялась тревога. Понятное дело, лагерь проснулся, кто-кто закричал:

— Караул! Атакуют демоны! Спасайтесь!

Но было поздно. Кричавшего обезвредили, а лавина моих людей уже всю орудовала в лагере.

Когда нападают ночью, паника неизбежна. Гвардейцы спросонья не сразу смогли понять, что происходит. В таких условиях как никогда важна роль командиров. Я знал это. И перед боем просил в первую очередь обезвредить тех, кто может относиться к командному

составу.

Сам бросился к шатру, где, скорее всего, находился начальник гвардейцев.

Он, полупьяный, с трудом поднялся с кровати и закричал на меня:

— Что случилось?! Почему молчат трубы?!

— Трубы молчат, потому что часовые лежат! — крикнул я и прыгнул на командира.

Мужчина успел махнуть клинком, который был едва различим в темноте, я легко увернулся, мои мышцы, в отличие от его, были прекрасно разогреты. В ответ в прыжке каратиста я провел удар ногой по голове служаки.

— Все в порядке? — услышал я голос ввалившегося в шатер Мирона.

— Свяжите его, когда очухается, допросим, — велел я. — Гвардейцев лучше не убивать, а брать в плен.

Я выбрался из шатра, ударом ноги свалил бросившегося на меня человека. Другого гвардейца снял четким ударом кулака в солнечное сплетение. Сейчас мои люди подбегут, свяжут противников. Главное, чтобы никто из них не ушел и не предупредил охрану крепости. Как хорошо, что здесь нет телефонов!

Теперь у гвардейцев не стало командира, а войско без командира — как стадо овец без пастуха.

Мои люди вдвоем или даже втроем кидались на одного выбегавшего из палатки гвардейца. Так проще было свалить бойца. Не зная, что делать, многие гвардейцы пытались убежать. Но именно это мы и ждали, потому взяли лагерь в плотное кольцо. Бойцы с плевательными трубками и кинжалами встречали беглецов. Прорваться к лошадям у них не было никакой возможности: люди из освободительной армии большим числом караулили коней.

Послышался командный голос Александра Непомнящего:

— Не дайте никому уйти! Подсекайте ноги! — кричал атаман.

Я споткнулся об труп, рядом валялось еще несколько тел, мои воины превратились в палачей, а у меня появилось отвращение к крови: от моих действий много народу погибнет.

Но нельзя осуждать восставших. Революций без крови не бывает. Да и воин — не убийца.

Все же я закричал:

— Во имя Бога! Сдавайтесь, гвардейцы! Кто сдастся — будет жить!

Нашлись те, кто послушался моего приказа, они падали на колени. Лишь пара десятков человек продолжали сопротивление, пытались вырваться из нашего окружения.

Я вырубил еще двух мощных бойцов и крикнул оставшимся наиболее стойким гвардейцам:

— Падайте ниц! Будете отпущены на свободу!

Несколько бойцов упали.

Битва сходила на нет! Одним из последних противников оказался довольно искусный воин. Он своей дубинкой сразил уже несколько повстанцев. Пришлось дать знак. Мой боец иголкой из трубки поразил сопротивлявшегося в шею. Затем зачем-то ударил поверженного противника еще и дубинкой по голове.

Пленных связывали. Они почти не сопротивлялись. Бой закончился нашей безоговорочной победой.

Я поинтересовался, удалось ли уйти кому-то из гвардейцев. Вроде, нет. Предместья города были зачищены от защитников власти Нитуа.

После уничтожения лагеря гвардейцев нужно было взять хорошо укрепленную крепость в центре города. Внутри жила знать, наиболее обеспеченные граждане и местная власть.

Решили действовать хитростью, чтобы не идти на откровенный штурм с неизбежными большими потерями: в крепости было немало гвардейцев, охранявших стены и покой знати.

— Давай быстро переоденемся и сразу в крепость, — крикнул я Александру.

Атаман ответил:

— Так и сделаем! Ворвемся на плечах успеха.

Несколько десятков бойцов переоделись в одежду гвардейцев, я по такому случаю надел на себя богатое облачение их командира, мы вскочили на лошадей и ринулись к воротам Петропавловской крепости. Благо было недалеко. Пехотинцы последовали за нами.

У стен крепости я закричал:

— Именем великого царя Нитупа! К вам прибыло подкрепление для защиты крепости! Откройте ворота, позвольте воинам занять свое место.

Стражники спросонья соображали плохо. Открыли не сразу, после перебранка. Но они действительно ждали подкрепление и наше появление не вызвало сильных подозрений. Когда врата распахнулись, мы въехали в них.

В моем родном мире неоднократно крепости и города брались таким вот хитрым маневром. Крепость Питера мощная, ее приступом так просто не взять. А переодетые всадники проникли за ворота без проблем.

Когда за нами устремились мужики освободительной армии, спешащие на подмогу из поверженного лагеря гвардейцев, охранявшие крепость люди поняли, что прибыло вовсе не подкрепление, но было поздно.

Я уже обезвредил командира стражи, просто подъехал к нему и прямо с лошади зарядил кулаком по лицу. Да так, что сломал челюсть и вышиб зубы. Вырубил и бойца, который подбежал ко мне.

Мы быстро ликвидировали стражу, взяли ворота под контроль и стали разгонять сторонников Нитупа. Они вновь оказались застигнутыми врасплох.

Загремели в тревоге городские колокола, из дверей домов стали выбегать и вступать в бой расквартированные в крепости гвардейцы.

В самые первые минуты несколько гвардейцев были зарублены нашими кавалеристами. Но и прибежавшие в крепость мужики с дубинами, вилами, топорами бросалось на всех, кто пытался оказать сопротивление. Некоторые использовали даже выломанные из дерева суки. Ярость компенсировала нехватку оружия.

Сражение развертывалось под нашу диктовку. Я подъехал к Аленке и решил быть рядом с девушкой. Наблюдал за боем, иногда отдавал команды бойцам.

Оборонявшиеся безуспешно пытались выстроить клин и оттеснить нас, но мужики этот клин без труда разбивали.

Вдруг Аленка спрыгнула с коня и атаковала вооруженного лишь одной дубинкой командира взвода гвардейцев. Я тут же поспешил на помощь и то же перешел на пеший бой. Закричал девушке:

— Включили ударную технику ног. Бей в пах!

Аленка сразу не поняла:

— Куда бить?

— Между ног! По яйцам!

И для примера врезал подбежавшему ко мне гвардейцу. Тот издал такой душераздирающий громогласный вопль, что сражение на секундочку приостановилось: все смотрели на корчащегося в страшных муках человека. Однако на помощь командиру пришли его бойцы. Меня и Аленку окружили. Положение становилось критическим, я подумывал только о том, как бы прорваться из кольца, не получив серьезных ранений.

Но в этот момент деревянные ставни в ближайшем большом доме распахнулись, из окна выглянула девушка и запустила тяжелым кувшином в одного из гвардейцев.

Бросок получился точным, прямо в голову. Мужчина упал и потерял сознание.

Поступок русоволосой девушки стал своего рода сигналом, теперь уже на помощь мне и Аленке спешили повстанцы. Первым прибежал бывший кузнец Семен с громадной дубиной в руках, он стал крушить ей гвардейцев. К кузнецу присоединился рыжебородый детина. Он с такой силой насадил на вилы гвардейца, а потом швырнул его так, что туша бедняги сбила еще двух гарнизонных солдат.

Мы с Аленкой вырвались из окружения, но я решил продолжить бой. Очень хотелось применить еще свою удасть! Мало кто из каратистов в моем прежнем мире был способен драться так, как я. А тут и подавно мне не было равных!

Вот раскачиваю корпус, дубинка противника проходит мимо, взмах кулаком, удар — гвардеец лежит. Потом еще удары ногами по новым клиентам. Иногда примитивно в пах, иногда эффектнее в стиле Ван Дама: прыжок и сразу двумя ногами — бац! Противники валятся словно кегли.

А Аленка не послушалась меня, и она ввязалась в бой. Нужно будет потом ее приструнить. Не женское это дело — драки. Но ей нравится. Вижу: делает разворот и точный удар гвардейцу пяткой в солнечное сплетение. Мужик пашет носом землю. Вот чертовка-красавица, не зря ее учил! Лишь бы не смотреть на ее проделки, а то зазеваюсь и пропущу удар.

Мужики освободительной армии, размахивая дубинами, серпами и вилами, колотили сторонников Нитупа. И еще как! Гвардейцы бросались наутек. Они оказались не готовы к нашему штурму. Даже мушкеты и имевшиеся у них на вооружении мечи не успевали расчехлить и применить.

Чаша успеха явно качнулась в нашу сторону, воодушевленные бойцы всех полков нашей армии стали рубиться еще жестче.

Мы теснили гвардейцев и сторонников власти Нитупа. К тому же подошли и наши стрельцы, которые открыли пальбу по противникам.

Сомнений в победе не возникало ни на минуту. Расстраивало только, что много крови и трупов.

Я старался контролировать ход схватки. Еще бы видеокамеру иметь — такие классные сцены получались бы! Настоящий бой, настоящая кровь! Кто еще из моих друзей видел в двадцать первом веке именно сражение, а не постановочные сцены?

Некоторые гвардейцы скрывались в парадных домов, кто-то сдавался или старался вырваться из города через ворота. И лишь отдельные отряды смельчаков продолжали с нами сражаться. Но и они потихоньку отступили к центральному дворцу крепости. Это был дворец Белого, назначенного Нитупом смотрящим за Питером. Иными словами, Белый являлся ставленником Нитупа и главой города. Во дворце заседали иногда городское

собрание.

Красивый с колоннами и статуями дворец располагался на небольшом холме. Перед ним, как это принято в параллельном мире, красовалась статуя одного из богов с извергающимся изо рта фонтаном.

Глава города был, конечно, разбужен нашим вторжением. Шум от приближения повстанцев не на шутку перепугал знатного вельможу. Он велел своим телохранителям взять мечи, стоять намертво и никого не пропускать во дворец.

Лучшие бойцы освободительной армии во главе со мной прорвались к дверям. Кто-то передал мне меч. Я, махая мечом, приблизился к первому из телохранителей, что встретили нас. Тот сразу принялся отклоняться и отступать, но затем перешел в атаку. Во время контратаки я ударил мужика ногой под коленку, а когда тот неуклюже стал балансировать, стараясь сохранить равновесие, нанес ему удар мечом по руке. Мужчина упал.

Остальные телохранители поняли, что с такой толпой им не справиться, и отскочили в стороны, не желая умирать за хозяина. Путь во дворец оказался свободен! Мы устремились внутрь шикарного здания.

В холле находился секретарь Белого. Он отчаянно завопил:

— Убирайтесь отсюда!

Наивный! Я хотел ответить ему, но на голову орущего обрушился хрустальный фужер и вырубил мужчину. Это прислужник, находившийся за спиной секретаря, мощно ударил его. Молодец! Правильно! Зачем орать на все здание?!

Я поспешил на второй этаж. Рядом со мной оказались Аленка и Хорошук. Мы стали барабанить в запертые двери. Хорошук попытался взломать самую простую из них. Из-за двери раздался истошный женский крик:

— Мы свои! Такие же, как и вы, недовольные режимом!

— Так открывайте! — крикнул возбужденный Хорошук.

Дверь приоткрылась, мы втиснулись в комнату прислужниц.

Пять служанок со страхом смотрели на нас.

— Не бойтесь, не тронем! — сказал я и спросил:

— Где Белый?

— Его комната за дубовой дверью в конце коридора.

— Он один? — спросил я.

— Да, должен быть один, — ответила самая пожилая служанка.

Мы бросились в гости к Белому. По пути Аленка ударила в челюсть попавшемуся в коридоре человеку в одежде вельможи. Телохранителями, охранявшими покой Белого и его друзей, к тому времени занимались мои люди на входе в здание, а прислуга не оказывала нам ни малейшего сопротивления.

Мы стали барабанить в дверь главы города, а потом ломать ее. Тяжело справиться с массивной дубовой дверью! Только когда к нам присоединились бойцы с топорами и стали кромсать дверь, Белый закричал:

— Пощадите! Я открою.

Дверь действительно открылась. Хорошук первым проник в комнату, схватил за волосы Белого и занес кулак для удара по лицу. Я закричал:

— Не бей! Это знатная особа. Он может нам пригодиться!

Хорошук неохотно отступил, но все же врезал Белому кулаком по плечу. Удар, правда, оказался не сильным. Белый ойкнул и стал молить меня о пощаде:

— Не убивай меня, великий посланник богов.

Я придал голосу максимальную суровость:

— Я великий?! Куда делась ваша гордость?

— Все равно, прошу: пощади!

Я распорядился:

— Под замок его, после решим участь. Нам нужна не бойня, а правосудие.

Аленка согласилась:

— Мы слишком горячи и быстры на расправу. Следует стать терпимее. Иначе бунт станет бессмысленным, а вместо прогресса прольется много крови.

Я поправил:

— Это не бунт, а революция. Но кровь по-пустому лить не достойно воина-освободителя.

Градоначальника обыскали, Аленка конфисковала у него мешочек с драгоценностями. В нем, помимо золота, нашлось несколько крупных алмазов. Аленка взяла один из них себе. Пригодится.

Я увидел это и сказал:

— Мы конфискуем на пользу революции. Но я делаю вид, что ничего не заметил.

— Белого посадим в карцер? — спросил меня Хорошук.

— Да! Только будем теперь карцер называть тюрьмой.

Белого встряхнули, грубо взяли под руки и увели.

— Нужно немедленно освободить заключенных из карцера! — голосом, полным энтузиазма, сказала Аленка. — Кто был когда-то угнетен, надежной будет нам опорой.

У бывшей рабыни стали проявляться командирские замашки.

— Само собой! — сказал я. — Вперед!

Мы бросились освобождать узников режима. На улице мои люди добивали последних наемных солдат Белого, сохранивших способность сопротивляться. Вот здоровенный Мирон ударом ноги в живот вырубает бойца в охранной форме. Тот с криком падает на траву.

Бой стихает! Победа! Нужно будет распорядиться, чтобы скинули с купола замка штандарт поверженного города и убрали трупы. Придется описать городскую казну, навести порядок и выбрать новую власть. Но сначала — в тюрьму!

Подземная темница оказалась запертой. Мы стали настойчиво барабанить. Без результата. Тогда бойцы притащили бревно и с помощью него вышибли дверь. Стража попробовала сопротивляться. Но мы нанесли несколько мощных ударов дубинками и ногами, четверо стражников остались лежать на полу. Остальные прекратили попытки остановить повстанцев и сдались.

Запереть их в камере вместо узников! — приказал я. — Вас будет судить народ!

Невольники, увидев спасителей, почему-то затаились в своих камерах. Я вынужден был закричать:

— Не бойтесь нас! Мы принесли вам свободу!

— Кто вы такие? — послышался вопрос.

Пришлось ответить:

— Освободительная армия.

— Придут гвардейцы и жестоко выпорют тех, кто сотрудничает с вами.

Я подумал, что рабство — это, пожалуй, не рок, а состояние души.

— Здесь все боятся гнева Белого, — сказал присоединившийся к нам местный

житель. — Он жестокий палач, именем Бога приказывает карать любое неповиновение, пороть и увеличивать срок заточения за малейшую провинность, остальные перед ним выслуживаются.

Я закричал:

— Белого больше нет и не будет! Его власть окончена. Прокуратор тоже в наших руках. Все ранее принятые решения о заточении в карцер отменяются!

Двое молодых мужчин вышли из ближайшей камеры. Радость от внезапного освобождения придала им сил. Посему они держались на ногах достаточно твердо, хотя и выглядели изможденными.

— Мы действительно свободны? — спросил один из мужчин.

— Да, свободны, как и все остальные! — сказал я.

Мужчина, задавший вопрос, подошел ко мне и низко поклонился со словами:

— Мы благодарны вам за спасение! Вы действительно посланник богов, а освободительная армия взяла наш город?

— Да, это так!

— А нам тут внушали, что самозванца и всех, кто посмеет сотрудничать с ним, будут жестоко пороть.

— Пороть будем прокуратора и всех, кто такое говорит, — убежденно ответил я.

— Теперь у нас одно желание — сражаться под твоим руководством, — сказал мужчина.

— Присоединяйтесь к нашей армии! — предложил я. — Впереди будет много боев, но мы обязательно победим. Боги с нами!

Мужчина закричал:

— Братаны! Это действительно наше спасение. Не бойтесь! Палачи не будут больше над нами издеваться!

— Нужно отплатить истязателям той же монетой, — сказала Аленка. — Иначе не будет соблюден принцип справедливости.

— Мы будем их судить, — ответил я.

В камерах сидели больше сотни заключенных, в основном избытых и истощенных. Они стали покидать свои темницы. Многие едва держались на ногах.

Все же я предложил всем вступить в освободительную армию. Предложение не нашло серьезной поддержки.

— Пацифисты? — спросил я у местного жителя.

— Не знаю такого слова. Здесь находится известный разбойник Навал. Вон он. Спроси у него.

Навал выглядел вполне здоровым. Своих освободителей он встретил молчанием, лишь небрежно поклонился.

Я кивнул в ответ и сказал:

— Ты здесь, вроде как, вор в законе, уважаемый заключенными человек. Объясни, почему обиженные режимом люди не хотят против режима воевать.

Разбойник хриплым тоном ответил:

— Не знаю про воров и ваши законы. Ты говоришь красно, а вот правильно ли действуешь? Ты, как я понял, очень даже неплохой бандит. Сумел взять целый город, теперь будете грабить. Но под твое начало не пойду! Я свободный человек, и остальные здесь хотят свободы, а не войны.

Я спокойным тоном ответил:

— Это твой выбор! Мы набираем лишь добровольцев. Тех, кто хочет построить новое государство. Справедливое и сильное.

— Государство?! Ты хочешь свергнуть Нитупа? А кто вместо него? Ты? Заменишь своими голодными людьми нынешних правителей? И так же будете обогащаться, сидеть на шее народной?

Я пояснил:

— Мы создадим здесь первое в мире социалистическое государство равных возможностей, без нищеты и баснословного богатства.

— Не знаю, что такое социалистическое государство, — сказал Навал. — Это когда все равны?

— Почти так.

— Ого! У тебя амбиции! — авторитетный товарищ даже улыбнулся. — Но не противоречит ли это природе человечества? Сильный и умный всегда будет стремиться быть богаче и властвовать над теми, кому менее повезло в жизни.

— Мы поменяем жизненные установки, — ответил я.

— Буду следить за вами, но воевать не хочу.

Я махнул рукой:

— И без тебя обойдемся!

У меня полно дел, вместо того, чтобы агитировать сомневающихся. Необходимо навести порядок, допросить и изолировать пленных, убрать трупы, заняться врачеванием и организовать оборону. Не хватало после столь убедительной победы потерять город.

Взятие города закончилось нашим полным триумфом. Но нужно было подумать, как развить успех.

У нас оказалось много раненных воинов. Все же был кровавый бой. И врагов пострадало не меньше. Целителям работы хватит надолго. Я распорядился лечить и пленных.

Питер испытывал последствия взятия его толпой бывших разбойников и рабов. В нем все еще продолжались локальные стычки, но многие профессиональные воры и разбойники приступили к грабежам и насилиям. Недавно избранные командиры отчаянно пытались навести порядок, но им это не очень удавалось. Я решил применить силу. Приказал всех грабителей арестовывать и помещать в освободившиеся камеры карцера для последующих порок. Это возымело эффект, количество грабежей заметно уменьшилось.

Потом мы займемся экспроприациями. Но только у самых богатых жителей города.

Мои бойцы засадили в клетку Белого и приволокли его к тюрьме. С бывшего градоначальника сорвали дорогую одежду.

Повстанцы издевались:

— Как чувствовать себя нищим?

— Теперь работать пойдешь на рудники!

— Давайте с него жирок сгоним. Пусть его в карцере не кормят!

— Такого пороть нужно каждый день.

Белый боялся, что повстанцы растерзают его. Бывший градоначальник почти скулил:

— Пощадите меня! Я вам все отдам!

В ответ послышалось:

— Мы и так все возьмем! Будем в дворце твоём жить!

Повстанцы стучали палками по прутьям клетки, тыкали через прутья знатную особу

дубинками:

Я тоже подошел к клетке и сказал:

— Его дворец станет общественной собственностью. Будем в него на экскурсии народ водить.

Кто-то спросил меня:

— Что такое общественная собственность?

Я попытался разъяснить:

— Это когда все принадлежит народу. Не какому-то отдельному богатею, а всем нам.

— И дворцы прокуратора и Белого?

— Да!

— Так не бывает.

— А у нас будет! Мы установим новый народный порядок!

Меня спросили опять:

— А кто будет следить за новым порядком?

— Выборные или назначенные мной люди!

К тюрьме подвели группу пленных. Ее встретила Аленка.

Пленных построили в шеренги, рядовым предложили присоединиться к повстанцам. Большинство простых солдат были из числа бедноты и некоторые согласились.

Я, Аленка и знахарь Чарли обходили ряды. Чарли осматривал раненых, Аленка остановилась возле группы гвардейских командиров и со смехом сказала:

— Что-то brave гвардейцы приуныли! Видно, понимают, что им еще долго не увидеть девушек!

И ударила кулаком офицера в подбородок. Потом заставила пленных становиться на колени и целовать свои слегка запыленные сапоги.

Гвардейцы покорно целовали, не смели возражать.

Я вмешался в процесс:

— Зачем ты их унижаешь?

Аленка улыбнулась:

— А тебе не кажется, что им это нравится?

— По-моему, это нравится только тебе, — ответил я.

— Смотри, как они целуют с энтузиазмом, — возразила Аленка, — хотят доставить удовольствие красивой воительнице.

— Да, трудно найти девушку краше тебя, — сказал я комплимент. — С дубиной ты производишь неотразимое впечатление. Но зачем унижаешь пленных, заставляешь целовать свои ноги?

— Я же говорю: им нравится чмокать мои сапоги, они даже облизываются от удовольствия, — со смехом подтвердила воительница. — А я пользуюсь правом победительницы.

— Унижение пленных повышает самооценку, — почти серьезно сказала я. — Но есть же правила приличия и нормы поведения, не престало тебе вот так себя непристойно вести.

Воительница отмахнулась, словно услышала откровенную чушь:

— На войне твои нормы поведения не применимы! Вон мужчины главу города унижают, а ты мне про какие-то нормы толкуешь

Я промолчал. Понимал, что Аленке, как и бойцам, хочется показать свою власть над поверженным противником.

Питер был окончательно взят под контроль, я велел организовать выборы, а после них — пир в честь нашей победы.

В полдень жители города собрались на центральной площади, чтобы избрать себе нового главу города.

Кандидатов было выдвинуто несколько. Неожиданно победил освобожденный из карцера мужчина по имени Славян, сын священника Болота. Епископ пользовался любовью простого народа. Он был добр и справедлив, искренне хотел, чтобы бедняки жили лучше. Но священника лишили сана и сослали за сто верст от города, а его сына посадили в карцер за подстрекательство к беспорядкам.

Мы одержали важнейшую победу и готовились к пиру. Во дворце бывшего градоначальника активно работали повара, появились служанки, которые разносили еду. В самом большом зале было шумно и весело, звучала музыка. Сотни свечных ламп горели на столах и стенах.

Я и Александр Непомнящий сидели на почетном месте. Мы вели неторопливый разговор.

— Теперь местный радицентр в наших руках, нужно будет речь произнести и организовать там охрану, — сказал Александр.

— А еще нужно бороться с антисанитарией, — сказал я, — приучить всех мыть руки перед едой. Только жареного кабана принесли, и сразу набросились мужики!

— Хороший кабан, совсем не жирный, — ответил Александр. — Бойцы только из сражения, пусть порадуются. Здесь животом страдают редко.

— Служанки, молоденькие симпатичные девушки в длинных сарафанах, выглядят старомодно, — задумчиво произнес я. — Все же следует ввести здесь моду на короткие юбки. Столько босоногих красавиц, а закрытые совсем.

— Хорошо хоть, что паранджу в этом мире ввести не додумались, — улыбнулся Александр.

— С чего так?

— Кажется, у нас князь Владимир Красное Солнышко из-за вина и свинины отказался принять Ислам. Хотя в Коране осуждается лишь неумеренное употребление вина: когда оно мешает служить и думать об Аллахе. Но по свинине есть серьезные ограничения: только в стесненных обстоятельствах мусульманин может есть пищу, не одобренную Аллахом.

— Ислам не совместим с Россией, — сказал я.

— Это сейчас, — ответил Саша. — Но попадись князю Владимиру более хитрые проповедники, на Руси вместо Православия вполне мог бы быть Ислам. А это уже иная история. Ведь Исламу свойственен консерватизм, более медленное развитие прогресса, меньше возможностей для революций.

— Все же русской душе близко Православие.

— Воспитанные на Православии русские люди легковерны и доверчивы, нас легко обмануть. А еще очень не любим мы признавать свои ошибки. Даже за Ельцина второй раз некоторые голосовали, не желая признать, что ошиблись первый раз в своем выборе, что пошли не тем путем и поддержали не тех.

— А еще мы терпеливы и послушны, — добавил я. — Троцкий говорил: «Если издам

указ о том, что все мужики должны быть выпороты, а для этого необходимо придти на площадь и снять штаны, то половина придет и снимет, а другая половина принесет справки, что порка им противопоказана по здоровью».

— Но злость и недовольство копятся, терпение и послушание заканчиваются, что приводит к бунту, — сделал вывод Саша.

— Да, именно так. Приводит к русскому бунту, бессмысленному и беспощадному. Достаточно вспыхнуть искре. Вспомни Ленина, этот не слишком популярный и известный политик до семнадцатого года сумел победить у нас со своими большевиками.

— Не удивительно, что революция победила именно в России, — согласился Александр.

— Понятно почему. В других странах народ не такой терпеливый. Вот Франции новый президент Макрон решил отменить прогрессивную шкалу налогообложения и компенсировать потерю налогов сравнительно небольшим повышением стоимости бензина. И началось! Появились Желтые жилеты, митинги, демонстрации недовольных, стычки с полицией. Потом беспорядки перекинулись на другие страны. В Америке недовольство выплеснулось погромами. А у нас сразу на пять лет пенсионный возраст подняли, и ничего: слабые митинги и протесты лишь кое-где прошли, но быстро все стихло.

— Что, на пять лет возраст выхода на пенсию подняли? — удивился Александр.

— Да, теперь у нас больше половины мужиков до пенсии не доживут. Зюганов как-то сказал, что наш народ отчасти сам виноват в пенсионной реформе, потому что не вышел на улицы, не развернул протестное движение. А я об этом писать стал, так меня к следователю вызвали.

— Здесь формально даже пенсии нет. Дети обязаны родителей содержать. Есть Дома престарелых для одиноких стариков. Нам нужно будет тут пенсию ввести.

— Ради социальных преобразований придется воевать, убивать противников. А ведь мир полон радости и создан для жизни...

— Всем этой радости не хватает, потому что одни живут за счет других в безумной роскоши, эту роскошь обеспечивают трудящиеся, большинство из них влечат жалкое существование, — пояснил Александр. — Чтобы изменить такое положение, придется повоевать.

Я решил продолжить тему:

— В нашем родном мире правители, словно большие дети, играют в войну, не замечая причиняемой ими боли. А еще войны затевают для перераспределения богатств...

— Вот и мы будем здесь все перераспределять, — заявил Саша. — Мы не должны быть добряками, если драться надо — значит, будем беспощадно бить врагов.

— Я воспринимаю свои похождения здесь как игру, в которую попал по недоразумению. Но, возможно, это и есть моя настоящая жизнь, жаль, что она проходит в борьбе. Теперь нужно будет усиливать войско и продолжить собирать кровавую жатву...

Александр воскликнул:

— Мы с тобой рождены побеждать! И это у нас никто не отнимет!

Атаман попробовал принесенное жаркое из куропатки и сказал:

— Эх, нравится мне здесь! Пусть и революцию затеяли. Я вот думаю, если бы остался у нас, что было бы? Посадили бы точно меня, и надолго! Нет, самое лучшее время и место для нас — это тут!

— Надеюсь все-таки вернуться назад, — сказал я с небольшим сомнением.

— И я, возможно, вернусь, — ответил Александр. — Но сначала выполним нашу миссию здесь — изменим мир. Небеса готовили нас к этому, и тебя мне прислали в самый подходящий момент.

— Я же говорил: сам решил сюда прибыть!

— Это вроде как сам, — возразил Саша. — На самом деле нам создали условия для перехода в параллельный мир.

Я согласился:

— Может, ты и прав. Лично я стал верить в теорию судьбы. Согласно этой теории, каждому от рождения предначертан свой путь, своя дорога в жизни. И если мы сильно отклоняемся от этой дороги, возникают события и препятствия, возвращающие нас на предназначенный нам путь.

Александр оживился. Он раньше думал на эту тему и решил высказать свои мысли:

— Ничего не происходит случайно! Проблемы, возникающие в нашей жизни — это указатели, которые нужно уметь читать и учитывать. Неудачи и препятствия, правильно ты сказал, призваны вернуть нас на предначертанный путь. Вот и стечение препятствий в наших с тобой жизнях направило нас сюда. Очевидно ведь: наше предназначение — сделать здесь революцию. И судьба будет оберегать нас. И смерть не властна над нами, пока мы не пройдем до конца свой жизненный, предначертанный нам путь изменить здесь ход истории.

— Почему здесь, а не в родном мире? — с улыбкой спросил я.

— На Родине другая ситуация. Там нет предпосылок для революции. И совершенно другие люди рулят ситуацией.

Я не согласился:

— Предпосылки, считаю, есть...

— Пенсионная реформа? — спросил Саша. — У нас ее мало для возникновения революционной ситуации.

— Не только эта реформа в нашей стране. Но и обязательная вакцинация, ухудшение уровня жизни. Ярый антисоветчик Збигнев Бжезинский незадолго до смерти признался, что они совершили величайшее злодеяние человечества: развалили Советский Союз и ликвидировали социалистический блок. В результате нарушился баланс, благодаря которому в капиталистических странах поддерживали относительно высокий уровень жизни рабочих людей из-за опасения бунтов, которые были бы поддержаны СССР и могли бы привести страны капитала в социализм. Холодная война закончилась предательством отдельных высших должностных лиц Советского Союза, был ликвидирован социалистический блок и произошел перекося в сторону олигархического капитализма. В результате уровень жизни основной массы населения в большинстве стран стал потихоньку снижаться, зато обогащение олигархических структур пошло усиленными темпами. Возникли кризисы с высокой инфляцией для отъема накопленных средств у населения, вводятся новые правила и налоги, которые ухудшают жизнь бедных людей.

Я хотел сказать еще что-то, но меня отвлекло появление нескольких девушек в довольно легких платьях. Они принялись играть на лютнях, а самая рослая из них стала трясти бубен. Две рыжеволосые красавицы, похожие на цыганок, начали извиваться в призывном танце.

Выглядело все очень стильно и привлекательно. Победители пируют, победители гуляют! Слегка захмелевшие воины танцуют с немногочисленными местными девушками, присоединившимися к пирующим.

Александр предложил:

— Теперь надо идти на Новгород. А потом и на Москву, в гости к Нитупу.

Я согласился:

— Правильно! Не будем терять время, повторять ошибки Разина. В ближайшее время выступим.

— Только нужно еще визит в радиоцентр нанести, призвать народ в наши ряды, — напомнил Александр. — И оборону Питера организовать. Скорее всего, после нашего ухода пришлют сюда гвардейцев. А еще прокуратора обещали на площади выпороть. Я послал в лагерь за ним.

Пир выдался на славу. Я не удержался и сам пустился в пляс. Энергии била ключом. Стал даже приседать и подскакивать. Это оттого, что все хорошо. Армия под моим руководством побеждает. Вот бы так и всегда! Может, судьба на самом деле одарит нас везением и дальнейшими успехами?

Глава 13.

Мы с Сашей наметили план дальнейших действий: Армия пойдет к Новгороду, по пути освободим малые города и деревни. А там видно будет. Многое зависит от того, как местное население себя поведет. Если поддержит нас и будет подкрепление новыми силами, сразу возьмем Новгород, а потом двинемся на столицу — Москву.

В Питере остались еще дела. Нужно было посетить кузнецов, проконтролировать организацию местного ополчения на случай прихода войск Нитупа, произнести речь на радио и провести показательную порку прокуратора.

Его приволокли в железной клетке, прикованным цепями к прутьям так, что трудно было пошевелиться. Клетка находилась на телеге, специально приготовленной для доставки знатного пленника.

Утром народ собрался на главной площади в центре города. Майское солнышко уже хорошо пригревало. Прокуратор, похоже, смирился со своей участью и молчал. Палач приготовил плеть. Пленника отцепили от прутьев, подняли на эшафот, где положили животом на скамейку. Мужчина тяжело дышал и был на грани обморока.

— Нужно платить по счетам! — сказал Александр Непомнящий, который выступал распорядителем порки.

Угрюмое лицо прокуратора еще больше скривилось от досады и бессилия.

— Вам за меня отомстят! — сказал, наконец, прокуратор.

— Что? — спросил Саша. — За такие слова тебе еще пять плетей дополнительно к пятидесяти, которые ты назначал своим врагам.

Засвистела плеть, заработал палач...

После экзекуции едва живого прокуратора осмотрел знахарь Чарли, после чего бывшего чиновника отправили в тюремный лазарет.

Питер — город не маленький, конечно, не такой гигант, как в моем родном мире, но и здесь он второй по численности после Москвы. Много опытных мастеровых, к которым я решил обратиться.

Хотелось иметь в освободительной армии пушки, например, Единороги. Я читал про него, это орудие благодаря конической форме казенной части обладало большой дальностью стрельбы. Не слишком сложная пушка, я знал, что она появилась в моем родном мире в середине восемнадцатого века и позволила ставить артиллерию позади линий с вооруженными шеренгами солдат. В принципе, такое орудие могло бы сейчас быть здесь

сделано и очень пригодилось бы защитникам крепости.

Я понимал, что есть технические трудности, на которые уйдет время. Да и с порохом в этом мире были трудности. Кроме того, сумеют ли удержать город наши сторонники после ухода освободительной армии? Наверняка режим Нитупа пришлет войска для подавления свободного города. Или, все же, сначала освободительную армию попытаются ликвидировать? Хотелось надеяться, что войска не слишком быстро придут на наше подавление.

В любом случае, надо будет ввести у нас управление флажками, что облегчит командование в ходе боя. Вместо того, чтобы кричать во всю глотку и рассылать гонцов, можно отдавать приказы особыми знаками, использовать флажки разного цвета. Например, один взмах правой руки обозначает разворот на месте, два — обходной маневр. Перспективы нового управления войсками можно будет обсудить на ближайшем совете.

Я решил сделать набросок конической пушки и показать его кузнецам. В кузнях Питера работа кипела. Сами кузни большие, внешне смахивают на бани, дымятся трубы, движется клубами теплый воздух.

У кузнецов дел много, а орудия еще нужно уметь отливать. Я показал набросок, но, видя, что с литьем пушек могут быть проблемы, спросил:

— Можете мне быстро изготовить тонкие острые метательные диски?

Кузнецы попросили показать чертеж. Когда я продемонстрировал, старший из оружейников спросил:

— Неужели, господин, вы их метать будете?

— Буду! — подтвердил я. — В умелых руках они обладают хорошей убойной силой.

Я знал это, пробовал как-то метать такие диски.

Мастеровые присвистнули, а старший оружейник сказал:

— Чтобы такими дисками убить человека — надо сильно постараться!

Конечно, совсем не обязательны мне были диски, но хотелось новизны. Я согласился:

— Да, надо постараться! Здесь опыт и балансировка нужна в руке того, кто бросает. А с косыми руками и глазами любое оружие бесполезно.

Глава оружейников пообещал:

— Сделаем, посланник богов. В ближайшее время будут у тебя диски.

Я призадумался. Производство нормальных патронов при нынешнем технологическом уровне здесь практически невозможно. А вот охотничьи ружья, которые лупят крупной дробью? Такая дробь валит волка, она и человека на тот свет способна отправить.

Хорошим оружием был бы мушкет наподобие охотничьего ружья-двустволки, особенно если снабдить его ударным кремневым пусковым механизмом. Во всяком случае, стрельба с использованием в мушкете картечи здесь вполне осуществима. И хотелось бы иметь на мушкете штык.

Я объяснил кузнецам идею усовершенствованного мушкета и сказал:

— Нужны ручки, чтобы при стрельбе боец делал упор в плечо и вел огонь под прицелом.

Старший кузнец предложил:

— Можно ручки из дерева делать! И часть мушкета то же. Тогда он будет легче.

Я одобрил:

— Верно, приклад однозначно будет деревянным. Мушкет должен стрелять и одновременно колоть. Штык нужно располагать горизонтально к земле так, чтобы лезвие

легко входило между ребер противника. Одновременно нужно продумать ударный пусковой механизм.

Кузнецы понимающе кивали. Мне нравилось давать указания и рекомендации. Меня внимательно слушали.

Мои люди наводили порядок в Питере. Днем в крупнейшем зале города состоялся запланированный еще до нашего прихода бой за звание чемпиона губернии. Я разрешил его проведение: спорт должен быть вне политики и не зависеть от того, какая в городе власть.

Мы с Александром решили посетить состязание.

Распорядитель боя объяснил нам:

— Это опытные бойцы. Они неоднократно дрались на ринге с деревянным оружием. Веткин будет с кривой саблей, а Свирепый — с прямым мечом. На счету у Веткина шесть побед, у Свирепого — семь. Сегодня — главный финал сезона!

Распорядитель покинул нас и через несколько минут вывел бойцов на ринг.

Зрители зашумели, стали делать ставки и спорить. Двое даже подрались. Местные охранники бросились успокаивать разбушевавшихся мужчин.

Распорядитель крикнул финалистам:

— Вперед!

Бойцы сошлись. Они не торопились, проверяли друг друга осторожными ударами, от которых укрывались деревянными щитами. Расходились и снова плавно сближались. Такое состязание не понравилось Александру. Но зрители с восторгом и напряжением следили за перипетиями боя. Они кричали так же, как наши болельщики на футболе.

— Ну, деревяшками машут, — махнул рукой Саша. — Что тут интересного? Лучше бы футбольный матч организовали!

— Здесь нет пока футбольных соревнований, — напомнил я брату.

— Ты скажи, как там «Зенит» наш?

— «Зенит» в порядке. Без тебя чемпионом страны стал три сезона подряд. А вот в Лиге чемпионов провалы. Как и у других наших команд в Еврокубках.

— С чего это?

— Приоритетом чемпионат России сделали, времени клубам на подготовку и отдых перед международными встречами не дают.

— А «Спартак» как?

— Странно, почему ты, питерский болельщик, еще и за «Спартак» переживаешь.

— Так я за обе команды болел. «Зенит» наш, родной, а «Спартак» — народная команда.

— Да, была когда-то народной, а теперь это команда Леонида Федуна. Прошли времена братьев Старостиных, Константина Бескова. Федун теперь рулит «Спартаком», что хочет, то и делает. Капитализм. Личные интересы олигарха превыше всего, а болельщики по старой привычке поддерживают любимую команду.

— А играет-то «Спартак» хоть как?

— В прошлом сезоне занял второе место, а в этом, скорее всего, без медалей останется.

— Хорошо, что вторыми стали после «Зенита»! Мы когда власть возьмем, здесь футбольный чемпионат организуем...

— Сначала нужно взять...

— Я не сомневаюсь! — убежденно ответил Саша.

— Что будем делать с Белым и прокуратором, который потихоньку приходит в себя? — решил спросить я.

— Белого судить будем завтра перед отходом, а прокуратора возьмем с собой и выкинем где-нибудь в чистом поле. Пусть валит на четыре стороны. Станет ходячим примером того, что новая власть делает с кровопийцами народа.

— Ты выступи, пожалуйста, на местном радио с краткой речью, — попросил я. — Расскажи про прокуратора, ожиревших олигархов и необходимость организации обороны города.

— Расскажу! И оборону радицентра то же нужно организовать.

— Из местных жителей, — уточнил я. — Нам каждый боец важен, здесь оставлять никого не будем.

— Наберем еще людей по пути, — с оптимизмом ответил Александр.

Чемпионом города стал боец с прямой саблей. Ему вручили сосновый венок и золотую медаль.

Утром следующего дня освободительная армия готовилась к походу, Александр произнес пламенную речь на радио, которая транслировалась на Питер, села и города в радиусе не менее ста километров от Питера. Я же решил организовать суд над Белым.

Бывшего градоначальника привели на тот же эшафот на площади, где накануне пороли прокуратора. Он выглядел, как и положено пленнику, ожидающему расправу: угрюмое с печатью страха лицо, сгорбленная спина, подкашивающиеся дрожащие ноги. В довершение по всему огромный фингал украшал правый глаз совсем недавно всесильного чиновника.

Толпа шумела:

— Вершите расправу!

— Выпороть его, а потом осадить надолго в карцер!

Я увидел в толпе мужчину, только что избранного новым главой города, и обратился к нему:

— Славян! Поручаю тебе решить участь бывшего смотрящего за городом!

— Мне? — почему-то удивился Славян.

— Разве ты не способен вершить правосудие и творить справедливость? — поинтересовался я.

— Не знаю! — честно ответил Славян. — Это большая ответственность и тяжелая ноша!

— Ты, как глава города, должен осилить эту ношу.

В толпе раздавались голоса:

— Правильно говорит! Свой должен решать судьбу смотрящего за нами.

— И посланник богов нам не чужой.

— Он подлинный посланник богов?

«Ну вот, — подумал я. — Теперь и меня обсуждают». Посмотрел на Белого. И отметил про себя, что бывший глава города старается сохранить достоинство: выпрямил спину, сумел унять дрожь. Но все же пожилой мужчина выглядел жалко в разорванной рубахе, с синяками на лице и руках.

А Славян какое-то время молчал, обдумывая, как поступить. Неожиданно он улыбнулся. В его улыбке не было торжества или презрения к поверженному сопернику, но, как ни странно, читалось сочувствие. Послышался мягкий голос:

— Вы, уважаемые граждане вольного города, доверяете мне решить судьбу бывшего смотрящего? — спросил Славян.

Раздались дружные крики:

— Да, доверяем! Конечно, решай!

— Прими любое решение!

— Любое? — спросил Славян.

— Разумеется!

Стоящие в толпе люди старались перекричать друг друга.

— Клянись, что поддержите меня! — потребовал Славян.

Его поддержали:

— Клянемся!

Новый глава города, стоявший рядом со мной, сделал шаг навстречу толпе, повернулся лицом к Белому, протянул в его направлении руку и произнес громким голосом:

— Повелеваю отпустить Белого на свободу! Он может идти, куда пожелает.

В ответ повисла тишина. Горожане недоуменно моргали глазами. Они ожидали увидеть, по крайней мере, очередную порку. Кто-то выкрикнул:

— Славян шутит! У него своеобразное чувство юмора.

— Нет! Я не шучу! — голос Славяна стал еще громче. — Если вы доверяете мне, то отпустите Белого!

Я положил Славяну руку на плечо и тихо сказал ему:

— Зачем ты поступаешь так? Ведь люди ждут зрелища, а справедливость требует: зло должно быть наказано.

Славян решительно, но спокойно произнес:

— Зло будет наказано, но я хочу дать всем понять, что новая власть против насилия.

— А ведь они творили над вами насилие, — опять сказал я главе города так, чтобы не слышали люди из толпы.

— Да! Но мы должны быть милосердными и не отвечать на зло злом.

— Ты за всепрощение? — удивился я. — Может, и дворец ему вернешь?

— Нет, дворец будет общей собственностью, а он пусть живет там, где захочет, — сказал мне Славян и обратился к толпе:

— Пусть его накажет Всевышний, если сочтет нужным! Белый может быть свободен!

Славян замолчал, толпа возбужденно загудела, но люди стали потихоньку расходиться.

Славян подошел к эшафоту, протянул руку Белому, помог тому слезть.

— Воистину, ты святой! — сказал Белый. — Прости меня за все.

Я подумал, что Славян — слишком добр для руководителя крупного города. Наверное, его и выбрали за его доброту. Здесь люди в основном добрее, чем в моем родном мире, и больше уважают добрых людей. Но во время революций и войн доброта — плохой союзник восставших. Ведь врагов нужно изолировать или уничтожать, чтобы не вредили делу революции.

Я еще раз спросил Славяна:

— Ты не отменишь своего решения?

Глаза мужчины сверкнули, в них читалась решимость:

— Нет! Пусть идет! Добро порождает ответное добро.

— Не всегда это так, — возразил я. — Но настаивать не буду. Пусть он идет! Хотя мне и не по нраву такое милосердие, но, возможно, в нем тоже есть смысл. Впрочем, пусть Белый хотя бы подпишет клятву, что не будет вредить вам и нашей революционной армии.

Бумагу быстро составили, Белый ее подписал.

Я махнул рукой Белому: иди с глаз долой!

Неохотно толпа расступилась, Белому все же дали дорогу. Они шел, напряженно озираясь и ускоряя шаг. Вдогонку ему полетел камень, но не задел.

— Не трогайте его! — крикнул Славян.

Белый почти побежал. Быстро бегать он не мог в силу возраста и перенесенного короткого, но мучительного пленения.

Послышался голос из толпы:

— Он еще вернется сюда с гвардейцами, и живые позавидуют мертвым!

— Организуйте хорошую оборону и достойную встречу! — громко сказал я. — Ваши кузнецы готовят подарки непрощенным гостям, а мы двинемся дальше, чтобы продолжить свою освободительную борьбу.

Когда народ стал покидать площадь, я опять обратился к Славяну:

— Напрасно все-таки мы отпустил Белого. Это палач, на его совести полно преступлений.

— За один день под твоим командованием в городе было отправлено на тот свет много людей, — напомнил Славян.

— Так это было в бою! С точки зрения режима ушастых я, действительно, преступник, заслуживающий самой жестокой кары. Но власть поменялась! А при смене власти революционным путем преступниками становятся те, кто прежде имел власть и богатство, а победившие провозглашаются героями. Но чтобы удержать власть, восставшие не должны проявлять милосердие к своим врагам, ведь у них и их последователей сохранится желание вернуть потерянную власть и богатства. И бунты без жертв не обходятся. Но в нашем случае эти жертвы принесены на алтарь благородной цели.

— Кто знает, может, и палач станет добрее, если с ним по-доброму, — ответил Славян.

— Наивные слова доброго человека, — возразил я. — Смотри, не перегни палку в своем благородстве! Мой тебе совет: будь жестче и требовательнее. Ты слишком добрый, тебя быстро «съедят».

— Я не могу жестко, всегда действовал добротой.

— Ценю добрых людей. Только вот справедливость приходится добывать кровью.

— Кровь и плоть — не лучшие стимулы при установлении справедливости, — ответил Славян. — Насилие хоть и порождает внешнюю покорность, но зажигает бунт в душе!

— Так установить равенство при распределении богатств без насилия над богачами не получается. Алчность так называемой элиты ведет к бунтам и революциям. Если бы богачи не были слишком жадными и делились с бедными, если бы они ради перераспределения богатств не затевали войны, не проводили бы экспериментов над народом, бунтов и революций не возникало бы.

Славян произнес:

— Справедливость оправдывает жестокость, но только в той мере, которая не превращает жертву в палача! Я не собираюсь разубеждать вас прекратить справедливую борьбу. Да, будет больно, еще погибнут люди. Но единственное, что может оправдать пролитую кровь — если в результате перестанут литься слезы!

— Для этой цели меня и прислали к вам боги, — ответил я, но увидел на лице Славяна скептическое выражение.

Мужчина ничего не стал говорить про богов, он только спросил:

— Может, останетесь в городе?

С нами спокойнее, но у нас другие планы. Ведь для восстаний и революций время — важнейшая ценность, поэтому уже утром войско вновь должно было выступить в поход. Питер мы взяли уверенно, наше войско пополнилось добровольцами и стало еще сильнее. Следующей целью был город Новгород...

Ко мне подошла Аленка и сообщила, что Александр Непомнящий желает видеть меня.

— Как его речь на радио? — спросил я.

— Все нормально. Он хочет посоветоваться с тобой по какому-то важному вопросу.

Александр ждал меня в одной из комнат дворца, который ранее принадлежал Белому. В нем остановились мы, руководители восстания.

— С голубиной почтой поступило донесение, что в Москве Нитуп формирует для подавления нас большое войско под командованием самого Шоги, начальника всей

национальной гвардии. В ближайшее время войско выступит в нашем направлении. Решил с тобой посоветоваться.

— Этого следовало ожидать, — ответил я. — Слушаю тебя.

Александр стал рассуждать:

— Шога будет иметь войско, скорее всего, превосходящее пока по численности наше. Есть вариант остаться здесь и сидеть в крепости, ее сложно будет взять. Но Шога блокирует крепость, возможно, попытается взять ее, а мы можем нанести контрудар. Второй вариант: идти, как и планировали, на Новгород. У нас уже более трех тысяч ратников и их число постоянно прибывает. Мы в состоянии взять Новгород, особенно если местное население нам поможет. Но Шога тогда может овладеть Питером, а потом начать преследовать нас. Есть еще и третий вариант: самим пойти на встречу Шоге, устроить ему ловушку, чтобы разбить основные силы противника, а потом сразу двинуть на Москву, ослабленную потерей главного войска Нитупа. Но это рискованно: у нас могут быть большие потери, и не факт, что к нам присоединится достаточное для взятия Москвы количество бойцов. Как ты считаешь, какой вариант лучше?

Я думал недолго:

— Мое мнение: нужно быстрее спешить в Новгород и взять город. По пути наберем еще добровольцев, можем значительно усилиться. Дождемся Шогу в Новгороде, если он пойдет на нас. А если постарается сначала взять Питер, мы можем из Новгорода рвануть сразу на Москву.

— Шога может разделить свои силы. Часть отправить в Питер, а остальное войско пойдет душировать нас.

— В этом случае у Шоги будет заметно меньше бойцов для встречи с нами, — сказал я. — Все-таки логика подсказывает его маневр на Новгород.

Александр ответил после небольшого раздумья:

— Но они знают, что эту логику могли просчитать и мы. Вдруг приготовят нам ловушку?

Я ответил так:

— Какую конкретно? Думаю, у них времени нет на ловушки. Правители в ужасе оттого, что произошло в Питере.

— Но Шога точно не ждет нас на своем пути. Такой ход нелогичный, но неожиданный и может оказаться эффективнее более рационально обоснованного, но при этом предсказуемого.

— Такой ход может привести к нашим большим потерям. Смысла идти на Шогу сейчас нет. И проскочить мимо него к Москве без боев вряд ли получится. Так что, думаю, у нас сейчас один выход — быстрее идти на Новгород. Очередная победа прибавит нам еще сторонников.

— Шогу может запереть нас там, — ответил Александр.

— И здесь может, если останемся. Даже без нас в Питере останется свободный город с советской властью.

Александр согласился:

— Да! Сделали хорошую болячку Нитупу. А в Новгороде что-нибудь придумаем, может, там атакуем войско Шоги.

— Пусть будет так! — ответил я. — На рассвете выступаем!

Мы выбрали маршрут в направлении Новгорода по сельскохозяйственным районам, которые находились поближе к каменоломням и рудникам. В них можно было пополнить армию. Тратить время на взятие сел и мелких городов не хотелось.

В мае утро еще свежо, прохлада нежна и приятна.

Я нежился в лучах солнца, мой крупный белый конь шел не спеша, он, как и я, с удовольствием вдыхал чистый весенний воздух. Его могучие легкие раздувались словно кузнечные меха.

Позади меня ехала Аленка. Возможно, когда-нибудь я напишу роман о любви, в котором прототипом главной героини будет Аленка Хмелева. Феноменальная девушка!

Я решил подождать боевую подругу. Рядом с ней и ехать приятней. Понимал, что девушка нравится мне, мысли мои иногда возвращались к ней, а образ стоял перед глазами. Все же я пылкий мужчина, а здесь не было у меня еще никаких амурных походов. Скучал немного по покинутой в родном мире подруге. Я познакомился с ней, когда был еще юношей, не успевшим остепениться и найти работу. А Алена являлась тогда подающей надежды девушкой из спортивной школы. То же авантюристкой, как и я.

Как-то раз она оказалась вместе со знакомым мальчишкой в самом центре квартала, где обитали наглые в девяностые годы хулиганы. Алену и ее спутника окружили, драку решили устроить. А я как раз там оказался. Меня знали на квартале, не задевали. Я тогда уже карате занимался, ходил, как король. Ни парней, ни драк не боялся.

Шпана, пользуясь численным перевесом, наседали на Алену и ее товарища. Парня ударили несколько раз, девушку щупать стали. Смутные времена были, на окраине Москвы милиционеры старались не появляться, а прохожие не то, что вступить, покричать боялись, обходили драки стороной, чтобы их не задело.

В той разборке я впервые обратил внимание на Алену. Девушка стала отчаянно отбиваться — настоящая тигрица. Но ей личико разбили, сбили с ног, стали срывать одежду. Что на меня нашло — не знаю, но смело бросился на выручку и разогнал хулиганов. Их там пять человек было. Отбил-таки девушку и отвел в безопасное место.

Мы сдружились по-настоящему, общались и переписывались, когда меня призвали в армию. В конечном счете все закончилось гражданским браком. Характерами мы сошлись. Алена не ревновала меня и любила без лишней навязчивости. Жаль, что дети у нас не появились. Пока молодые, свободу ценили, не хотели обременять себя потомством, после тридцати пяти планировали. Исполнилось нам недавно по тридцать пять, но разругались вдрызг. Не хочу об этом...

Последнее время я активно сидел в социальных сетях, блогером стал не последним, начал подумывать даже о политической карьере. С моей внешностью красиво выглядел бы на плакатах. Но судьба распорядилась по другому...

Я приостановил коня и прислушался. Все спокойно! Огляделся. Красивые заросли поздних подснежников на опушке леса, величественные сосны и ели, пьянящий своими ароматами воздух. Опять подумал о том, что природа здесь намного пышнее той, московской, из прошлой жизни.

— Жаль, что тут нет телефона и интернета, — задумчиво сказал я сам себе. — Много информации мы просто не знаем.

Аленка услышала и насторожилась:

— Что такое телефон и интернет?

Я немного смутился и задумался. Жизненный опыт подсказывал: меньше давай

информации о себе. Ибо и лучший друг иногда может оказаться врагом. Но, с другой стороны, хотелось выговориться.

Аленка ждала ответа, Я решил ответить туманно:

— В мире, откуда я прибыл...

— В мире богов? — уточнила Аленка.

— Да. В том мире есть такие вещицы. Они могут на большие расстояния передавать слова и изображения людей, песни, любые новости.

Аленка спросила опять:

— Передавать с помощью радио или колдовства?

Я улыбнулся в ответ:

— Нет, с помощью электричества!

Аленка поглядела на меня недоуменно и призадумалась, похоже, вспоминая что-то.

— Я слышала, что есть такое, вроде, магнетизмом называют, — сказала девушка после паузы. — Трешь расческу, только не деревянную, а потом дотронешься до другого человека или железа и так неприятно ударит!

— Можно из этого неплохое орудие пыток придумать! — пошутил я. — Но ты права — это и есть электричество.

Аленка нахмурилась:

— Знаешь, мне приходилось на дыбе висеть. Не думаю, что следует магнетизм в жестоких пытках использовать.

Меня не удивило, что девушку пытали. Я сказал:

— Так устроена ваша жизнь! Ты была рядом со смотрящим за городом, а затем снова стала крестьянской девицей, видимо, потому, что что-то стряслось, и ты вполне могла пройти через дыбу.

Аленка сердито сказала:

— Так просто это говоришь! Потому, что тебя не пытали.

Я растеряно пожал плечами:

— Да, не пытали. Надеюсь, и не будут.

Сам подумал: «Вот если разгромят нашу армию, если поймают меня — пыток не избежать. Не дай Бог!».

Наступило молчание. Я смотрел на прекрасные золотистые волосы Аленки. Возможно она в какой-то степени обрела свое счастье, избавившись от рабства и оказавшись в моей армии.

Аленка все же решила рассказать о себе:

— Если речь вести только о телесных ощущениях, то для меня рабство оказалось даже лучше воли, — девушка удобней устроилась в седле. — Хотя какая там воля! На барина Грудника работала с раннего детства, много работала. Как я не старалась, господа всегда находили повод придраться. Особенно барыня. Даже иногда пороли меня из-за нее кнутом, так барин приказывал и любил смотреть на процесс. Было очень больно! Грудник и сам любил бить кнутом девочек и девушек. Особенно по пяткам. Так, чтобы кожа не портилась. Оно-то больно, но быстро проходит.

А барыня иногда могла и поцеловать, но после поцелуя дергала меня за густые волосы или косы. Ей это нравилось. А работы, как правило, много. Как попала в услужение, часто не выспалась. Только зимой отоспаться можно. А потом меня отдали как прислужницу Роттенбергу, самому богатому жителю города.

За какую-то провинность меня заперли в подвале, надели неудобные колодки и посадили на дыбу. Раньше я не плакала, а тут редела как никогда в жизни! После дыбы Роттенберг решил подарить меня в рабство Белому. Они дружили.

Очень не любила я Роттенберга, а вот рабство у Белого для меня оказалось совсем не страшным. Узнав, что я — подарок шефу, его охранники и прислужники вели себя вежливо, кричать на меня не смели. Хорошо кормили, во дворце я лежала на шелковых подушках, укрывшись атласным одеялом, шитым золотыми нитками...

Я с улыбкой сказал:

— Не всем рабыням так везет!

— Не всем, далеко не всем! — согласилась Аленка, ее глаза увлажнились. — Я видела, как поступают с простыми русскими девчатами Роттенберги и другие господа...

— Долго ты жила у Белого? — спросил я.

— Два года. Жаль, что он вернул меня Груднику.

— А почему?

— Грудник попросил.

— Как сложилась судьба родных твоих? — опять спросил я.

Девушка нахмурилась, но продолжила рассказ:

— Судьбу братьев своих знаю. Николу и Мишу, тринадцати и двенадцати лет отдали на рудники. Младшего десятилетнего Андрюшку сначала в услужение господам отдали, потом то же перевели в рабство на рудники. Там все они и вкалывают. Это долгая история. Рудники — место очень неприятное, даже каменоломни на поверхности лучше. Рабов чередуют, чтобы они не погибали: неделя под землей, неделя в открытом карьере на солнышке. Правда, потом еще тяжелее возвращаться в вонючие, с ядовитыми испарениями шахты. Но рабы не выбирают, а чередование позволяет им очистить легкие и выжить.

— А родители твои живы? — продолжал спрашивать я.

— Нет, умерли они. Как раз в тот год, когда Грудник меня к себе затребовал.

— Соболезную, — сказал я.

У меня еще есть три сестры, — сказала Алена. — Две работают на плантациях, а одну отдали олигарху, нет, не Роттенбергу, другому.

— Всех их освободим! — сказал я и спросил:

— Твои сестры такие же красивые, как и ты?

Девушка ответила:

— Да, красивые. Правда, не такие белоснежные, как я. Большинство девушек на Руси красивы и стройны благодаря свежему воздуху и работе, которая не дает жиреть телесам...

Аленка хотела еще что-то добавить, но услышала впереди подозрительные звуки, прислушалась и предупредила:

— Похоже, конный разъезд гвардейцев впереди. Что будем делать?

Я решительно сказал:

— Ликвидируем сами, пока наши позади! Только нужно никого не упустить, чтобы не предупредили о нашем приближении гарнизон в Новгороде.

Аленка согласилась:

— Ну, тогда в бой!

Гвардейцев оказалось трое. Действительно, неприятельский разъезд. Они увидели, что всадников только двое, причем, одна — девушка, и сами помчались навстречу нам.

Пришлось драться. На коне это не особенно удобно. Тем не менее, я прыгнул из седла своей лошади на лошадь подъехавшего ко мне гвардейца, сшиб его ногами, сам слетел с лошади, но успел поразить мужика ножом, прежде чем он выхватил свой меч. А я сделал сложный веер, вскочил на коня второго гвардейца и тем же ножом ударил его в шею.

В это время Аленка успела стукнуть дубинкой сунувшегося к ней гвардейца. Да так, что тот свалился с лошади и ударился головой о камень.

Не жалко! Даже конь мужика одобрительно кивнул Аленке: мол, правильно, что от такого наездника меня избавила.

— Их надо добить! — сказала Аленка и ткнула мечом в лежавшего возле камня противника.

— Молодец, красавица, — сказал я. — Теперь можешь продолжить свой рассказ.

Аленка улыбнулась и попросила:

— Не нужно никому говорить обо мне.

— Не волнуйся, не скажу, — пообещал я. — Что еще хотела рассказать мне?

Аленка отрицательно мотнула головой:

— Давай дождемся наших. Прислушайся: спереди опять, похоже, топот копыт.

— Может, еще один разъезд, — сказала я.

— Не хотелось бы опять драться. Их будет больше!

Я усмехнулся:

— У меня испарилась жалость, охотно поработаю теперь и мечом, не успел его еще расчехлить в отличие от тебя.

— Надо и другим дать почувствовать свое превосходство над поверженным врагом. Кто-то догоняет нас.

Появился Мирон. Его сопровождал Ерема, недавно назначенный командиром стрельцов. У Еремы имелся при себе лук с большим набором стрел.

Я с улыбкой произнес:

— В данном случае вы не будете лишними! Трех мы уже уложили. Нам навстречу едут еще желающие полежать на земле.

Затем обратился к Аленке:

— Давай попробуем стрелы.

Ерема согласился:

— Мои стрелы помогут нам победить неприятеля!

Решили затаиться в зарослях. Я взял запасной лук у Еремы, Аленка расчехлила свой.

Второй отряд оказался многочисленнее первого: целая дюжина всадников.

Для начала Ерема, я и Аленка, распределили между собой противников, быстро, тратя чуть больше секунды на каждый выстрел, выпустили в неприятеля по четыре стрелы. Мирон с удовлетворением наблюдал за слаженными действиями стрелков — ему лука не досталось. Впрочем, слаженно и эффективно действовали Аленка и Ерема. Все их «подарки» попали в цель. Я отставал в скорости стрельбы и два раза промахнулся.

Гвардейцы громко ругались, не понимая, что происходит.

— Много ругается тот, кто не может так двинуть, чтобы мало не показалось! — изрек Ерема и метко послал стрелу в моего недобитого «клиента».

Да так удачно, что стрела застряла в правом глазу мужика.

— Вот это класс! — присвистнул я, а Ерема снова выстрелил и опять попал.

Не все попадания оказались смертельными. Мирон и Ерема выскочили добивать неприятеля.

— Что-то они разъездились, — сказал я Аленке.

— Беглецов смотрят. Здесь населенный район, город Колпино рядом.

— Слышал о Колпино! — сказал я. — Большой город?

— Нет, не большой, — ответила девушка. — Намного меньше Новгорода.

— Может, наведаемся в Колпино? — спросил я бойцов.

— Почему бы и нет? — ответила Аленка. — Все равно пехотинцы медленно идут, мы без них справимся.

Я дождался Александра Непомнящего и предложил заглянуть в близлежащий городок.

— Правильно, — сказал Александр. — На это много времени и сил не потребуется. А в Колпино мы еще народ в армию наберем. Наше восстание распространяется, подобно пожару, охватывающему поля. Только что группа крестьян к нам присоединилась. Это, похоже, их гвардейцы, которых вы ликвидировали, искали. Рассказали мужики, что в Обухово народ восстал, местную знать побил, советы по нашему принципу организовали. И в Колпино попытались. Но там гвардейцы сумели подавить мятежников, зачинщиков в тюрьму запихали, народ бежит в Питер и Обухово. Так что костер восстания разгорается.

— Мы поможем ему! — ответил я. — Крепости ведь в Колпино нет?

— Нет, — подтвердила Аленка.

Я распорядился:

— Пусть основные силы идут к Новгороду, а конники следуют со мной в Колпино. Захватим городок с ходу.

Я скакал впереди. За мной — Аленка и остальные всадники. Александр же во главе армии продолжил движение к Новгороду.

При подъезде к Колпино навстречу нам бросались всадники, им досталось по самую макушку! Но стража сдалась не сразу. Пришлось повозиться.

Пока мои бойцы разбирались с неприятельскими кавалеристами, дежурившими у городских ворот, я не стал ждать, проскочил мимо схватки, въехал в Колпино к городскому фонтану. Однако рядом оказалась гвардейская часть. Ее-то сразу я и не заметил.

Гвардейцы выскочили из ворот у казармы, окружили меня со всех сторон, кто-то дубинкой подсек лошади ноги.

Я спрыгнул с коня. Меня выручили выучка и необычайная стремительность. Точный выпад ногой — падает первый клиент. Кто следующий? Слышится стремительный конский топот. Слава Всевышнему! Мои люди подоспели вовремя. Включились в рубку с гвардейцами, прошли по ним как каток. А к нам на помощь спешили уже вооруженные камнями и дубинами местные мятежники. Они атаковали гвардейцев. Измученные тяжелой работой мужики мстили за боль и унижение.

Я решил покомандовать:

— Охватите врагов в кольцо и не дайте никому уйти!

На моих глазах упал повстанец с рассеченной головой, но вслед за ним свалились несколько гвардейцев.

— Берите числом! — кричал я.

В сражение вступали все новые мужики. Они бросались на защитников антинародного режима, пускали в ход заостренные камни.

Совместными усилиями служивые были быстро обезврежены.

— Почему ты не подождал нас? — спросила меня Аленка. — Зачем один напал на столько много гвардейцев?

Я не стал объяснять сложившуюся ситуацию, пусть девушка думает, что я бесстрашный.

Покончив с защитниками власти Нитупа, мы выпустили из тюрьмы мятежников, провели короткий митинг на площади и двинулись дальше. В городе Колпино и близлежащих имениях воодушевленные нашим появлением люди переходили на сторону восставших, крушили хоромы своих хозяев.

Мы заглянули в одно из имений. Там засела довольно многочисленная охрана. Ее перебили без проблем: наемные служаки — далеко не самые крутые вояки. После чего мой конный отряд с чувством выполненного долга поехал на встречу основному войску.

Вскоре, однако, послышался возглас Хорошука:

— Судя по следам, тут недавно проезжало несколько телег, и прошли не менее двух десятков невольников.

Аленка спрыгнула с коня, рассмотрела следы и сообщила:

— Ты, Хорошук, ошибаешься: рабов почти сотня.

— Освободим их? — спросил меня Хорошук.

— А наша армия зачем? Что она так и будет двигаться одна? — ответил я вопросами на вопрос.

За Хорошука сказала Аленка:

— Охранников мало! Мы справимся быстро! — девушке хотелось еще повоевать, она не насытилась успехами последних дней.

— Хороший полководец на мелочи не разменивается, но ты меня уговорила! — улыбнулся я.

— Тогда вперед! — обрадовано вскрикнула воинственная девушка. — Преподадим надсмотрщикам очередной урок!

Мой отряд поехал по следам. Настигли колону быстро. Правда, на полсотни рабов и обоз, в ней оказалось всего пять охранников. Для нашего отряда, конечно, не серьезно. Тем более, Аленка сразу же выстрелила из лука и уложила одного из охраны.

— Дайте мне размяться! — велел я, устремился к охранникам, начал с традиционной

мельницы, сбил ближайшего стражника, а спустя несколько секунд второго служивого.

Оставшиеся воины бросились бежать. Разве можно сопротивляться, когда против тебя столько конников, а их командир лично атакует словно демон?

Рабы, в основном молодые мужчины, закричали:

— Это спаситель наш!

Я скромно ответил:

— Не спаситель, а брат! Теперь вы свободны! Вижу: вы сильные, мускулистые парни. Присоединяйтесь к моему войску.

— А вы кто!? — спросил самый старший из бывших невольников.

— Я — посланник богов, командир освободительной армии.

— Да славиться имя твое! — сказали хором несколько человек.

Больше половины освобожденных мужчин решили присоединиться к нам. Мы взяли их вторыми всадниками на коней и стали догонять основное войско.

Догнали быстро, пошли все вместе, в стычки старались больше не вступать. Только в одном месте наткнулись на отряд гвардейцев, количеством около сотни человек. И сразу всех разогнали. При появлении нашей армии brave служаки бросились наутек. Я даже не стал вступать в схватку. Мне не захотелось гоняться за трусливыми вояками, разбегавшимися в разные стороны словно тараканы на свету. Аленка и некоторые кавалеристы, скорее, ради забавы, бросились преследовать убежавших, но скоро вернулись. В плен договорились никого не брать.

До Новгорода дошли без проблем. Недалеко от города устроили привал. Сразу штурмовать крепость не было смысла.

Разбили шатер и собрали военный совет. Решили обсудить план операции. Слово взял Александр Непомнящий:

— Крепость Новгорода — самая укрепленная из всех ближайших крепостей. У нее высокие, толстые стены и глубокий ров. Да и гарнизон внушительный. Но без взятия Новгорода нет смысла идти дальше на Москву. Кроме того, многие бедняки колеблются, и решительный успех качнул бы чашу весов в нашу пользу.

Хорошук напомнил:

— Противник ждет подкрепление в виде армии Шогу. Она движется в нашем направлении. На ликвидацию освободительной армии брошены большие силы.

— Тем более, мы должны взять крепость как можно раньше! — сказал Александр. — Армия Шогу пришла в движение, согласен — это весьма опасно, особенно если учесть, что большинство наших бойцов недостаточно обучены военному искусству.

— Вражеские солдаты тоже не блещут отвагой и выучкой, — сказал я. — Пока мы легко разбиваем всех гвардейцев Нитупа.

— В армии Шогу — профессиональные служаки, — сказал Хорошук.

— Солдаты призываются из бедноты, — возразил Мирон.

— Те, кто служит за деньги, никогда не смогут по доблести сравниться в бою с теми, кем движет храброе сердце и стремление к свободе! — сказал я. — Особенно это касается солдат.

— Правильные слова! — сказал Александр. — Но профессиональный воин — не раб, привыкший к тяжелому физическому труду. Он обучен, ему в армии лучше, чем на плантациях

— Солдаты получают мало, — напомнил Мирон. — И качество выучки у них не совсем

адекватно, что повышает наши шансы.

— В любом случае, Новгород нужно брать до подхода Шогу, — сказал я. — В крепости будем держать оборону.

Командиры согласились, я спросил приглашенного на совет главного знахаря армии Чарли:

— Как на счет зелья, усиливающего способности воинов?

Знахарь хмуро произнес:

— Успею приготовить, но далеко не всем хватит.

— Сколько конкретно порций получится сделать за сутки? — спросил я опять.

— Сотню или две сделаю точно.

— Это не мало! — ответил я. — Только ударить нужно вовремя и толково.

Чарли не разделял оптимизма:

— Если на такие высокие стены лезть, зелье не сильно поможет. Тут слишком мощная защита.

— Зачем лезть? — удивился я. — Противника можно обхитрить. Я подумаю, как лучше это сделать, а ты готовь пока зелье.

Чарли поклонился и вышел, а я сказал командирам:

— Используем ту же тактику с переодеванием, что принесла нам успех.

— Получится ли опять? — спросил рассудительный Мирон. — Возможно, знают здесь уже о наших маневрах. Может, придумаем что-то новое?

Пришлось ответить так:

— Уже думал, ничего другого не придумал. Проще всего нашим бойцам надеть на себя форму гвардейцев и взять оружие, захваченное у них. Это простой, но эффективный способ! Сотню солдат из числа самых сильных бойцов можем переодеть и проведем в крепость. Наш внезапный удар позволит захватить ворота, а затем пропустить через них армию.

— Если при этом бойцы глотнут снадобье, все может получиться! — сказала Алена. — Можно, я пойду в их рядах?

— Ты слишком заметная! Белая кожа тебя выдаст, — пошутил я.

Девушка оказалась находчивой:

— Я могу вывалиться в грязи или одеться в черный балахон. И вообще, лучше ночью штурмовать, как тогда.

— Ты и ночью светишься, — с улыбкой сказал я. — Тебя в темноте далеко видно!

— Вот какое с вашей стороны недоверие, ладно, я стерплю! — девушка обиженно насупилась.

Я решил пояснить:

— Ты пойми, слишком уж велик риск. Если нас обнаружат, то драться придется с целой ордой.

— Я умею драться! — сказала Алена.

— Ладно, подумаю на счет твоего участия, — сказал я.

Мирон опять взял слово:

— Что бы переодетых воинов пропустили, стражники могут потребовать пароль или условный сигнал.

— Можно провести разведку, — предложил Хорошук. — Или в плен взять того, кто знает пароль.

— Лучше разведку! — с энтузиазмом сказала Алена. — Я пойду, я не вызову

подозрений и буду очень рада, если опять смогу послужить борцам за справедливое дело.

— И это очень опасно! — сказал я.

— Буду осторожна, просто спрячусь у ворот и посмотрю, что требуют от прибывших в крепость. Тогда мы узнаем пароль или набор сигналов.

— Может, все-таки мужчину пошлем? — спросил Мирон.

Но Аленка настаивала:

— Лучше меня! У меня идеальный слух. И меня не заподозрят! Если увидят, скажусь простой крестьянкой, а мужчину поймают и будут пытаться.

— Я бы не стал рисковать с разведкой, — сказал Мирон. — Но ты, Алексей, командир, тебе решать.

— Должность командира — это дополнительная ответственность и тяжелая ноша, — сказал я.

— Сладкая ноша! — ответил Хорошук. — Хотя не известно, что лучше: послать на возможную гибель девушку или рискнуть жизнью немалого количества бойцов.

— Никакой гибели не будет! — продолжила настаивала Алена. — Я пойду к воротам, дожусь, когда в крепость прибьет какой-нибудь обоз и узнаю пароль. Может, с обозом проникну в город.

— Она уже помогла нам, — напомнил я. — Пусть идет, если так уверена в себе. Только в город проникать не надо! Попробуй узнать пароль, и сразу назад.

— Я согласна и уверена в себе! — вскрикнула Алена. — Все сделаю так, как надо!

«Что за девушка, какая умница!», — подумал я и сказал ей:

— Запоминай каждое слово, любую мелочь. Не расслабляйся и никакого риска! При малейшей опасности возвращайся назад. Я пошлю бойцов тебя прикрыть.

— Не нужно прикрытия! Его могут заметить. Я справлюсь сама!

Ночью Аленка вышла в город и под утро оказалась у стен крепости. Она увидела возле ворот патруль и сторожку перед мостом в крепость, незаметно подошла к ней и затаилась с задней стороны.

В сторожке оказались два человека. Один из них недовольно произнес:

— Рабы совсем «оборзели»! Слышал, в Питере что твориться? И у нас в области устроили заварушку, имения барские подожгли в тот момент, когда у меня появилась богатая невеста. Теперь, пока мы будем сидеть здесь без отпусков и увольнительных, она найдет себе другого.

Второй солдат ответил:

— В крепости пока спокойно. наших много, беднота помалкивает. Градоначальник сказал, что сделаем вылазку и очистим от бунтовщиков окрестности. Ведь это — рабы, не воины, а мусор.

Первый часовой сказал опять:

— Это так! Придется с бунтовщиками повозиться. Но вначале мы должны получить существенное подкрепление. Говорят, Нитуп направил нам в помощь большой конный отряд. А еще армия сформирована для подавления бунтарей.

Второй мужчина поделился своими слухами:

— А я слышал, что так называемая повстанческая армия тоже к нам идет. Говорят, у них страшный командир, он дерется, словно демон. И неуязвим. Говорят, он послан к нам с неба.

— Ну, это — брехня! Просто умелый воин

— Скорей бы смена пришла. Здесь самое гиблое место. Можем не успеть в крепости скрыться при внезапном нападении. Еще и мост через ров опустить нужно будет.

— Наши бунтари сюда не полезут. Тем более, подкрепление в ближайшее время прибудет.

— Скорее бы дожидаться! Вон обоз с провизией едет, пойдй, проверь!

— Пароль! — потребовал патрульный.

— Слава героям!

— Героям слава! — ответил гвардеец, дал знак, мост возле ворот опустился, ворота открыли.

Миссия была выполнена, Аленка вернулась в лагерь и сообщила мне:

— Окрестности бунтуют, на подмогу гвардейцам в крепость послан конный отряд.

— Вот и воспользуемся этим, — обрадовано сказал я. — Нужно срочно выступать!

— А как же подкрепление неприятелю? — спросил Хорошук.

— Вот твои бойцы его и его задержат. Видел мост по дороге сюда? Выдели людей, пусть разберут его и тем самым заставят противника потерять несколько часов. А когда враг прибудет, город уже окажется в наших руках, заманим вояк в ловушку, возьмем в плен или перебьем.

Я с мощным отрядом переодетых всадников выехал в направлении Новгорода. Волновался не сильно. Была ставка на элементарное везение и точный расчет.

Вслед за нами под командованием Александра Непомнящего двинулась пехота, которая должна была проникнуть в город через открытые нами ворота и спущенный мост.

— Надеюсь, нас не заподозрят! — высказал пожелание ехавший рядом со мной Мирон.

Я был настроен оптимистично.

— Не должны заподозрить! Впустим пехоту в крепость и без проблем возьмем город. У нас существенное превосходство в бойцах.

— Будем надеяться! Хоть и много новобранцев...

— Ничего, не подкачают. Питер тоже брали преимущественно новобранцы.

До Новгорода было недалеко. Я планировал действовать так же, как при и захвате Питера. Не любил повторяться, но ведь не даром говорится: повторение — мать учения. Да и трюк с переодеванием у нас работал идеально. Вот и немцы многократно повторяли в сорок первом году похожий прием. Переодевались в советскую формы, благо трофеев хватало, делали вид, что это русские войска выходят из окружения, а затем внезапно нападали.

К счастью, ту войну мы выиграли, несмотря на то, что противник был поначалу и коварнее, и заметно сильнее. Это закономерно. Есть интересный феномен: несправедливые войны обычно проигрываются. Все же существует какая-то сила, что не дает взять верх злу.

С Новгородом, впрочем, оказалась не все так просто. К крепости города подошли на рассвете следующего дня. Подождали, пока к стенам подтянутся основные силы, которые затаились в лесу.

Мой отряд выступил вперед. Ворота, как и ожидалось, оказались на запоре. Несмотря на сказанный пароль и форму гвардейцев, пускать конницу в крепость не стали. Тогда я решил провести суровый разговор с главой гарнизона. Двоих бойцов, якобы переговорщиков от отряда, посланного Нитупом, согласились принять.

Ворота не открыли, но на цепях спустили специальную люльку. Меня и Хорошука встретил Лисюк, глава гвардейцев города. Он был полный, усатый, в роскошном камзоле. Взгляд наглый, глаза жесткие, нервно трясущийся двойной подбородок.

Увидев двух не слишком, как ему показалось, представительных людей, начальник презрительно скривился:

— Что присылают не поймешь кого? Почему отряд явился без предупреждения и с неверным паролем?

Я ответил жестко:

— Из-за таких вот, как вы, тупых гвардейцев, гибнут лучшие воины. Не хотите нас пускать, тем лучше! Уходим. Нитупу доложим о вашем поведении. Сами отбивайтесь от повстанческой армии. Она уже выдвинулась в вашем направлении.

Хорошук добавил:

— Возвращаемся! Нам спокойнее: не придется с вами оборону держать. Заодно и глава государства узнает, как вы его посланцев встречаете.

Лисюк задумался. Перспектива оказаться в осаде у повстанцев, да еще и навлечь на себя гнев Нитупа, пугала бравого вояку. Он сделал приветливое лицо и сказал:

— К нам обещали прислать армейский отряд с другим паролем. Потому и проверяю вас. Что-то поменялось?

— Поменялось! Тот отряд послан на осаду Питера. А нас срочно перебросили из Твери. Разве вас не предупредили голубиной почтой?

— Нет, не предупредили. Возможно, голубь погиб.

— Это бывает иногда, — сказал Хорошук.

— Въезжайте, помощники дорогие! Лучшие дома города к вашим услугам!

Ворота открыли, мост опустили, мой отряд, не торопясь, въехал в город. Дома в крепости в основном каменные, хотя были и деревянные. Улицы чистые, хорошо

подметенные. Виднелись казармы, дворец главы города и карцер или, по нашему, тюрьма, где содержали бунтовщиков и прочих невольников. Город еще не проснулся, на улицах было малоллюдно.

Пока мой расчет оказывался верным. Нас приняли за подкрепление. Первым делом необходимо было впустить в город пехотинцев, которые уже бежали в направлении крепости.

Напасть на охрану ворот должны были по моему сигналу. Я выжидал подходящий момент, но меня опередили. Несколько самых нетерпеливых бойцов, среди них Хорошук, увидели, что ворота пытаются закрыть и бросились на стражу. Хорошук с ходу зарубил двух часовых.

Я понял, что пора действовать, скомандовал.

— Атакуем всеми силами! Глотните зелья!

После секундной паузы, вызванной приемом допинга, вспыхнула резня. Конники навалились разом, а охрана не сразу сообразила, что происходит.

Я поспешил напасть на Лисюка: крайне важно убрать авторитетного начальника. Спрыгнул с лошади, выхватил меч, бросился к гвардейцу. Тот успел парировать выпад, между нами начался бой. Для меня важно победить как можно быстрее. Противник оказался выше и гораздо тяжелее, он махал длинным мечом.

Лисюка считали одним из лучших бойцов национальной гвардии. В недавнем прошлом так оно и было. Но сейчас командир гвардейцев слишком отъелся, стал менее поворотливым.

Я сделал вид, что споткнулся о тело упавшего бойца. Лисюк попытался рубануть по мне с дикой силой. Я ждал этого, отклонился и всадил острие своего меча в тело противника.

Мои ребята оттеснили стражу от ворот и вновь опустили мост. По нему побежали первые, самые быстрые бойцы освободительной армии, многие из них вооружены, чем попало, но мужики полны энтузиазма. Они вбегали в ворота и разбегались по городу в поисках врагов.

— Крушите гвардейцев! — скомандовал я. — Берите в плен тех, кто сдается!

Мои бойцы разогреты, их уже не остановить, а противник как следует еще не проснулся.

Рядом со мной Мирон с энтузиазмом срубил офицера, а бойцы его полка — пару гвардейцев возле казарм. Те даже мечи не успели поднять. Не война, а мясорубка!

Гарнизон Новгорода считался сильным. Но разве под нашим неожиданным натиском можно устоять?

В толпе обороняющихся я увидел шикарно одетого господина и напал на него. Несколько выпадов опытный гвардеец отбил, но я провел бабочку и выбил саблю у противника. Затем сальто, удар ногой в челюсть, и добивание клинком меча.

Все же не нравились мне лишать жизни даже врагов, да и вождь повстанцев не должен рисковать собой. Но азарт войны толкал на подвиги.

Гвардейцы пытались разбежаться, спрятаться, некоторые отстреливались из мушкетов. Но большинство решили сдаться.

Я крикнул своим:

— Отведите пленных в карцер, выпустите оттуда повстанцев, а бойцы передового отряда за мной на штурм дворца!

Круглые золоченые купола главного дворца города были хорошо видны со всех сторон, как и герб Новгорода под ними.

Стража у входа оказалась довольно многочисленной, но наших кавалеристов было больше, и мы атаковали. Охранники сопротивлялись без энтузиазма, а когда вслед за нами появились еще и пехотинцы повстанческой армии, вся стража разбежалась.

Я первым проник во дворец и побежал по коридорам огромного здания в надежде настигнуть главу города, который мог уйти через возможный подземный ход.

Слуги бросались передо мной на колени. Один из них не оказал должного почтения и остался лежать с разбитым носом.

Когда я ворвался в спальню градоначальника, то увидел лужу крови и лежащего в ней мужчину. Рядом стояла женщина с кинжалом в руках, она, нервно улыбаясь, сказала:

— Наконец-то я покончила с тираном! Да здравствует восстание!

— Ты кто? — спросил я.

— Бывшая жена этого негодяя.

— Зачем ты его убила? — задал я очередной вопрос.

— Давно мечтала! Он — садист, унижал и избивал меня.

— Покажешь, где муж прятал свои сокровища?

— Покажу! Меня зовут Люда.

— А меня — Алексей.

— Пойдем со мной.

Женщина повела меня по коридору, возле одной из комнат остановилась, открыла дверь, указала на статую медведя и сказала:

— Надо надавить на глаза, тогда высунется язык. Если за него дернуть, откроется тайник.

— А не ловушка это? — с опаской спросил я.

— Ладно, я сама все сделаю.

Люда выполнила простые манипуляции, живот медведя выдвинулся, в нем лежали золотые монеты и драгоценности. Не очень много: сокровищница новгородца явно уступала богатству, конфискованному у прокуратора.

Женщина произнесла с обидой в голосе:

— Мне надо верить! Я за восставших!

Я подумал о том, что Люде обманывать нас в самом деле нет смысла. Муж-тиран ею убит. Теперь она преступница. А новая власть может списать ей грехи.

Появление запыхавшегося Мирона прервало наш диалог.

— Фу, нашел тебя! — выпалил Мирон. — Пленный вельможа рассказал, что они ждут отряд гвардейцев около тысячи человек.

— Целая тысяча? — переспросил я.

— Может и больше! Наши люди мост разобрали, но прискакал гонец, сообщил, что отряд рядом. Враг получит солидное подкрепление. А еще они узнали, что мы идем брать Новгород, и направили армию Шогу сюда.

— Встретим их в городе, — сказал я. — Он взят?

— Остатки гарнизона добиваем, местные жители пришли на помощь. Много пленных, кроме того, освободили из карцера несколько сотен человек. Наша армия растет, тебе доверяют бойцы, считают не только посланником богов, но и живым талисманом побед.

— Это хорошо! Поведу всех к дальнейшим победам! — сказал я. — Мы тут сокровища нашли, их нужно описать и передать на нужды нашей армии.

— Сделаем! — ответил Мирон.

— Будешь сражаться с нами, Люда? — в шутку спросил я.

Женщина ответила:

— Буду! Я не против помахать мечом. Мужу докладывали, что в твоей армии есть женщина-воин. Просто дьяволица.

Я кивнул головой. Сказал Миرونу:

— Сделаем здесь засаду гвардейцам, а потом и Шогу. Следите за тем, чтобы никто не вырвался из крепости и не выдал нас.

С такими словами я покинул дворец, чтобы срочно организовать засаду. Приближающихся гвардейцев было меньше, чем нас, но они — профессиональные воины.

Если засада сорвется, нас могут просто заблокировать в стенах крепости и дожидаться армии Шогу. Основные силы режима были брошены сейчас на наше подавление. Как и мы, враг знал: специфика бунтов бедноты такова, что одно поражение может подорвать дух бунтовщиков и отвадить желающих присоединиться к освободительной борьбе. В рабстве держит не столько цепь, сколько страх. И этот страх отбивает отвагу.

Я распорядился немедленно собрать командиров и сказал им:

— Пропустим в крепость весь отряд гвардейцев. Думаю, можно угостить их вином с крепким снотворным.

Чарли ответил:

— У нас есть запасы дурмана, его можно подсыпать в вино. Только вряд ли вино будут пить все гвардейцы.

Я пояснил:

— Хотя бы командиров надо напоить. Я имею в виду психологию уставших воинов, которых встречают хлебом, солью и вином. Как не глотнуть предложенный напиток? Сделайте его много и хорошо размешайте дурман.

План был прост, но его реализации могла помешать любая мелочь. Особенно, если враг поймет, что город захвачен. Для того, чтобы предотвратить это, никого из крепости не выпустили, пленных, сторонников режима и богатеев заперли в тюрьму и близлежащий к ней подвал торгового центра.

В целом проделали большую работу, успели до подхода отряда неприятеля.

Часть моих бойцов переоделись в форму стражи, для встречи неприятеля отобрали самых надежных, проверенных людей.

Мирон надел на себя одежду старшего офицера и придал лицу надменное выражение. Он был первоклассным актером. Труднее оказалось найти замену толстому Лисюку. Его могли знать прибывающие гвардейцы или, по крайней мере, слышать о размере живота этого служаки. Мы решили выдать толстяка за больного. Несколько моих бойцов заменили вельмож. Выкатили бочки с вином и зельем, стали ждать. Вскоре послышался звук приближения конников.

Они подъехали к воротам. Наряженный в форму стражника боец крикнул:

— Пароль!

Командир прибывших гвардейцев ответил:

— Великому Нитупу слава!

— Не надо формальностей, — закричал Мирон через ворота. — Ждем вас, спасители наши дорогие! Нас предупредили о вашем появлении, мы вам встречу достойную подготовили.

Мост плавно опускался, цепи скрипели. Вот, наконец, конники стали въезжать в ворота.

Их командир подъехал к Мирону и спросил:

— Сильно у вас тут беднота бузит?

— Уже разогнали, недовольных в карцер посадили, — ответил Мирон. — Некоторые, из ближайших окрестностей, по лесам разбежались.

— Мы немного передохнем и выйдем ловить беглецов.

— В вашем распоряжении лучшие дома города, а для хорошего отдыха мы вам лучшее вино приготовили, — Мирон указал на бочки.

— Я тебя не знаю! Где Лисюк?

— Я — Мирон, его заместитель. А Лисюк решил сразиться сразу с двумя повстанцами, но был слегка пьян, и теперь лежит с поломанными ногами.

— Я — Черкасс. А Лисюк — идиот! Зачем знатной особе сражаться с рабами? Вот и пускай лечится толстяк!

Прибывшие гвардейцы слезали с коней, мои переодетые бойцы передали Черкассу хлеб с солью и стали раздавать кружки. Я наблюдал за происходящим из укрытия.

Мирон любезно сказал:

— Мы к вашему приезду приготовились! Хорошее вино дорожную усталость снимет. Пусть солдаты утолят жажду и отдохнут. Мы ожидали, что вас будет больше.

— Наши пехотинцы остались дожидаться армии Шогу, а мы, чтобы время не терять, к вам поспешили, — пояснил Черкасс. — Шогу идет сюда с юга, а с севера к вам, по нашим данным, движется повстанческая армия под командованием самозванца. Встретим их здесь и разобьем!

Гвардейские офицеры и солдаты жадно пили. От вина почти никто не отказался. Будь они не так вымотаны дорогой, могли бы обратить внимание на то, что вид некоторых воинов гарнизона города неуклюж, многие смотрят на прибывших с ненавистью.

Вместе с несколькими командирами и знахарем Чарли я ждал, когда гвардейцы начнут засыпать. Они отходили от бочек и активно зевали. Такую сонливость первоначально можно было принять за усталость.

Наши переодетые бойцы ждали моего приказа. Я не спешил. Пусть гвардейцы хорошенько уснут. Даже в полусонном состоянии они могут оказать сопротивление.

Командир прибывших гвардейцев тоже сильно зевал.

— Что меня тянет на боковую, — сказал он Мирону. — Надо сейчас к Лисюку зайти, а потом — в постель.

Мирон согласно кивнул:

— Я вас провожу!

Черкасс велел бойцам расквартироваться в подготовленных для них помещениях. Хитрый, с изощренным умом Мирон взял его под руку и повел по направлению к тюрьме. Ноги вельможи слабели, а Мирон заговаривал ему зубы:

— Есть данные о том, что самозванец Алексей копит войска и готовится напасть на нас в ближайшее время.

— Он уже у дурака Белого город взял. А мы подавим вонючих рабов здесь! Шогу очень силен...

Черкасс говорил заплетаящимся языком. Ноги бравого вояки начали сгибаться. А его воины в отсутствии командира стали заваливаться спать прямо у ворот.

Я осмотрелся: почти весь отряд повалился на землю. Лишь с десятков солдат неприятеля оставались стоять на ногах.

«Надо было этих дурней сразу к тюрьме проводить и возле нее опоить, чтобы возни со спящими меньше было», — с улыбкой подумал я.

Несколько человек, оставшихся боеспособными, стали волноваться. Я дал знак, и непьющих солдат быстро обезвредили дубинками.

— Разденьте их, заберите оружие, — скомандовал я. — Когда очнутся — проводите в карцер.

Чарли сказал мне:

— Они не скоро очнутся.

— Места хоть в карцере всем хватит? — спросил мой брат Александр.

— Сейчас там местный гарнизон, — напомнил Хорошук. — Но в этом городе большие подземные хранилища, их можно приспособить под карцеры. В них мы сможем разместить всех пленных.

— Оставьте здесь достаточное количество людей, когда гвардейцы начнут просыпаться, проводите их в заточение, — велел я. — Через час жду всех командиров на совет в центральной палате дворца.

Ловушка удалась на славу. Я остался доволен. Но нужно было обсудить дальнейшие планы.

— Давайте в первую очередь решим, что делать с пленными, — с таких слов я начал очередной совет.

Александр Непомнящий высказался так:

— Рабов в гвардейцы не берут, но часть солдат набрано из бедных семей. Они — не повинны в преступлениях против своего народа. Им можно предложить присоединиться к нам, некоторые согласятся.

— Разумно! — сказал я.

— У гвардейцев хорошее жалование, не все согласятся примкнуть к освободительной армии, тем более, им внушали про нас всякие гадости, — вступил в разговор Мирон.

— Тех, кто не согласится, будем держать в тюрьме или предложим их выкупить? — спросил Хорошук.

— Пленных кормить надо и сторожить, — напомнил Мирон. — Не думаю, что их начнут выкупать. Кто? Власти не будут. И тех, кто из бедных семей, вряд ли выкупать станут. Если только родственники офицеров и свободных граждан заинтересуются своими, но это слишком долго и не надежно.

— Придется брать расписки о том, что обязуются не воевать против нас и отпускать, естественно, без оружия — сказал я.

— Они могут опять усилить противника, — возразил Хорошук. — особенно офицеры.

— Что ты предлагаешь? — спросил я. — Всех их уничтожить? Головы отрубить?

— Это жестоко! — почти закричал Мирон. — Кроме того, если мы будем казнить пленных, то наш противник перестанет сдаваться, будет драться до конца.

Хорошук ответил так:

— На войне победу дает не сострадание, а решительность и стойкость духа. Если нас поймают, думаете, будут церемониться? В лучшем случае забьют палками до смерти. Или на кол посадят, а до этого уши отрежут и будут в клетках возить по городам на потеху публике.

«Вот и не воинственная цивилизация... — подумал я. — А выбор на самом деле сложный. Теперь понятно большевиков, которые сначала отпускали своих врагов, а потом красный террор устроили для защиты революции».

— Ладно, пока пускай посидят под замком, — сказал я. — Из бедноты кого-то отпустим, кого-то к себе примем. Организуйте необходимую охрану.

— На охрану бойцы потребуются, — произнес Хорошук. — А у нас страшный Шогу на подходе. Каждый человек будет на счету.

Я ответил с оптимизмом:

— Мы опять одержали громкую победу, почти бескровную. И с Шогу справимся, что-нибудь придумаем. Боги на нашей стороне, я уверен в успехе, даже если отпустим всех гвардейцев. Но пока этого делать не надо. Сейчас у нас каждая минута на счету. Будем готовить Шогу незабываемую встречу.

— Верно! — сказал Мирон. — Не стоит пока терять время на обсуждение судьбы пленных. Оставьте людей, чтобы их сторожить, и давайте устроим бойцам Шогу западни и засады на подступах к крепости. Если им все же удастся взять крепость в осаду, тогда можно

будет предлагать пленных за выкуп. Хотя, я думаю, Шогу пойдет на штурм крепости. У них пока превосходство в живой силе.

— Враг, скорее всего, будет нас жестко прессовать! Бунт позорит правящие классы и его, естественно, постараются быстрее задавить, — сказал Александр Непомнящий.

Мирон ответил так:

— Тем лучше, измотаем основные силы врага здесь. В дальнейшем будет легче.

— Весть о нашем бунте и появление на политической арене Алексея Освободителя спугала все планы нынешнего режима, — сказал Мирон — Но Нитуп надеется поправить положение. Сейчас он вынужден поставить все на кон, бросить все резервы на наше подавление.

— Сразу на нас все силы не бросят, — высказал свое мнение Хорошук.

— В любом случае, надо решить, что делать прямо сейчас, — сказал я.

— Для нас главное — не проиграть эту решающую битву, чтобы народ не впал в отчаяние, — сказал Мирон. — Даже одно наше поражение может привести к тому, что беднота отвернется от нас.

Я это понимал и чувствовал некоторое волнение: решалась судьба восстания и моя собственная. Но я стал верить в теорию судьбы: раз мы заброшены сюда богами, чтобы свершить революцию, они опять должны помочь нам! И эта вера внушала оптимизм и успокаивала.

Про влияние богов еще раз говорить не стал, но ответил Мирону так:

— К сожалению, ты прав. Важно разгромить врагов, сломить противника в первую очередь морально.

— У нас нет превосходства в живой силе и вооружениях, — сказал Мирон. — Местная беднота нас поддержит, но этого мало. В открытом бою нашей слабо обученной армии не устоять.

Решил возразить:

— Я не согласен. Наши мужики готовы умереть, сражаясь с ненавистным режимом.

— Почетно, конечно, отдать жизнь за свободу и Родину, но лучше ради этого жить! — ответил Мирон.

Хорошук попытался сказать:

— Мы можем укрыться в крепости и ...

— За стенами повстанцев ждет медленная голодная смерть, если враг возьмет в плотную блокаду крепость, — перебил Хорошука Мирон.

— Шогу — амбициозный полководец, гордость не позволит ему долгое время сидеть без боя, держа в блокаде крепость, он обязательно пойдет на штурм, — высказал свое мнение Александр Непомнящий.

— Шогу нужно обмануть и нанести ему максимальный урон при подходе к городу, а затем добить при штурме ими крепости, — сказал я. — Для этого следует разработать хитрый план.

— Ты отличный стратег и выдумщик, — похвалил меня Александр. — Что предлагаешь?

— Осилить армию Шогу нам вполне по силам. Предлагаю устроить мощную засаду, сразу же дать бой, а затем спровоцировать неприятеля на штурм крепости.

Присутствующие согласились. И я продолжил:

— Против нас собрали большие силы, теперь наш шанс состоит в том, чтобы бить их

поэтапно Прежде всего устроим им засаду в овраге. Там истребим авангард войска, подорвем боевой дух, после чего засадный полк вернется в крепость. В случае штурма будем сбрасывать на врага камни, горшки с зажженной смолой и маслом. Противник не должен использовать свой численный перевес, а когда он понесет большие потери и будет деморализован, мы нанесем ответный удар.

— Неплохой план! — сказал Александр Непомнящий.

— Для нас будет очень важно с самого начала уничтожить как можно больше врагов и не дать им сходу прорваться к крепости. Поэтому лучшие воины под моим командованием расположатся в засадном полку. А затем устроим Шогу своего рода Сталинград.

Кроме моего брата Александра никто ничего не знал о Сталинграде, но лишних вопросов мне задавать не стали. Только Мирон сказал:

— Предстоит нешуточная битва. У нас поменьше бойцов и почти половина приходится на мужицкое ополчение с косами, вилами, Рогатинами. Надежда на боевой дух...

— Мужиков с рогатинами и вилами можно грамотно использовать в ближнем бою, — ответил я. — Сейчас войско будет эффективнее управляться с помощью сигнальных флажков. А в ближнем бою дополнительно используем нововведения: стрельбу из трубок с иглами и диски, которые делают нам кузнецы.

— Да, надо проконтролировать, чтобы все приготовили к встрече с Шогу, — сказал Мирон. — Хорошие все же мужики на Руси! И страшные! Даже косой наводят ужас на неприятеля. И Боги любят русского мужика!

Я кивнул головой и сказал:

— Немедленно всех свободных людей отправим на рытье ямы, совмещенной с оврагом, разборку моста и маскировку. Будем ждать неприятеля в лесу возле оврага. Там дадим первый бой и вернемся в крепость.

Александр Непомнящий согласился:

— Правильно, пока время у нас немного есть, будем готовиться.

Я предложил подрядить молодых бойцов к стрельцам, чтобы во время боя заряжали мушкеты. Дело не хитрое, справятся. Важно стрелять как можно чаще. Ведь часть всадников может прорваться через колья, которые установят в овраге.

Меня поддержали.

— Еще пусть приготовят «гостинцы» на случай штурма, — высказал я очередное предложение. — Можно разбить несколько сотен старых чугунков и приготовить подобие картечи.

Пока картечь еще не пришла здесь в войска. Пришлось объяснить, что это такое. Если лупить ей в упор — ущерб нанесет солидный. Кроме того, у нас были горшки с маслом, я предложил приделать к ним фитили, чтобы получилось «огненное» оружие.

Мои предложения одобрили.

— Только маловато таких зарядов получится приготовить Александр.

— Бочки со смолой и кипятком не помешают, — дополнил список «гостинцев» Мирон.

Как только совещание закончили, я распорядился немедленно приступить к рытью волчьей ямы у оврага. По расчетам бой мог начаться на следующий день после полудни. К этому времени уставшее после перехода войско Шогу как раз должно подойти к нашим позициям.

Военачальники лично контролировали работу. Мы серьезно готовились к атаке неприятеля. Ставили рогатины, колья, осколки серпов в замаскированный овраг и вырытую

яму.

Маскировались с особой тщательностью. Я знал из истории Второй мировой войны, что лучше всего при маскировке подбирать цвета под раскраску крыльев бабочки. Тогда достигается максимальный эффект незримости. Конечно, и это пришлось объяснять солдатам. Они быстро смекнули, что значит копировать бабочек, собирали опавшие ветви, вырывали и укладывали траву, маскировали яму, овраг и сидящих в засаде бойцов.

Я выставил дозоры из надежных людей, чтобы они контролировали ситуацию и смотрели за тем, чтобы ни один человек не переметнулся к неприятелю и не предупредил о засаде. На резвом коне отправил разведчика, который должен был предупредить о приближении войска Шогу.

Мы успели замаскироваться и подготовиться к обороне. Засадный полк встал в лесу за большим оврагом и волчьей ямой.

Вскоре прискакал разведчик и доложил, что войско движется в нашем направлении. Большое, хорошо вооруженное.

— Они изрядно вымотаны тяжелым переходом, — сказал я Александру Непомнящему. — Лишь бы дошли сюда, не встали раньше на привал.

— Думаю, планируют встать в пределах видимости крепости, — ответил брат. — Так что ждем!

До боя время тянется медленно. Считаешь секунды: когда же все начнется?

Вот, наконец, я увидел, как вздымается в небо пыль от приближающейся армии. Вскоре появились первые кавалеристы. Они двигались медленным шагом, везли знамена. За кавалерией шла пехота.

Я наблюдал за движением врага в подобие подзорной трубы, которую конфисковали во владениях бывшего новгородского градоначальника. Пехотинцы топали тяжело, хмуро чеканя шаг. Колонны оказались не стройные — переход длительный, некоторые из солдат хромали. Они проделали длинный путь, и сейчас, похоже, мечтали только об отдыхе.

И тут я рассчитал верно, войско Шогу должно вступить в первый бой сильно уставшим.

— Лиха беда начало, — сказал я сам себе. — Военные приключения продолжаются!

Подготовленный нами якобы конный разъезд повстанцев сделал вид, что нарвался на бойцов войска Шогу, сильно испугался и во всю прыть рванул наутек. Мои всадники поскакали напрямик к засаде. Знатный военачальник Шогу зычно что-то проорал. Его кавалеристы ринулись за нашими, пехотинцы ускорили шаг.

Наши ребята проскочили по узенькому замаскированному мостику через овраг. Мостик обрушился, и красавец-скакун вместе с первым вражеским всадником полетел в углубление. За ним сразу упал второй, третий, четвертый...

Лошади завалились на острые колья и серпы, выплескивая из тела фонтанчики багровой крови.

Сражение началось по запланированному сценарию: конники помчались вперед, но нарвались на замаскированный и углубленный овраг с врытыми внизу заточенными кольями и другими поражающими элементами. Всадники падали, а вслед за ними скакали другие. Задние напирали на передних, сталкивая их в овраг, который наполнялся окровавленными бойцами и перепуганными, в основном тяжело ранеными лошадьми. Некоторые копошились и пытались выбраться, но на них падали новые всадники. Стоны, вопли, грохот, растущий курган кровавых тел.

Тех, кому удалось все же перебраться через трупы и преодолеть препятствие, стрельцы

из засады встречали убийственным огнем из мушкетов и луков. Стрелы вонзались в незащищенные части тел бойцов неприятеля.

Многочисленная кавалерия Шогу несла огромные потери. Но горячий и гордый полководец далеко не сразу отдал приказ остановиться и перегруппироваться. Только когда ров был почти полностью завален телами, напор неприятеля ослаб.

Я находился в засадном полку и руководил операцией. Мы нанесли врагу существенный урон и быстро вернулись в крепость: не стали ждать, когда Шогу поймет, в чем дело и обойдет овраг и волчью яму.

После того, как погибла значительная часть кавалерии, войско неприятеля сникло. Противник оказался весьма хитрым. Не очень-то хотелось сразу идти на штурм крепости, в которой скрылся засадный полк. Это новые потери.

Шогу решил осмотреться, он считал себя непревзойденным полководцем, хотя ранее проводил только учения, а реальных боевых действий не вел, занимался лишь разгоном протестных митингов. Военачальник должен был как можно скорее вернуться к другу Нитупу с победой. Однако «раздавить» повстанцев сходу не получилось, а потеря кавалерии спугала карты. И Шогу теперь задумался: не устроить ли блокаду крепости и попросить у Нитупа еще подкрепление.

Хотя войско неприятеля все еще немного превосходило численностью защитников крепости, был отличный шанс не только устоять, но и нанести противнику сокрушительный удар.

Чтобы не попасть в длительную блокаду, я решил спровоцировать Шогу на штурм. Несколько добровольцев поочередно спустились со стен крепости на самодельных веревках и сделали вид, что бегут из города. Такие действия создали у Шогу иллюзию, что обороняющиеся боятся штурма и пытаются вырваться из обреченной крепости.

Полководец решился на штурм, он не знал об истинном количестве ожидающих его повстанцев и о приготовленных ими «гостинцах».

Большая часть освободительной армии — мужицкое ополчение с косами и вилами. Но с ними сам Алексей Освободитель, чья слава уже гремела по Руси! Простые крестьяне и бывшие рабы были готовы умереть за свободу.

Я обратился к ополченцам с краткой, но зажигательной речью. Напомнил, что нас поддерживают боги, все предыдущие бои мы выиграли. И будем выигрывать во имя справедливости и истинной веры!

Взволнованная патриотическая речь, как обычно, произвела впечатление на повстанцев.

Мы были готовы к штурму. И не ошиблись в своих ожиданиях. После дневной осады Шогу приказал идти на стремительный ночной приступ. Речь шла о его престиже. Забили барабаны, зазвучали мощные горны.

В начале штурма в ход пошли многочисленные лестницы и крючки. Вояки хотели в темноте забраться на стены крепости в нескольких местах одновременно. Но погода благоприятствовала обороняющимся. Как только люди Шогу пошли на штурм, легкий дождик прекратился, а из-за туч вышла яркая луна. Похоже, я не ошибся, боги опять симпатизировали нам! И это придало уверенности и мне, и моим бойцам.

Дежурные стрельцы находились на стене, они встретили противника легкой разминкой: меткими выстрелами со стены из луков. Стрелы сверху пробивали головы и незащищенные места пехотинцев. Большинство солдат не имели доспехов, они лезли налегке.

У мужиков из ополчения получалось рогатинами сталкивать некоторые лестницы с

идущими на штурм солдатами, которые с воплем попадали на землю.

Не смотря на потери, штурмующих воинов становилось все больше. Когда они стали приближаться, я спокойно приказал находившимся в разных местах стены мужикам:

— Подождите смесь смолы, угольной пыли и масла, лейте им на головы — пусть загорятся.

Все было подготовлено заранее и поднято на стену. Жгучая смесь, вылитая из бочек, произвела эффект. Атакующие загорались живьем. Передние попятились назад, они натыкались на лезущих вслед за ними солдат. И все вместе падали с лестниц.

Длины у некоторых лестниц, заранее приготовленных солдатами Шогу, не хватало для того, чтобы достигнуть вершины стены. Высота у крепости изрядная. Но те немногие, кто смог все же залезть на стену по приказу командующего правительственного войска, были встречены острыми топорами, копьями, косами: ополченцы-мужики контролировали каждый метр стены.

Однако воины Шогу, несмотря на громадные потери, все лезли и лезли. Сверху на них продолжали литься расплавленная смола и крутой кипяток. Ошпаренные солдаты по-прежнему оглушительно и испугано орали. Их сбивали копьями, в них почти в упор палили из мушкетов и луков.

Когда бойцам неприятеля все же удалось в одном месте компактно прорваться на стену, по ним ударили струями из огнеметов. Пламя слепило, жгучие потоки огня испепеляли, обожженные воины пятились назад и падали на землю.

Вспыхнувший в месте прорыва пожар жестоко опалил наступавших воителей. На стене солдаты неприятеля не могли развернуться и навалиться скопом. Один из них попробовал увлечь остальных, пошел в атаку, но был пробит сразу тремя копьями.

Защищающиеся бойцы освободительной армии применили и приспособление типа маятника с очень острыми тонкими шипами. Оно кружилось, подрубая ноги солдатам армии Шогу.

В числе обороняющихся выделялся своими габаритами Валуй. Он орудовал секирой. Делал размах, и противники, запыхавшиеся от подъема по высокой лестнице и вымотанные длительным переходом, не успевали отбиваться.

Бой продолжался, прорыв ликвидировали, солдаты Нитупа отступили, попытались спуститься с лестниц. Но Шагу приказывал лезть на приступ. Знатному полководцу, одному из самых авторитетных людей страны, не пристало отступать перед дерзкими повстанцами.

Однако его воины взбирались слишком медленно и не могли прорвать хорошо подготовленную линию обороны крепости. Повстанцы продолжали поливать штурмующих смолой и кипятком, которые были заготовлены в больших количествах. Солдаты Шогу выли, снова пробовали спуститься с лестниц, но на них продолжали давить напирание снизу.

— Повстанцы слишком хорошо сражаются! — кричали одни. — Дайте уйти.

— Нам устроят, там погибель! — орали другие.

— Это не сброд, а неслыханный противник! — утверждали третьи.

— Их Бог оказался сильнее всех наших вместе взятых! — добавляли четвертые.

— Атакуйте! — продолжали по-прежнему приказывать командиры. — Лезьте быстрее!

Сдерите с них кожу.

Повинуясь приказам и видя, что жгучая смесь и кипяток заканчиваются, воины карабкались наверх, но на стене были встречены дружным ударом копей. Десятки проткнутых солдат полетели на землю. Затем мужики принялись в изобилии метать камни и

выпускать из трубок заранее приготовленные отравленные иглы.

Трупов было множество, они оказались разбросаны почти сплошным ковром под стенами крепости. Все чаще слышались отказы так бездарно умирать.

Шогу был в сильном волнении. Его люди гибли, но не могли взобраться на стены и прорвать даже первую линию обороны. Солдаты правительственного войска оказались заложниками хорошо укрепленного города и его мужественных защитников, не желающих покориться законной, как считал Шогу, власти. Солдат расстреливали в упор. Даже небольшие арбалеты, что использовали повстанцы, превратились в эффективное оружие. Вымоченные в навозе или яде стрелы наносили смертельные раны. Штурм по приказу командующего оказался не состоятельным. Не удалось прорвать оборону ни в одном месте, войско несли огромные потери.

Только когда наступление выдохлось окончательно, Шогу, наконец, понял, что его ряды быстро редеют и он рискует остаться без армии. Полководец скомандовал:

— Трубить отбой штурма!

Загудели трубы, сменили тембр барабаны. Воины отхлынули от высоченных и широченных стен крепости. Воля восставших опять оказалась несокрушимой.

Понятное дело, Шогу переживал. Его лично напутствовал сам великий Нитуп, который надеялся без серьезных проблем покончить с повстанческой армией, которая уже захватила пару крупных городов и установила в них враждебную олигархическому режиму власть. Лучшие силы были брошены на подавление самозванца, коим провозгласили меня. Шогу не желал вернуться в Москву с позором, хотя войско у него сильно поредело.

Полководцу нужно было принимать решение. Шогу считал, что овладеть цитаделью можно, имея штурмовые приспособления и существенный перевес в силах. Лестниц они привезли достаточно, но оказалось, что большого перевеса в живой силе у него нет, а повстанцы прекрасно подготовились к встрече правительственного войска. Так называемый самозванец переиграл его, министра обороны в правительстве Нитупа. Взял хитростью и смекалкой.

Длительную осаду крепости руководители страны и те, кто привел их к власти, не поняли бы и не простили бы Шогу. Необходимо было расправиться с недооцененным противником как можно быстрее. Но как?

Войско Шогу отошло от стен крепости «зализывать раны», но окружило нас кольцом блокады.

Я собрал очередной совет, на котором предположил, что Шогу может отказаться от нового штурма крепости, но долгое время будет сохранять блокаду или вовсе уйдет назад, в Москву.

Мирон не согласился со мной:

— Он не уйдет без сражения. По сути, это будет бегство после провала операции. Да и Шогу, как и Нитуп, лишь марионетка в руках олигархов, они не простят Шогу позора. В ближайшее время правительственная армия нас атаковать не решится и ночью больше на штурм не пойдет. Они станут лагерем и будут ждать подходящий момент, чтобы нанести нам удар или ждать момента, когда у нас закончится продовольствие, люди начнут умирать и сдаваться.

— Сидеть без боя у стен крепости для Шогу будет мукой, — сказал Александр Непомнящий. — Не таков характер у Шогу, чтобы выжидать долгое время,

Я ответил так:

— Боевой дух правительственного войска сильно подорван в ходе ночного штурма, их войско сильно поредело из-за больших потерь. Но Шогу должен ловить свой шанс. На то он и полководец. Понятно, что, получив такой урон, его бойцы не хотят еще одного штурма. Но Шогу нужно спровоцировать. У меня есть план. Нужно завлечь вражескую кавалерию, а за ней и пехоту в ловушку, разгромить противника и на волне успеха идти на Москву.

— Но как завлечь Шогу в ловушку? — спросил Хорошук.

— Будем совершать ночные вылазки, убедим Шогу в том, что в городе начались болезни и зреет бунт горожан против повстанцев, — ответил я.

Так и поступили. Посланные мной люди сказались изменниками и утверждали «поймавшим» их бойцам, что дела у повстанцев плохи, в карцере бунтуют заключенные, а местные жители готовы впустить войско Шогу в крепость, только ждут подходящего момента.

В обстановке разумной секретности я подготовил новую операцию. Когда настало время, привел освободительную армию в боевую готовность, но неожиданно для непосвященных скомандовал:

— Открыть ворота! Кричать: «Измена!»

О предстоящей операции знали только проверенные люди. Начальник караула, дежурившего у ворот, понятия не имел о моих планах. Он растерялся:

— Освободитель, как же так...

Я жестко повторил:

— Открывай ворота!

Мужчина колебался, чтобы покончить с сомнениями преданных делу революции бойцов, я мягко добавил:

— Вы же меня знаете! Разве я похож на предателя? Так надо. Мы подготовили врагу шикарный прием! Открывайте ворота и громко кричите.

Охрана выполнила приказ. Под крики «Измена!» в открытые ворота крепости, как и ожидалось, рванули остатки кавалерии армии Шогу, за конниками устремились пехотинцы.

Правда, как оказалось потом, у Шогу имелся в резерве конный батальон, который он использовал чуть позже.

Когда конница въехала в ворота, загорелись обложенные соломой деревянные постройки, а мои люди стали кидать в неприятельских всадников с крыш каменных домов горшки со смолой и огненной смесью.

Жуткое зрелище! Смешались вместе кони, люди. Множество скакунов неприятеля задыхались в дыму и горели вместе со своими всадниками. А стрельцы повстанческой армии осыпали их мушкетными выстрелами.

В бой вступала проникшая через не закрытые ворота пехота Шогу. На неприятеля бесстрашно устремились мужики. Солдат брали на рогатины. А один рыжебородый крестьянин-здоровяк так ударил огромной дубиной гвардейца, что у того аж голова треснула, мозги брызнули на землю. Богатырь от сохи опять с такой же яростью ударил по голове воина, присланного усмирять народный бунт.

Первая линия нашей обороны оказалась относительно успешной, хотя без потерь не обошлось. Вот с разрубленной головой падает рослый стрелец, его соседу распорол саблей живот, рыжебородому крестьянину с огромной дубиной отсекли руку.

Но неприятель намного быстрее терял людей. Воины освободительной армии дрались умело. Я командовал боем. И был горд собой! Не каждому суждено встать во главе армии, да еще одержать ряд славных побед! Сомнений, в том, что и на сей раз все получится, как задумывали, не было никаких. Видно, не зря Боги выбрали именно меня для революции в параллельном мире. Подобные военные подвиги сложно было бы совершить моему брату без меня, хотя и он — незаурядный человек.

Меж тем генерал Лавр, заместитель и друг Шогу, командуя своими воинами, въехал в ворота крепости. Здесь его уже ждали. Пара стрельцов-снайперов практически одновременно попали в знатного генерала. Он упал с коня, чтобы больше никогда не подняться. Умер быстро и не так мучительно, как тысячи его воинов, сторевших заживо, подстреленных стрельцами или посаженных на вилы мужиками в пекле и давке кровавой битвы.

Русские мужики в своей ярости беспощадны, они пострадали от режима и не щадили его защитников, даже тех, кто поднимал руки вверх и падал на колени.

На этот раз я не препятствовал расправам. У меня не было больше резона обременять себя пленниками. Мое человеколюбие кончилось, хотелось быстрее добить это войско и идти на Москву.

Война ожесточает. Нет, лично я не убивал безоружных и тех, кто пытался сдаться в плен. Но сейчас это делали за меня другие. Уничтожали противника, выполняя приказ не брать пленных. Мой приказ. И от этого было противно на душе. Но куда девать пленных? Чем их кормить? Тюрьмы и так переполнены. Продовольствия в городе не хватает. Но отпустить бывших защитников режима на волю — то же не вариант. Они ведь враги, среди них много убежденных в величии Нитупа гвардейцев, которые могут опять воевать против нас, смести после нашего ухода лояльную нам новую власть города Новгорода.

Я сомневался: может, все-таки зря отдал такой приказ? Но убеждал себя в том, что войн без уничтожения не бывает, что отданный приказ не брать пленных — всего лишь необходимость в создавшихся условиях, больше такой жестокости не будет. Однако мерзкое настроение не могли скрасить даже успешный ход боя и появившаяся на командном пункте рядом со мной Аленка. Ей тоже мой приказ и бойня были не по душе. Но девушка

попыталась успокоить меня:

— Не переживай! Человек рождается для того, чтобы умереть. Боги посылают людей на Землю для исправления. У нас после смерти остается бессмертная душа, мы избавляемся от темницы собственного тела и уходим в лучший мир.

Я уже слышал эту принятую здесь религиозную теорию, в нее продолжали верить мои бойцы, но теперь, глядя на Аленку, искренне ответил ей:

— Твое тело больше похоже на дворец, чем на темницу! Ты радуешь людей своей красотой, тебе не нужно умирать до глубокой старости.

Девушка задумчиво сказала:

— Да, моя красота — она пока со мной. Но когда я буду старой, красота увянет, мой облезший и обрюзгший дворец тела станет отвратительным. Старость хуже смерти, она уродует людей, а ты помогаешь воинам уходить в лучший мир молодыми.

Меня речь красавицы успокоила не сильно. Бой все больше походил на истребление, я даже стал жалеть, что Шогу оказался простаком по моим понятиям.

Хотя атака неприятеля явно захлебывалась, они не смогли прорвать даже первую линию обороны, однако отступить для правительственного войска означало проиграть повстанцам не только это сражение, но и в перспективе всю войну, а биться до последнего — погибнуть в бою, но иметь хоть какой-то шанс.

Я был готов в любой момент отдать приказ перейти в атаку. Не хотел долго держать в засаде лучшую свою дивизию. Но всему свое время!

Вспомнилась история родного мира. Куликовская битва. Тогда превосходящие силы татар будто бы уже одолевали русских, но в засаде находилась лучшая треть нашего войска. Эти воины мощным ударом в тыл решили исход той легендарной битвы. Древняя тактика, часто приносившая успех. Я планировал совершить что-то подобное.

А вот Шогу вообще не следовало назначать командовать войском. Тактик никакой! Воинов было не меньше, чем у нас, в коннице перевес, а все у него идет на убыль.

Я хладнокровно выжидал, когда неприятель окончательно выдохнется. Мои бойцы продолжали успешно бить воинов Шогу. И не было смысла пока торопить события.

Я уже предчувствовал победу, собираясь покончить с заносчивым соперником в самый удобный для себя момент. Был уверен, что Шогу попытается изменить ход сражения и не остановится, пока не перебьет всех своих солдат. И он бросил в бой последний резерв — элитный конный батальон. Нарядная конница вошла в ворота и попала в место соприкосновения повстанческой армии с разбитыми пехотными полками войска Шогу. Командующий правительственными силами находился позади своих бойцов. Он отчаянно ревел:

— Принесите мне победу! Любой ценой!

Но что толку — крик командира при последнем издыхании армии? Тем более, военные боги в очередной раз были на стороне повстанцев.

Конный батальон также оказался обречен бездарно умереть в отчаянной бойне.

Поначалу лошади испугано шарахались, пытаясь перескочить через горы кровавых тел возле ворот крепости. Их гнали вперед. Но и дальше кавалеристов ожидал сюрприз: во второй линии обороны вырытый, замаскированный и укрытый сверху ветвями ров с остро заточенными копьями. За рвом — шеренга стрельцов.

До второй линии обороны не сумели добраться их предшественники, и сейчас узкое пространство внутри крепости возле рва не дало элитным конникам возможности

развернуться и объехать ловушку. А наши стрельцы были готовы к бою. Когда кавалеристы оказались на расстоянии выстрела, по ним ударили мощными залпами.

Я успел скомандовать:

— Бесперывный огонь!

Тех редких всадников, которые все же умудрялись прорваться сквозь ров и огневой заслон, встречали ударами длинных копий, рогатин и кос мужики народного ополчения. Представители простонародья вновь бились отчаянно, хотя и сами несли потери. Но враг остановлен! Кавалеристам прорваться в центр города не удавалось.

Стрелы летели, наши мушкеты стреляли, враги гибли...

Цунами войска режима ушастых разбился о скалы обороны героической повстанческой армии. И не было никаких шансов у Шогу взять Новгород.

Я рвался помахать мечом, но сдерживал себя, однако, когда увидел прорвавшегося командира кавалеристов, не выдержал, выбежал из укрытия, вскочил в седло своего любимого коня и бросился на встречу упитанному господину.

Он принял бой. Взмах сабли неприятеля, я увернулся, сократил расстояние и вонзил свой меч в уязвимое место между шеей и массивными наплечниками офицера. Тяжелый воин с грохотом повалился на землю.

Гибель командира внесла еще больше растерянности в ряды конников. Попавшая под смертоносные залпы и потерявшая командира кавалерия противника повернула назад, врезалась и смешалась с остатками пехоты правительственного войска, которое все еще гнал вперед Шогу.

Но и пехотинцы, вслед за остатками кавалерии, бросились бежать из крепости.

Похоже, момент настал, я приказал:

— Атакуем противника!

Теперь уже повстанцы устремились за неприятелем. Слово тигры за раненым кабаном, мои ребята кинулись преследовать вражеских бойцов, которые отчаянно пытались скрыться. Наши воины были неумолимы. Удирающих защитников режима Нитупа рубили, кромсали. Жестоко, но это — азарт охоты. Война оправдывает подобное поведение.

Я скакал на своем боевом коне и командовал:

— За свободу и равенство! Добиваем врагов! Пешие бьют пехотинцев, кавалеристы догоняют и уничтожают кавалерию.

Войско Шогу окончательно утратило боевую готовность. Лишь некоторые отдельные отряды еще сражались. В одном месте возле холма несколько десятков всадников сбились в кучу и отчаянно рубились с нашими кавалеристами. Я вступать не стал. В суматохе боя вспомнил о Шогу. Надо бы пленить бездарного полководца.

Он понял, что бой проигран, и решил бежать с несколькими кавалеристами вернувшегося с позором элитного батальона и своей охраной.

Я увидел удирающего Шогу и бросился за его отрядом. Но на дороге, ведущей из Новгорода на юг, меня атаковал неприятельский пеший офицер с мушкетом. Он пальнул практический в упор и прострелил мне ногу. Я слетел с коня, в ярости дал офицеру кулаком по виску и, когда тот упал, добил ударом меча. Тут же сцепился с еще одним бойцом, оказавшимся на пути бегства Шогу. Ранение отражалось сильнейшей болью и мешало мне двигаться, что давало неприятелю весомую фору.

Если бы он принял на вооружение тактику обороны и встречных выпадов, у него был бы шанс. Но боец бросился на, казалось, раненого калеку в надежде срубить меня мечом. Я с

трусом ушел от взмаха, но успел достать атакующего своим мечом ниже подбородка. Противник охнул, получив скользящее неглубокое рассечение аорты. Но все же умудрился ударить меня по груди кулаком в железной перчатке. Удар опрокинул на спину, громила подскочил и едва не пригвоздил меня мечом к земле, я чудом успел повернуться на бок. Лезвие, правда, чуть царапнуло по телу, но зато в ответ острие моего меча попало в лицо врага, наклонившегося в результате его движения.

Боец в предсмертной судороге успел опять двинуть стальным кулаком меня в бок, затем повалился на землю и затих.

Я приподнялся, ощущая сильное головокружение от потери крови и балансируя на одной ноге. Конь мой в страхе убежал, но навстречу спешили наши кавалеристы.

— Алексей, ты ранен?! — спросил один из них.

— Ничего, не страшно, — ответил я. — Как там дела?

— Добиваем гадов.

— Последний бой, он трудный самый! — устало сказал я. — Жаль только, что Шогу ушел. Теперь не догнать его будет уже...

Еще несколько минут заключительной рубки и наступила непривычная тишина. Те, кто не был добит, стояли на коленях и просили пощады. Их больше не добивали.

Новая громкая победа! Крупнейшее сражение, которое войдет в историю параллельного мира как ключевая битва гражданской войны, закончившаяся безоговорочной победой революционной армии Алексея Освободителя.

Но пока меня шатало от ран. Пришлось идти, опираясь об услужливо протянутое воином копьё. Подогнали коня, помогли сесть в седло, раненый, я вернулся в крепость Новгорода. И сразу потерял сознание. Не помню, как добрался до кровати.

Долго ли я находился в бессознательном небытии, сказать не могу. Когда очнулся, вернулась боль. Казалось, меня разобрали по частям. Голова гуляет само по себе, а конечности оторваны, по ним ползают противные букашки, они волокут левую ногу вправо, а правую крутят по спирали.

Открыть глаза оказалось не самым легким делом: ресницы прочно слиплись. Во рту очень сухо и пылает, словно от перца.

Я ранен в ногу и бок, получил легкий ожог лица, обуглились и мои красивые волосы, довольно длинные с волнами канареечного руна. Волосы были пышные, словно у девушки. Сейчас же шевелюра из светло-золотистой стала серой, укороченной. Хорошо еще, что корни волос не пострадали. Но я даже не помнил, где получил ожог.

Ничего страшного, главное — я жив. А раны — пустяки. Когда способен управлять как армией, так и своим телом, от чего угодно сможешь восстановиться.

Я осмотрел свою ногу: рана не глубокая, скоро пройдет. А на боку вообще царапина, затягивается уже. Только голова сильно кружится от потери крови.

Во всяком случае, пока можно передохнуть, отлежаться. В целом два месяца моего пребывания в новом мире прошли очень плодотворно: одержан ряд громких побед, в том числе и сейчас ключевая в нашей освободительной борьбе.

Боги поддерживали меня. Я больше не сомневался, что меня направили сюда с целью изменить ход истории. Но почему боги допустили это ранение? Ведь я вполне мог бы и не столкнуться с тем офицером. Может, это предупреждение? Только какое? Чтобы больше не рисковал? Или не отдавал приказы об уничтожении врагов? Они ведь то же люди. Может, это наказание мне за жестокость.

Битва закончена. Сейчас надо собрать оружие, осмотреть захваченную казну, подсчитать пленных. И других дел хватит. Впрочем, без меня пока могут обойтись. Вон Аленка уже пришла. Поможет залечивать раны.

Но девушка хороша! Откуда она узнала о моем ранении? Бойцы сказали? Обсуждают, наверное, может ли быть ранен посланник богов.

Аленка попросила молчать, очень бережно, почти не причиняя боли, смазала мне все раны. А я вдруг ощутил, несмотря на ранения, легкую влюбленность. Можно было бы все-таки пообщаться, но пришел знахарь, дал выпить ложку какого-то исцеляющего зелья, сладкой прозрачной жидкости, и я провалился в сон.

Когда опять пришел в себя, велел созвать совет.

Мирон, опытный командир прежде первого полка, ставшего теперь дивизией, докладывал:

— Следующим ключевым городом является Старая Русса, обеспечивающая контроль над местными каменоломнями и рудниками. Потом из крупных городов только Тверь, за ней — Москва. Можно и Тулу взять. Это важный оружейный центр страны. Но она — в стороне от нашего движения к Москве. Ближе всего к нам сейчас Русса, нужно идти туда.

Я кивнул. Семен, исполняющий обязанности командира второй дивизии вместо раненого Грома, сказал:

— Существенно то, что в Руссе находятся две крупные школы гвардейцев. То есть, довольно много прекрасно обученных бойцов. Это не то, что наши мужики с вилами и дубинами.

— После такой сокрушительной победы мы сможем дать бой любым гвардейцам, — сказал я. — У них упадочное настроение после вести о разгроме армии Шогу.

— Точно! — согласился Александр Непомнящий. — Надо идти на Руссу.

— Я согласен — ответил Семен. — Предупреждаю только о том, что в городе много стражи и гвардейцев, он хорошо укреплен, а у нас не получится проникнуть обманом через ворота в крепость, как ранее. Так что штурм города не будет легкой прогулкой.

— Зато у крепости города нет рва! — сказал Хорошук. — И стены не такие высокие, как в Новгороде. И карцер, то есть тюрьма, как выражается наш предводитель Алексей, очень большой. Туда свозят невольников со всей округи, каменоломен, рудников. Губерния богата ими, как и рабами, которых за плохой труд отправляют в карцер Старой Руссы.

— С помощью особых приспособлений мы заберемся ночью на стену крепости, проникнем к воротам и откроем их, — сказал я. — Возражений нет?

— Мы не против! — ответили командиры. — Идем на Руссу.

Хорошук добавил:

— По пути заглянем на рудник и каменоломни. Многие рабы после устранения охраны присоединятся к нам. И освобождение карцера в Руссе даст неплохое пополнение.

— У нас и так большой перевес в живой силе по сравнению с гвардейцами Руссы, — сказал Мирон. — После разгрома Шогу им неоткуда ждать подкрепления, но для дальнейших походов новые люди не будут у нас лишними.

Короче говоря, план был утвержден. Освободительная армия оставила Новгород. Перед этим выбрали главу городского собрания. Им стал обычный кузнец Смирнов, весьма уважаемый в городе рабочий.

Наша армия двигались осторожно, не устаивая грабежей и поджогов богатых поместий в относительно густонаселенной местности. Хотя соблазн у некоторых бойцов был. Но я дал строгий приказ не ввязываться. Читал когда-то книгу, как в свое время оказались скомпрометированы поначалу непобедимые легионы Спартака. Возможно, это случилось потому, что хитрые римские правители засылали в повстанческую армию множество мародеров и провокаторов. У нас не должно было быть никакого мародерства. Тех, кого не устраивала дисциплина, без особых уговоров изгоняли из освободительной армии.

По пути заглянули на рудники. Возле них произошли незначительные стычки со стражей и надсмотрщиками. Большая часть из них при виде повстанческой армии практически сразу бросились бежать. Преследовать не стали. Объявили рабам, что они свободны и предложили присоединиться к нам. Многие согласились, пополнив ряды многочисленного освободительного войска. В некоторых хуторах к нам присоединились вольные пастухи и разорившиеся крестьяне.

Практически без боя овладели небольшим городишком Окуловка, где среди горожан нашлось немало наших сторонников. Быстро установили братскую власть, зачислили в армию местных новобранцев и двинулись дальше к древнему городу Старая Русса с его довольно мощными укреплениями.

По пути наскочили на правительственный гвардейский отряд. Пара сотен пеших человек — не сложное испытание для большой армии. Я был даже рад потренировать своих бойцов. Вперед послал новичков с дубинами. Они попали под удар дубинок профессиональных усмирителей бунтов и стали отступать, хотя некоторые из моих новобранцев проявили незаурядное мужество. Мощный удар наших проверенных подразделений в тыл и во фланги противника без проблем ликвидировал гвардейский отряд.

В этом локальном сражении я не участвовал: берегся после ранения, хотя, вроде, оправился от травм. Рана на ноге затянулась и больше не беспокоила, а о порезе я даже не вспоминал.

В целом, был доволен. Армия пополняется, боевой дух на высоте. Победа в Новгороде еще больше вдохновила бойцов. Появилась уверенность в непобедимости, у некоторых солдат изменилась даже осанка. Бойцы стали казаться сами себе сильнее, выше ростом, шире в плечах.

Когда подошли к Старой Руссе, встали в лесу, выслали разведку. На штурм решили сразу не идти, прежде устроили военный совет.

— Ну вот! — с улыбкой начал я заседание командиров. — Снова у нас есть повод проявить свою смекалку. Перед нами — твердый орешек. Попробуем раскусить его без больших потерь. Кто возглавляет оборону города?

— Некий Владислав, — сказал Мирон.

— Такой же наивный и бесхитростный, как и остальные вояки у вас? — опять спросил я.

— Ничего конкретного сказать не могу, — ответил Мирон. — Ничем выдающимся он не отметился.

— Это хорошо, проблем у нас быть не должно, — сказал я.

— Все же решение атаковать Владислава выглядит рискованным, — усомнился

Мирон. — Крепость неплохо укреплена, будут жертвы.

— Так мы не пойдем на пролом, не станем вышибать мощную дверь и не полезем скопом на стены, как это делали воины Шогу, — сказал я. — Брать крепость в осаду и торчать здесь тоже не будем. Нам Москву нужно успеть взять до холодов. Мы придумаем, как оставить Владислава в дураках.

— Владислав должен быть начеку после вестей из Новгорода, он может выслать разведку и обнаружить нас, — сказал Мирон.

— Алексей прав: следует как-то запугать и обмануть противника, — подал голос Александр Непомнящий.

— В городе немало мастеровых и бедноты, они могут переметнуться на нашу сторону в случае штурма, — сказал Хорошук. — Вопрос только в том, когда начнем штурм крепости?

Я ответил так:

— Погоди, не торопись, нужно придумать что-то оригинальное, давайте сначала выслушаем разведку, может, Владислав не в курсе наших планов и перемещений. — В любом случае, нужно постараться, чтобы нападение стало внезапным. И лучше ворваться в город через открытые ворота.

— Только кто же нам их откроет, они ведь в курсе того, как мы проникали в крепости других городов, — напомнил Мирон.

— После всех поражений войск ушастых Владислав должен дрожать за свою шкуру, может, предложим ему сдаться? — спросил Хорошук.

— К нему еще нужно попасть, — ответил Мирон. — И поднять бедноту на восстание можно, только вот как мы преодолеем стену?

— Я изготовил особые присоски, смазанные клейкой жидкостью, они позволят забраться даже по отвесной стене, — сказал Чарли.

— Это дело! — обрадовался я. — Нужны, по крайней мере, несколько десятков таких присосок.

— Могу сделать, — обнадежил Чарли.

— С ними мы сможем бесшумно преодолеть стену и попробовать открыть ворота крепости, — сказал я. — Кто из командиров и наиболее толковых бойцов пойдет со мной?

Хорошук тряхнул головой:

— Я пойду и еще двух бойцов возьмем из моей дивизии. Они прошли тренировки, ты, Алексей, учил их биться.

— Возьмите меня, я наконец-то полностью оправился от ранения, полученного в боях за Питер, — сказал вновь присутствующий на совете Гром.

— Да, Гром проверенный, очень ценный боец, особенно в таких ситуациях, — согласился я.

— Не стоит нашему вождю рисковать, лезть на стену, — сказал Мирон. — Он ведь то же после ранения.

— Так боги одобряют мои вылазки, — отшутился я. — Без меня лазутчики могут не справиться.

— Впятером пойдем или еще кого-нибудь возьмем? — осведомился Хорошук.

— Хватит нас четверых! — решительно сказал я. — Возьми только одного своего человека. Чем больше людей, тем выше вероятность шума и провала.

— Все же я против участия Алексея, — настаивал Мирон.

Пришлось ответить ему так:

— А я — за! Я командир, мне решать! Со мной — успех. Сильно рисковать не буду. В случае непредвиденных обстоятельств, сразу возвращаемся. Других возражений нет?

Командиры не ответили.

— Тогда готовимся к ночному приключению! — произнес я и осекся: для меня война — приключение, для остальных — смертельная борьба за свободу.

Мирон посмотрел на меня с недоумением, но сказал только:

— Будьте осторожны!

Разведка доложила: ворота постоянно заперты. Возле них все время дежурят порядка тридцати гвардейцев.

Ночь выдалась безлунной, тихой, но знойной и душной. Передовой отряд во главе со мной двинулся к крепости, за нами на значительном отдалении медленно ехали конники и шли готовые к бою пехотинцы.

Когда я и отобранные для проникновения в крепость бойцы подъехали к стенам города Старая Русса, спешились, привязали коней в лесу и осмотрелись, сидя в кустах. Караульные несли службу не слишком бдительно: они не ожидали нашего визита и пытались выспаться, кто в сторожке, а кто дремал, стоя на посту.

Снимать караульных будут другие. Мы же зашли с другой стороны крепости, там не было постоянной охраны, но, вопреки предположениям, оказался ров, в нем водились съедобные рыбы, стража улучшала с их помощью пищевую рацион.

— Все умеют плавать? — спросил я.

— Ров узкий, его можно перепрыгнуть, — сказал Гром.

— Ров преодолеваем бесшумно, поэтому прыгать нельзя, — ответил я.

— Понятно, — сказал Хорошук. — Я жил возле полноводной реки Сестры, так что плавать умею и помогу бесшумно перебраться бойцам.

— Тогда за мной! — я сделал первым шаг в воду.

Преодолеть ров оказалось делом не сложным, хотя и мешали амуниция с оружием. Меня сильно порадовало приближение грозы, дающей дополнительные шансы для успешной диверсии. Как только мы преодолели водную преграду, ударила молния, первые, пока еще несмелые капли спешащей к нам тучи смочили землю, стало совсем темно. А вдали шел уже сильный дождь, что определялось его шумом. Моя теория вновь оправдывается! Небеса в очередной раз помогают повстанцам!

Чтобы нас в сумраке не выдали светлые клинки, мы замазали их грязью. Наши тела сливались с шершавой каменной стеной. Взбираться, даже с помощью присосок, оказалось делом нелегким. Первым двигался я, за мной — очень осторожно Хорошук и боец по имени Бухарик. Гром оказался последним, среди нас он был самый большой и тяжелый. Правда, ловкий и выносливый, в недавнем прошлом стал чемпионом питерской губернии по боям на деревянных мечях. Я видел его уже в деле и считал одним из лучших и самых смысленных бойцов своей армии.

Преодолев около десятка метров, я перелез через зубья, торчащие по верху стены. Хорошо, что здесь нет колючей проволоки.

— Аккуратно за мной, — тихо сказал бойцам.

Дождь превратился в ливень. Но после жары прохладные струи казались даже приятными. На стене стражи не было, возможно, от дождя все попрятались в башенку недалеко от нас.

— Будем пробираться по стене или спустимся на землю и по городу пойдем до

ворот? — спросил Хорошук.

Я с высоты осматривал город. Во дворце и нескольких домах светились огни. На улицах в темноте не было видно ничего. Лишь изредка между домов мелькали редкие тени с факелами.

— В башне может быть стража, — сказал я. — Лучше спустимся вниз.

— Стражу можно перебить, — высказал предложение отважный Бухарик.

— Они в состоянии поднять тревогу, — ответил я. — Зачем увеличивать риск быть обнаруженными?

Наша четверка осторожно спустилась вниз, было очевидно, что с этой стороны крепости не ждут никаких подвохов.

Древний город просматривался даже в темноте. Узкие улицы, здания, от одноэтажных деревянных домиков до красочных вилл и дворцов богачей в четыре-пять этажей. Виднелись пара величественных фонтанов в форме сказочных зверей, аллеи цветов. Ничего, днем разглядим все подробнее!

Мы перешли дорогу, заканчивающуюся у стен крепости, свернули в уединенный проулок, а оттуда — на тихую улицу, идущую почти параллельно стене башни. Двигались хоть и в темноте, но дорогу удавалось различать. На пустынной улице один раз все же появились люди. Пара человек с факелами шли нам на встречу, мы затаились, чтобы избежать стычки.

Возле ворот был выставлен караул, просматривалось и караульное помещение рядом.

— Караульных всего четверо, — сказал Хорошук. — Снимаем?

— Только очень грамотно и тихо, — предупредил я. — В караулке тоже могут быть люди.

С величайшими предосторожностями мы подобрались к переднему караулу. Последовал быстрый выпад. Все лазутчики почти одновременно нанесли удары ножами, и четверо гвардейцев рухнули на землю.

Все было кончено в считанные секунды. В темноте и под проливным дождем стражники не успели понять, кто и откуда на них напал. Мы двигались очень быстро и в совершенстве владели боевыми приемами.

Сразу ворвались в караульное помещение. Полусонные гвардейцы в тусклом свете факела растеряно смотрели на неизвестно откуда взявшихся воинов. Мы не преминули этим воспользоваться. Вспыхнула короткая схватка, боевая четверка грозно завертела мечами, обрушившись на заторможенных гвардейцев. Ловкие удары, выверты и еще восемь защитников режима ушастых отправились к праотцам.

— Теперь прикройте меня, я открою ворота, — скомандовал я.

— Прикроем! — ответил Хорошук. — Тут все закончено.

Я выскочил из караулки, рубанул мечом бежавшего ко мне офицера, затем подскочил к устройству, открывающему двери крепости. Теперь осталось повернуть несколько десятков раз резную ручку с головой тигра на конце и тяжелые ворота распахнутся для прохода освободительной армии.

— Давай я тебе помогу, пока сюда не набегут гвардейцы с мечами и дубинами, — предложил подбежавший ко мне Бухарик.

— Контролируйте, чтобы в открывающиеся ворота не ринулись стражники с той стороны и не помешали мне, — ответил я, стал крутить ручку и громко заорал:

— Герои! В атаку за свободу и честь!

То же стал кричать громкогласый Хорошук. Наши крики послужили командой для начала штурма. Затаившиеся в лесу конники устремились к открывающимся воротам. За ними последовала пехота. Стражу у ворот быстро перебили, наша конница въехала в город.

Сомнений в успехе сражения не могло быть никаких. Слишком большое было у нас превосходство в бойцах, да и фактор внезапности сказался. Передовой отряд конницы быстро занял центральную площадь. Разбуженные шумом редкие гвардейцы выскакивали из домов и в основном сдавались в плен. Подоспели пехотинцы, мы постепенно занимали весь город.

Я распорядился погасить возможные очаги сопротивления, а сам спросил у Хорошука:

— Где тут самая известная в губернии тюрьма, ну, карцер, по-вашему.

— Бухарик покажет, — ответил Хорошук, — он знает город, бывал здесь.

— Что, давай сразу наведемся в карцер, — предложил я. — Наше присутствие на улицах города не обязательно, с командованием армией Александр Непомнящий и Мирон прекрасно справятся. Бери людей, и на штурм тюрьмы. Дождь как раз закончился, светать начинает.

Густая ночная темнота стала блекнуть, обещая новый погожий день. Отряд повстанцев, человек тридцать во главе со мной, двигался по почти захваченному городу. Шли не спеша. И чем дальше удалялись от центра, тем улицы и переулки становились грязнее и уже. Иногда мелькали представители местной фауны: бродячие еноты, разбуженные собаки, пару раз пробежали даже крысы.

Тюрьма помещалась на самой окраине города, в противоположной от ворот части.

— Тут типичная клоака! — сказал я. — Грязно, помоями воняет.

— Я здесь часто бывал! — сказал Бухарик. — Недалеко от тюрьмы спортзал. Еще в детстве провел там несколько боев среди таких же пацанов, как и сам. В городе проводились соревнования среди подростков по дракам на кулаках. Потом была некрасивая история, меня хотел затащить себе в постель один знатный ушастый. — Не дался старику, избил его, за что был посажен здесь на год в карцер. После чего меня из мещан понизили до сословия раба. Несколько лет проработал в самых гиблых каменоломнях. Сумел выжить и приступить к тренировкам в гладиаторской школе. Одержал ряд побед.

— В целом твоя жизнь была интересной, — сказал я. — Что можешь рассказать про школу гладиаторскую?

— На меня она произвела не слабое впечатление, когда впервые попал в нее. В ней готовили бойцов для участия в различных соревнованиях: драках на кулаках, битвах с деревянными мечами и саблями. В школе было несколько сот учеников, обучались не только юноши, но и мужчины. Помещалась она рядом со школой гвардейцев в двух строениях, мало чем отличавшихся друг от друга и внешним видом, и внутренним устройством. Каждое из строений состояло из двух корпусов, к ним примыкал широкий внутренний двор, в центре которого упражнялись обучающиеся. Двор был утыкан разными тренажерами, торчащими из земли. В хорошую погоду мы занимались во дворе гимнастикой. Искусство драк оттачивали в спортзале под руководством опытного, физически крепкого тренера из числа бывших гладиаторов. Упражнялись в искусстве нападения и защиты, сражались деревянными мечами.

— А на соревнованиях, что, дрались, бывало, до смерти? — спросил я.

— Нет, не было смертей. Дрались до первой крови либо до того момента, когда противник сдавался.

— А почему гладиаторами назывались? — спросил я.

— Так потому, что в соревнованиях с драками участвовали, — ответил Бухарик.

Я понял: здесь соревнования и гладиаторы совсем не такие, как были в древности в моем родном мире. Дерутся тут на потеху публике на кулаках или с безобидным оружием, которое не причиняет серьезного ущерба здоровью. Конечно, и кулаком можно убить человека, но здешние гладиаторы этого не умеют, от них такого не требуют, да и правилами соревнований запрещено наносить противнику увечья.

Улицы, что вели к тюрьме и школе гладиаторов, были пустынно. Люди слышали шум, понимали, что город осаждают бунтовщики, но не хотели рисковать своим присутствием в исторических событиях.

На небольшой площади возле тюрьмы мы увидели статую бога Перуна. Прошли мимо к воротам здания, называемого здесь карцером. Это было мрачное, серое двухэтажное, правда, протяженное строение с решетками на окнах и массивными воротами. Все равно, у нас тюрьмы существенно больше. Хотя здесь она и является самым большим в новгородской губернии карцером.

Мы стали барабанить в ворота. Хорошук закричал:

— Именем новой власти — откройте!

Охрана была озадачена известием о том, что власть в городе уже поменялась. Долго препирались. Пришлось объяснять, кто мы такие, и обещать отпустить с миром всех, кто не будет нам препятствовать. Я уж думал послать за подкреплением и ломать ворота, но, наконец, нам открыли.

Стража состояла из опытных гвардейцев, однако оказалась не слишком многочисленной. Мы не стали трогать их, а они не напали на нас.

Хорошук потребовал открыть ближайшую камеру. В большом помещении с нарами в три ряда находилось более пятидесяти человек.

Бухарик закричал первым:

— Вы свободны! Присоединяйтесь к нам, мы за справедливость, братство, равенство!

Заклученные зашумели:

— Кто вы?! Вы из освободительной армии?!

— Да! — проорал Бухарик на всю тюрьму. — И она готова принять вас. Сейчас или никогда!

— Я тебя знаю! — крикнул один из заключенных. — Ты — Бухарик!.

— Да, я известный боец! — ответил мой воин.

Узники заревели:

— Мы тебя знаем!

— Мы пойдем за тобой в огонь и воду!

Бывший гладиатор произнес зычным голосом.

— Я не один! Непобедимый Алексей Освободитель с нами! Он приведет нас к победе!

Я скромно выступил вперед:

— Долго говорить не буду! Город наш. Мы — как искра в соломе. Начали революцию, теперь ее не остановить. Присоединяйтесь к нам!

Заклученные разговаривали между собой:

— Они точно из армии свободы!

— Значит, это чистая правда, к нам пришел сам Освободитель!

— Ходят слухи, что он послан на Землю богами.

— Это славный воин, он позволяет избирать народу начальников в освобожденных городах.

— Он за справедливость!

— Да! Не будет больше рабства!

Я слушал с улыбкой, потом приказал открыть все камеры в карцере.

Бухарик вел разъяснительные беседы. Его успехи на ринге сделали бойца известным и авторитетным. Он обещал бывшим заключенным громкие победы, величайшую Правду и освобождение всех угнетенных.

Я стоял в сторонке, с интересом наблюдал за происходящим в окружении своих бойцов, которые, как телохранители, не подпускали ко мне людей.

— Товарищи! Братья! — закричал один из освобожденных — Нам надо атаковать тайный склад с оружием! Я знаю, где они хранят его!

Послышались голоса:

— Правильно! Показывай, где склад!

— Мы отберем оружие у режима!

— Братья! Нападем на стражу, получим в свои руки мечи, дубины и мушкеты!

Моя армия орудовала в городе. И без помощи бывших заключенных склад был бы найден и взят, но мне вдруг захотелось почувствовать революционный азарт бунтарей, повести освобожденных заключенных на штурм склада с оружием.

— Вперед! За мной! — крикнул я. — Показывай, где склад.

Толпа возбужденных людей устремилась в направлении указанного склада.

Рассвело. Солнце еще не поднялось выше крепостной стены, но день обещал оказаться знойным. Жарко было и в городе. Воины освободительной армии прочесывали его в поисках очагов сопротивления, а дивизия под командованием Мирона направилась уже на штурм дворца градоначальника.

До склада добрались быстро, с ходу сломали дверь и вбежали в помещение.

Нас встретили два десятка гвардейцев, охраняющих склад. Они были вооружены мечами и дубинками, но явно растеряны.

Я подпрыгнул, расходящимся ударом ног в челюсти вырубил сразу двоих. Надо же показать свой класс!

Потом нырок, подсечка по ногам третьего, затем вновь быстрый выпад — и четвертый лежит.

В схватку вступили бывшие заключенные, они окружили оставшихся стражников. Одного, пытавшегося махать мечом, обезоружили и стали избивать толпой.

Начальник стражи закричал:

— Не надо насилия! Сдаемся!

Я распорядился описать оружие и выставить новую охрану склада. Процессом стали руководить Хорошук и Бухарик, а я поспешил во дворец градоначальника.

К моему приходу помещения были уже очищены от охраны и гвардейцев, я не успел и здесь показать свою удаль. Мирон доложил, что градоначальника не нашли.словно в воздухе растворился. Похоже, ушел по какому-то секретному ходу. Ушастые часто устраивают в своих хоромы подобные лазейки.

Велел обшарить покои, найти сокровищницу и конфисковать ее. Ко мне подошла Аленка:

— Ты чем-то расстроен?

— Главный преступник города ушел, — ответил я. — Не первый раз уже упускаем. Судить таких надо.

— Плохо, что ушел. Зато еще один важный город под нашим контролем, взяли почти без потерь. Какой ты молодец! Сумел ворота открыть. Тобой все восхищаются!

Я ничего не ответил: не люблю, когда меня хвалят. Может, комплекс у меня такой: на похвалы показываю свое неудовольствие.

Девушка спросила:

— А почему меня с собой на ворота не взял, я могла бы быть полезна.

— Опасно очень карабкаться по стене, — ответил я. — Да и в крепости все могло бы пойти не так, как планировали. А ты крайне нужна нашей армии целой и невредимой. Как талисман, как образ великой, бесстрашной воительницы, сражающейся за свободу.

Аленка слегка покраснела. Похоже, она тоже не любила похвалу. Попросила:

— Обещай, что в следующий раз возьмешь меня с собой.

— Видно будет, посмотрим по обстановке, — ответил я.

— Наша армия стала еще сильнее. Много новобранцев к ней присоединяются. Что будем делать дальше?

— В первую очередь надо навести порядок в городе, не допустить мародерства, выбрать лояльную нам власть. А потом сразу пойдем дальше.

— Для борьбы с мародерством нужны крутые меры, — сказала девушка.

— Сажать на кол никого не будем. А вот изгонять из армии, судить и отправлять в тюрьму нам вполне по духу.

Судьба по-прежнему благосклонна ко мне и моей освободительной армии. Поставлена жирная точка еще в одном победном сражении.

Город Старая Русса взяли легко, разгромив или пленив отряды надсмотрщиков и стражи, которые оказывали слабое сопротивление. К армии присоединилось значительное количество сильных, закаленных тяжелейшим трудом бывших невольников и рабов.

Слабостью режима ушастых оказалось большое количество рабов и бедноты, которые помогали освободительному движению, пополняли мою армию. Многих крестьян и ремесленников за неуплаты непомерных податей банкротили и сводили на самый низкий уровень социальной лестницы — в касту рабов.

Чрезмерные налоги в конечном счете перераспределялись в пользу небольшой группы ушастых, а огромное социальное расслоение резко повышало шансы восставших на успех. Мы всколыхнули страну, во многих местах люди стали протестовать против режима. Протесты жестко подавлялись, но на всех гвардейцев не хватит!

Понятно, известие о нашем восстании и многочисленных протестах сильно тревожило режим Нитупа. Он дал приказ задавить так называемую освободительную армию. Даже послал на подавление карательное войско во главе со своим другом Шогу, который недооценил мощь повстанцев и бездарно угробил армию, что наверняка вызвало еще большую панику в рядах руководства страны и олигархов, которые привели это руководство к власти. Спешно стали издавать законы об уменьшении налогов, были отменены обязательные уколы и закон об увеличении продолжительности рабочей недели, приостановлены процедуры банкротств крестьян и ремесленников. Была назначена огромная награда за мою голову. Но эти меры оказались запоздалыми. Мы гарантировали бедноте лучшие условия, установили в нескольких ключевых городах народную власть. И продолжали победное шествие на Москву.

Вот и в Старой Руссе долго стоять не планировали. Я распорядился пресечь мародерство, а на следующий день приказал привести город к присяге.

Началось принесение клятв на верность освободителям, проходили выборы местной администрации из числа горожан, не успевших скомпрометировать себя сотрудничеством с режимом Нитупа, избрали нового городского главу. Народ приучался к голосованию и был рад смене власти.

Новобранцы тем временем в ускоренном темпе осваивали ратное дело. Мои командиры как можно быстрее обучали их походным делам. В целом армия стала еще сильнее. В том числе, и своим духом. В глазах повстанцев читался оптимизм и уверенность в обязательном благоприятном исходе.

Я решил устроить подобие парада. Гарцевал по главной площади на белом скакуне. Рядом со мной на рыжем коне ехала Аленка. Пусть народ смотрит на нас с восхищением: в освободительной армии даже женщины есть. Да еще какие!

Аленка приковывала к себе взгляды: великолепная воительница на коне, что необычно, но красиво и жизнеутверждающе!

После парада я распорядился устроить пир. Все шло как по писанному: пал крупный город, местное население в основном опять поддержало нас. Можно отпраздновать, порадоваться за столом очередной победе.

Я сидел, как обычно, на самом почетном месте, рядом с Аленкой. Александр Непомнящий на этот раз устроился на другом конце стола вместе с местной блондинкой. Красивые в Руссе девушки, светловолосые, длинноногие. Вот группа красавиц исполняет танец. Танцуют ритмично, движения плавные. Воины смотрят на танцующих девушек, попивают вино, едят жирное мясо, ведут негромкую беседу. Впереди новые победы, триумф, почет и уважение.

Хотелось радоваться жизни, а я почему-то думал о том, что ушастые могут к нам засылать шпионов, а то и убийц, отравителей, с целью ликвидировать меня. Ведь именно со мной связаны победы освободительной армии. Сообщили уже, что за мою голову объявлена огромная награда. Те, против кого я борюсь, имеют несметные богатства и власть, ведь велик у них соблазн устранить человека, который может лишить их власти и конфисковать все богатства. История отравлений известных личностей весьма велика в моем родном мире. И здесь попытки отравлений вполне реальны.

Я знал, что активированный уголь и болтушка из яичных белков были средствами противоядия у нас в средние века. Можно попробовать приучать организм к яду, но это — не самая лучшая идея. Даже от малых доз отравы здоровье садится: страдают печень, почки, желудок. И приучить себя можно лишь к некоторым видам растительных ядов, но то же с отрицательными последствиями для здоровья. А вот к самому распространенному у нас в средние века мышьяку, постепенно наращивая дозу, не привыкнешь, только медленно себя похоронишь.

В любом случае, с ядами лучше не сталкиваться, нужно подумать о том, как защитить себя. Может, подыскать подходящего щенка, чтобы дегустировал пищу?

Я решил спросить у Аленки:

— А что, у вас мышьяк часто применяют?

— Мышьяк? — переспросила девушка. — Что это такое?

Пришлось ответить:

— Яд, которым крыс травят, но можно отравить и человека.

— Крыс у нас не травят. И мышьяк не применяют. А разве можно отравить человека?

Это же беспредельный грех, боги такое не простят!

— Так атеисты не верят в бога! — ответил я.

— Атеисты? — Аленка не знала и этого слова. — Кто они такие?

— У вас и атеистов нет? — удивился я.

— Может, и есть, но я с ними не сталкивалась.

Я вспомнил о том, что атеизм зародился в Древней Греции. Подобные взгляды долгое время исповедовать было опасно. Сократа за его неверие в официальную религию заставили выпить чашу с ядом. Считавшийся атеистом Сократ верил в бессмертие души. И принял чашу с отравой без тени страха.

А вот Эпикур, наоборот, был стопроцентный материалист. Он считал, что жизнь человека приходит к концу вместе со смертью тела. Значит, нужно гулять, пить, веселиться пока не умрешь. Потому смысл жизни состоит в том, чтобы получить от нее как можно больше удовольствий.

Наслаждение по максимуму — к этому направлены помыслы и стремления многих людей. Хотя наслаждаться жизнью могут далеко не все. Рабу уготована участь горбатиться на хозяина и надеяться лишь на улучшение своего положения после смерти.

Христианская вера породила у нищего надежду на рай, который не описан подробно в

Библии, его каждый может представлять по-своему. А вот Ислам расписывает прелести рая. В раю обещают все, что только может придти в голову верующему человеку. Мы уже обсуждали с Сашей, что все религии мира служат средством примирения человека со своей неудачной судьбой.

Но атеизм не получил большой популярности у нас, и здесь о нем не знают. И я — не атеист. Все же интересно, что там на самом деле происходит за гранью жизни. Наверное, правила едины и определены для всех времен и народов. Но какие это правила я не знал. Мое перемещение в другой мир убедило меня в бессмертии души. Но вот куда отходят души убиенных нами врагов?

— Хорошо, отравить человека — беспредельный грех, — обратился я опять к Аленке. — А убить врага на войне — это как?

— Так ведь боги не против согласованных с ними войн. Вот и тебя прислали, чтобы ты организовал освободительную войну. Во время войны боги сокращают сроки заточения людей на Земле через убийства. Так они помогают воинам избавиться от старости.

— Старость — жуткая вещь! — сказал я. — Возраст уродует, особенно женщин! Ты уже рассуждала об этом.

— Да! Но старость — последствия греха в загробном мире. Тем, кто много грешил, Бог отмеряет большой срок на Земле, те, кто грешил меньше, до старости не доживают.

— Как ты думаешь, есть единый Бог? — спросил я.

У Аленки нашелся уверенный ответ:

— Есть единый в многообразии всемогущий Бог Перун и множество его дочерей и сыновей, богов, которые очень разные и вместе с тем составляют одно целое с Отцом.

— Если бы все боги были единым целым с Богом-Отцом, то в мире не было бы столько горя, проблем, зла, тюрем! — улыбнулся я.

Аленка тоже улыбнулась:

— В тюрьме, то есть карцере, люди должны страдать! Для того и щука в реке, чтобы карась не дремал. Чтобы у человека и человечества в целом был стимул для развития, боги ради блага конкретного индивида создают ему кучу трудностей.

— Про стимул ты, конечно, права, — согласился я. — Во время и ради войн активизируется развитие техники. В другом, параллельном этому миру, большой скачок в войну сделала военная наука, особенно в СССР, США и Германии. Трудности и голод стимулируют людей. Будь у голодной обезьяны руки длиннее — она не взяла бы палку для того, чтобы сбивать плоды, а потом не огрела бы этой палкой своего собрата.

Аленка почему-то не спросила про неизвестные ей страны, а неожиданно повторила фразу Энгельса:

— Когда обезьяна взяла в руку палку — она стала человеком!

Я внимательно посмотрел на молодую женщину. Мне вдруг показалась, что она — не та, за кого себя выдает. Я осторожно поинтересовался:

— Знаешь ли ты Энгельса?

Девушка ответила:

— Нет! А кто это? Ушастый? Богач? Может, неизвестный мне бог?

Я сказал:

— Нет, не ушастый и не богач! Точно не знаешь, кто он такой? И не надо!

— Но почему ты меня спрашиваешь о богах? — удивилась девушка. — Сам ведь лучше должен все о них знать!

— Проверяю твои познания, хочу назначить тебя смотрящей за митрополитами, — пошутил я.

— Я поняла, что ты проверяешь меня, но назначать меня смотрящей? — еще больше удивилась девушка. — Зачем? Нет, я не смогу, есть более достойные люди. Мужчины. Разве женщина может быть смотрящей над мужчинами?

— В свободном мире может! — ответил я, мне нравилось, что Аленка не понимает мои шутки.

Весть о громких победах освободительной армии стремительно распространялась среди всех угнетенных. В результате мое войско продолжало расти за счет вливавшихся в него новых людей. По пути в Старую Руссу и в самом городе к нам присоединилось большое количество новобранцев, преимущественно из касты рабов, некоторые убежали от хозяев, не дожидаясь подхода освободительной армии. Среди присоединившихся оказалось немало бывших узников каменоломен.

В целом у меня уже сложилась армия, способная потрясти основы империи. Громадное войско, десятки тысяч недавних рабов, крестьян и бедноты, а теперь непобедимых, распрямивших спины воинов. Они готовы были стереть в пыль все преграды на нашем пути!

Пока костяк войска готовился в Старой Руссе к новому походу, я решил с кавалерийским отрядом проехать вдоль рудников, а заодно посетить маленький город Бологое, который находился в стороне от дороги на Тверь. Именно она была теперь нашей очередной приоритетной целью.

Взятые нами ранее города держались пока твердо. Избранная там власть при поддержке бедноты успешно оборонялась от сторонников режима Нитупа. Что внушало оптимизм и усиливало веру в окончательную победу нашей революции.

Освобождение рудников и города Бологое не должно было занять много времени.

Мы быстро подъехали к ближайшему руднику. Встали в роще неподалеку. Из нее были видны многочисленные невольники. Они ломали камень, перетаскивали тачки. Можно было различить черные от пыли, коричневые, блестящие от пота тела людей, которые трудились под палящим солнцем.

Я подумал: какие они все же трусы не могут убежать или броситься на стражников и перебить их. Ведь невольников гораздо больше, чем надсмотрщиков.

«Раб здесь — это в первую очередь трус, который верит в то, что обречен богами на тяжкий труд, — сделал вывод я. — Устроим бунт прямо сейчас!»

Насчитал одиннадцать стражников. Рядом с одним из них стоял толстый человек, похоже, знатная особа, может, хозяин рудника.

Мы стремительно выскочили из рощи. Хорошук первым подъехал к толстяку, спрыгнул с лошади и, ничего не говоря, со всего размаха врезал ногой мужику в пах. Расчет на неожиданность оправдался. Круто, моя школа! Хорошук бил профессионально, используя и бедро, и разгибание колена.

Толстяк грохнулся на землю. Ближайший стражник оторопел от неожиданности и получил локтем Хорошука в солнечное сплетение. Стражнику перехватило дыхание. Он лишь охнул и стал оседать на землю.

Тем временем мои ребята начали по очереди стрелять из мушкетов. Первый выстрел — стражник упал. Второй — снова падение. Третий клиент решил закрыть лицо щитом, но его ранили в ногу. Затем ликвидировали четвертого, пятого стражника, после чего уцелевшие служаки стали убегать. Они даже не попытались оказать нам хоть какое-нибудь сопротивление.

Кто-то из невольников недоуменно спросил:

— Зачем вы их разогнали?

Я посмотрел на молоденького паренька и ответил:

— Чтобы вас спасти! Свобода пойдет на пользу вам.

— Но они могут вернуться и наказать нас, — возразил невольник.

— Ты принадлежишь к касте рабов? — поинтересовался я.

— Нет! Я — свободный горожанин, но меня отправили на время на рудники, потому что мой отец не смог заплатить налоги. Мне могут продлить срок, если я не буду прилежно работать.

— Мускулы у тебя крепкие и тело загорелое, — сказал я. — Давно здесь?

— С апреля тяжести таскаю, чтобы расплатиться за отца.

— Земля здесь богатая, но политика государства такова, что дерут с крестьян и ремесленников три шкуры, пусть умрут с голоду, но заплатят все положенные подати, — сказал Хорошук.

— А вы, ребята, как здесь оказались? — спросил я у группы ближайших невольников.

Хлопцы дружно ответили:

— Мы — рабы хозяина рудника. Вот он лежит.

— А я — раб владельца пекарни, — сказал мужчина средних лет. — Он посчитал, что я не достаточно почтителен, и определил меня на рудники.

Я решил пояснить:

— Мы из освободительной армии. У нас полная свобода! Все имеют право голосовать и быть избранными. Вот ты сегодня раб, а завтра будешь уважаемым человеком, тебя могут избрать главой села или города.

— Мы слышали, что вы прокуратора Питера выпороли, — сказал мужчина средних лет.

Я ответил:

— Да, это так. Выпороли именем революции. Она все переворачивает с ног на голову. Кто был ничем, тот станет всем. И наоборот. Предлагаю вам вступить в нашу армию.

Большинство рабов согласились, их отправили в Старую Руссу, в распоряжение освободительной армии.

А мой отряд продолжил свой путь и при поддержке местного населения сходу занял Бологое. Во время короткого штурма в городе вспыхнуло восстание, часть горожан перешли на нашу сторону. Мы назначили в городе выборы и уже к вечеру вернулись в Старую Руссу. На следующий день планировался поход на Тверь.

Отдохнуть перед дальней дорогой мне не дали. Хорошук, исполнявший с недавнего времени обязанности начальника моей охраны, доложил:

— Неизвестный всадник, не желающий открывать лицо, примчался в наш лагерь. Говорит, что он из Москвы и у него важное сообщение, которое может рассказать только Алексею Освободителю.

— Вот как! — воскликнул я. — Пусть войдет.

Хорошук не торопился впустить незнакомца:

— А, может, он — убийца! Что весьма вероятно! Его задержать?

— Нет, проверьте на предмет оружия, я его приму.

Вскоре Хорошук привел в шатер высокого мужчину в шлеме, полностью закрывающем лицо. Незнакомец не представился, сразу стал говорить:

— Я должен доложить вам, что в Москве объявлена мобилизация, формируется огромное войско под командованием Лавра, которое выдвигается в направлении Старой Руссы с целью вернуть захваченные вами города и разгромить повстанческую армию и.

— То же хотел и Шогу, — сказал я.

— Шогу с позором снят со всех постов, — ответил незнакомец. — Сейчас все силы брошены на формирование новой армии.

— Сначаланими шлем, неизвестный, — сказал Хорошук.

— Я бы предпочел сохранить инкогнито!

— Нет! — настаивал Хорошук. — Мы хотим видеть твое лицо!

— Гарантирую, что наша встреча останется в тайне, — пообещал я.

Мужчина некоторое время колебался, но шлем снял. Он был из ушастых.

— Я — граф Немцович, — представился незнакомец. — Вхожу в окружение Нитупа, ранее работал заместителем министра экономики.

— И зачем ты пожаловал к нам? — спросил я.

— Меня уполномочили противники Нитупа во власти. Если вы покончите с нынешним царем, то избавите Москву и страну в целом от потрясений и погромов. Мы понимаем, что режим прогнил и обречен. Он — позор для государства. Народ крайне недоволен положением в стране, готов бунтовать и поддержать вас. Разбита огромная армия Шогу. Но Нитуп всеми силами держится у власти, он велел теперь уже Лавру жестко разобраться с восставшими.

— Что хочешь лично ты и приславшие тебя люди? — спросил я.

— Предупредить вас, чтобы избежать лишнего кровопролития, а за услугу просим гарантировать неприкосновенность нашей недвижимости в Москве в случае взятия вами города.

— Проявим снисхождение к противникам власти Нитупа, — пообещал я. — Но изменения в процессе перераспределения богатств будут.

— Мы это понимаем, — сказал Немцович. — Есть сведения, что по пути к Лавру будут подходить отряды гвардейцев из сел и городов, так что численность его войска может превысить двадцать тысяч человек. Мне нужно возвращаться, чтобы не заподозрили в предательстве.

Немцович оставил нас, и я погрузился в раздумья. Нельзя позволить Лавру вернуть взятые нами города и оставить его в тылу. Может, дождаться и разбить правительственную армию, прежде чем идти на Москву?

Я решил срочно собрать совет. Как и положено по рангу, начал первым:

— Нитуп двинул на нас весь свой резерв. Он опять подготовил большое войско и послал его на подавление нашей армии и взятых нами городов. Войском командует Лавр. У нас два варианта: либо атаковать Лавра здесь, либо не медлить, сразу идти на ослабленную Москву, при этом постараться обойти войско Лавра, чтобы избежать потерь, что будет не просто. Во втором случае у нас будут хорошие шансы быстрее взять Москву, но тогда армия Лавра в тылу скует наши легкие, может взять освобожденные нами города.

— На сегодняшний день наша главная угроза — Лавр, — сказал Мирон. — У него довольно сильная и хорошо обученная армия. У нас же, сами знаете, основа те, кто совсем недавно взял в руки оружие.

— У нас тоже есть хорошо обученные бойцы, — сказал Хорошук.

Мирон с обеспокоенностью продолжил:

— Они, разумеется, костяк нашей армии, и к нам подходит все новое пополнение, но если брать подготовленные части, то у врага значительный перевес.

Я сообщил:

— По последним сведениям Лавр снимет гвардейцев и солдат со всех гарнизонов в

Москве и области, а также из городов, по которым пойдет, при подходе сюда у него может быть превосходство даже в количестве солдат...

— У Шогу тоже было превосходство, еще большее, — вставил слово Гром.

Я колебался, взвешивал аргументы. Все же резон быстрее ударить по Москве, пока многочисленная армия покинула ее, был велик. И Нитуп, изгнанный из Москвы, или, тем более, если Бог даст, плененный, будет практически не опасен. Так что, возможно, логичнее пойти на Москву и сразу вырвать ядовитую занозу режима из тела революции.

Впрочем, Нитуп теперь не устраивал даже многих ушастых из числа тех, кто привел его к власти.

— Лавр — это серьезно, — сказал, наконец, я. — Он наверняка постарается учесть ошибки предшественника. И воевать с ним придется, скорее всего, на равнине, за пределами крепости. Я тоже склоняюсь к мнению, что не стоит оставлять врага в тылу и лучше его уничтожить, но давайте рассмотрим другой вариант: не будем все же не трогать Лавра времени, обойдем его, сходу возьмем Москву и пленим Нитупа.

— С осадой Москву могут быть проблемы, надежнее все же сейчас ликвидировать Лавра, тогда нам будет обеспечена большая поддержка населения, — сказал Мирон. — Победа в битве и подход к нам подкреплений, воодушевленных этой победой, даст неоспоримое преимущество в битве за Москву.

— Однако ты сам только что говорил о том, что у нас часть сил — это пешее ополчение, вооруженное лишь дубинами и рогатинами, — сказал я Мирону. — В этом плане у Лавра все козыри на руках?

Присутствующий на совете мой брат и помощник Александр Непомнящий, видя мои колебания, сказал:

— Но у нас боевой дух на высоте. Ударим сначала по Лавру, здесь легче его разбить, а Москва нас подождет! После очередной победы обложим столицу как молодого медвежонка. Никуда она не денется!

Послышались сдержанные звуки одобрения. Мирон посмотрел на меня и сказал:

— Согласен с Александром! Рискованно оставлять Лавра в тылу. Он способен натворить много бед, установить во взятых нами городах свою власть. Собственного говоря, мне этот полководец внушает куда большие опасения, чем сам Нитуп.

Слово взял Хорошук:

— По нашим сведениям, Лавр выдвинулся в сторону Старой Руссы. Его войско может создать серьезную угрозу при движении освободительной армии на столицу. Лавра нужно встретить и уничтожить, а после этого у нас не будет проблем с взятием Москвы.

Я согласился:

— В любом случае, Лавра нужно разбить. Он заноза, заражающая организм революции.

Хорошук высказал предложение:

— Нужно заманить армию Лавра в ловушку.

— И как? — спросил Мирон. — На стены крепости теперь он вряд ли полезет.

Хорошук ответил:

— Может, и полезет, если подумает, что мы слабы. Распустим слух, что рабы разбегаются. Тогда Лавр, которому охота быть единоличным победителем, нападет на крепость.

Я подвел итог:

— Слухи слухами, но прежде его нужно обложить в поле, придумаем что-нибудь

оригинальное, как и в случае с Шогу. Вступать сразу в открытое сражение я не планирую. Подготовим неприятелю ловушки, обложим по всем правилам нанесения максимального урона. Будет большая облава на солдат Лавра. Выберем сами место для первого сражения. А кто выбирает местность, уже имеет солидное преимущество. После первого боя можно будет отойти в крепость. В случае с Шогу у нас все сработало идеально, попробуем нечто подобное сотворить и с Лавром.

Рано утром я осмотрел местность возле Старой Руссы. Нашел место, которое идеально подходило для оборонительного боя. Узкое болото между двух холмов. По одному из них шла единственная дорога из Руссы на юг. По ней должно было идти войско Лавра к древнему городу. Наличие болот мешало избрать другой путь.

Сразу же отдал приказ строить ловушку и выставил караульных, которые отслеживали все движение по дороге и никого не пропускали назад, что бы не предупредили Лавра о «сюрпризе» на его пути.

Вторую ловушку решил устроить в болоте, заманив в него неприятеля.

— Не беда, мы соорудим гать! — сказал я Хорошуку, который еще с несколькими бойцами сопровождал меня теперь постоянно. — Распорядись, чтобы дорогу повернули в болото.

Мужики принялись активно сооружать просеку. Они яростно рубили лес, для многих такое дело рутинное. Но потрудиться пришлось изрядно.

Я же энергично помахал лопатой, помогая делать ров на холмике для волчьей ямы. Своим трудом старался снискать еще большее уважение простых людей, пополнивших мою армию, и стать ближе к ним.

Для сооружения второй ловушки сделали необходимое количество «мокроступов». В одних из них я лично пробежал по трясине, определяя, где и как можно положить бревна, чтобы построить нужный переход. В самой трясине росло много красных и желтых цветов, что придавало ей зловещий оттенок.

За болотом я распорядился оставить в засаде людей, а в начале большой волчьей ямы — соорудить мостик.

Природа вокруг была чудесная, без обилия вредоносных насекомых, с большим количеством бабочек, стрекоз, которые летали даже вдоль болота.

С боку пробежал полосатый бандикут, похожий на поросенка. Время до подхода Лавра еще было, мои люди активно работали, несмотря на то, что солнце достигло зенита, и стало жарко. А я решил расслабиться. Остановился возле ручья, скинул одежду и окунулся в прохладную воду. Несколько минут полежал, наслаждаясь, затем опять вскочил на коня и поехал готовиться к сражению. Старался везде поспеть, и мне это удавалось.

Я пришел к выводу, что самое главное правило победоносной войны — опережать врага во всем. Чувство времени — незаменимое качество успешного полководца. Ну, и, конечно, умение мыслить, хитрить, предлагать неожиданные ходы. Мне нравилось это делать, я был горд собой и не сомневался в успехе как предстоящей битвы, так и освободительной войны в целом. Тем более, ключевая битва с Шогу была уже выиграна.

Только глубоким вечером, когда землю обложили сумерки, мы наспех раскинули шатры и провалились в глубокий сон. Часовых только пришлось поставить много.

С утра продолжили работу. Все сделали как надо. Воины старались подготовить опытному дипломату, а теперь еще и полководец Лавру сногшибательную встречу! Не хуже, чем Шогу.

На следующий день мое войско расположилось в местах, удобных для боя. Отряд отборных кавалеристов во главе со мной спешил и залег в засаду в лесу за волчьей ямой.

Стали ждать. Армия Лавра появилась после полудня. Впереди медленно ехала конница.

Лавина в две тысячи коней смотрелась завораживающе. Гул от множества копыт сливался в единый стойкий шум, напоминавший водопад, только капельки не из воды, а из кованого железа. Коням тяжело длительное время нести наездников и их поклажу. Но лошади не возражают, они лишь иногда подергивают головами.

Следом за конницей спешила пехота.

Основные силы армии повстанцев готовились принять бой. Мы рассредоточились в разных местах. Часть за болотом, часть рядом со мной в укрытии возле дороги за волчьей ямой, часть в резервном полку, рассредоточенном в густом лесу недалеко от крепости. План мой, хотя и требовал четкого исполнения, казался достаточно простым. Противник должен был попасть в ловушку сначала конницей в болото, а потом — в волчью яму.

Я рассчитал все таким образом, что войско неприятеля подойдет, как и в случае с Лавром, после изнурительного перехода, а мои люди встретят его относительно отдохнувшими. Бойцы за болотом изобразят панику и вызовут желание кавалеристов немедленно приступить к атаке. Мы вывели дорогу прямо в болото.

Тут как никогда была важна роль секретности, чтобы супостат не узнал о засаде и не предпринял ответных мер.

Конечно, Лавр не был дураком, но в этом бесхитростном отсталом мире он не мог предугадать мои сюрпризы и, даже после крушения Шогу, недооценивал повстанцев, считая нас неполноценными рабами.

Кроме того, Лавр полагал, что его армию будут ждать за стенами крепости, которую планировал обложить блокадой, заморить освобожденный город голодом и взять его в плен.

Полководец гнал вперед свою армию, не давая солдатам полноценного отдыха и не готовясь к ловушкам. Я с нетерпением ждал противника.

Вражеская армия спешила добраться до удобного места возле крепости города Старая Русса, где можно раскинуть лагерь. Кавалерия первой неумолимо приближалась к нам.

— Большущее войско! — с волнением сказал мне Хорошук. — Как будем действовать?

— Так, как планировали: сначала затянем противника в болото, сдавим горло коннице, потом пустим кровь здесь, у волчьей ямы, после чего добьем резервным полком Мирона, — подтвердил я свой план.

— Хорошо задумано! — ответил Хорошук. — Когда, наконец, начнем? Пора дать команду?

— Пускай конница подойдет еще чуть ближе. Там, где мы сделали развилку с дороги в топь, дашь сигнал болотникам. Жди команды.

Видно было, что начальник моей охраны желает боя, даже дрожит в нетерпении. Но важно уловить наиболее подходящий момент, чтобы не дать им возможности развернуться и затянуть как можно больше кавалеристов в болото: меньше будет времени у противника для того, чтобы перестроиться, тем большая часть его армии сгинет в топи.

Мне изготовили специальную оптическую трубу, дающую приличное увеличение. С холма была хорошо видна развилка с бывшей дороги на болото, просматривалось движение войска Лавра. Оно передвигалось под барабанный бой. В пестром войске наиболее колоритно выглядела многочисленная кавалерия с дубинками и саблями. В пехоте часть солдат была вооружена копьями, некоторые шли с мушкетами, обладающими невысокой пробиваемостью. Лица у солдат противника усталые, воевать им, очевидно, не хочется. Некоторых совсем недавно призвали на службу из бедных семей. И сразу бросили в поход. Было видно, что всадники-офицеры подгоняли отстающих пехотинцев плетью. Кому после

длительного перехода и плетей захочется еще и драться?

Но в кавалерии у Лавра преимущественно кадровые гвардейцы, многие поддерживали режим Нитупа в Москве. Сам Лавр двигался, очевидно, в хвосте армии, я пытался его разглядеть, но слишком большая дистанция растянутого войска не позволяла пока это сделать.

Бывший дипломат Лавр после краха Шогу решил возглавить армию. Ради чего? Хотел богатств и сомнительной славы подавителя бунтов? Мечтал выглядеть в глазах Нитупа спасителем отечества? Стремился показать, что он лучше, умнее Шогу? Потому гнал солдат?

В какой-то момент конница приблизилась к повороту на болото.

— Теперь пора! — сказал я Хорошуку, он дал знак своим оглушительным свистом.

Послышались вопли находящихся за болотом людей. Кавалеристы рванули к ним в полный аллюр в надежде немедленно уничтожить первый отряд бунтовщиков, изображавших сильный испуг. Копыта лошадей постукивали в унисон. Но вдруг кони стали проваливаться, началась невероятная топка. Лошадей быстро затягивало в трясины вместе с всадниками. Многочисленная конница попыталась прорваться через топь, но и там гвардейцев ждал сногшибательный прием готовых к бою стрельцов.

Я находился с засадным отрядом и не мог наблюдать за топкой в низине болота. Но слышал предсмертные вопли тонущих лошадей, залпы наших стрельцов, ударивших по прорвавшимся всадникам, крики и стоны кавалеристов, которых встретили дружные мушкетные залпы и тучи стрел. Словно кожей ощущал я дикий ужас бойцов, угодивших в ловушку.

Передовой конный отряд нес ощутимый урон, попытался остановиться и попятиться назад, чтобы покинуть болото, но в данном случае, это оказалось не легко. Но на всадников напирала другая конница, заставляя передних в давке смещаться в болото.

Командир кавалеристов показал себя не с лучшей стороны, вместо того, чтобы тут же перестроиться, он гнал своих вперед, потому что не сразу понял, что его бойцов заманили в ловушку не по правилам военного искусства.

Атака неприятеля с самого начала не удалась. Войска Лавра стало лихорадить при виде бездарной гибели кавалеристов, в то время как повстанцы обходились почти без потерь, они словно издевались над элитными конниками, давившими у болота друг друга.

Мои бойцы, почти сплошь из простонародья, умело использовали топкость местности и свое оружие. Им удалось блестяще выполнить приказ: сдерживать натиск конницы и уничтожить как можно больше всадников.

Неприятель все же стал разворачиваться и перестраиваться. Опять вперед встали уцелевшие в болоте кавалеристы. Но изрядно потрепанный элитный полк с утраченным боевым духом уже не представлял собой единого целого.

Армия Лавра двинулась в обход болота, где ее поджидала новая ловушка, готовая захлопнуться в нужный момент.

Когда перестроившиеся кавалеристы вступили на мост у волчьей ямы, замаскированные бойцы освободительной армии стали кидать зажженные факелы. Деревянное основание моста, промасленное горючей смесью, разом вспыхнуло, мощный огонь охватил лошадей и всадников! Снова истошные вопли горящих животных и людей!

Конники отчаянно старались проскочить мост и еще ожесточеннее прищипывали коней. Но их ждал очередной неприятный сюрприз: мост заканчивался огромной замаскированной волчьей ямой с острыми колями и серпами на дне. Кони падали,

натыкались на колья. Из пробитых животов животных били фонтанчики крови, а на них сверху тут же падали новые скакуны: ведь оставшаяся конница напирала сзади и то же оказывалась в яме, затаптывая раненых. Кавалерия сгрудилась, окончательно утратила пробивную силу.

Но и это еще не все! Почти в упор в солдат-кавалеристов полетели мушкетные выстрелы и стрелы. Это взялись за дело засадные стрельцы. Потери неприятеля росли, превращая кавалеристов в кровавое месиво. Жутко, но такова война, она не обходится без жертв, пусть даже во имя справедливой цели.

Находившийся в конце кавалеристского полка его командир хотел, было, дать команду повернуть назад, но в его шею впиалась стрела. В глазах служивого почти моментально потемнело, а затем чернильные щупальца смерти поволокли сознание вояки в беспросветную преисподнюю. Это помощник Грома, командовавший стрельцами, сразу определил командира и точно поразил его из лука.

Я находился по-прежнему в засаде и в довольном нетерпении потирал руки: конница Лавра почти вся ушла в мясорубку. В отличие от первых боев я перестал сожалеть о гибели людей и думать о том, что сражаюсь с такими же русскими, как и сам. Азарт войны! Оказывается, он есть! Противники превратились для меня в бесовскую рать, которую следует уничтожать.

А Лавр просто ошалел как обложенный по всем правилам медведь. Уж больно слаженно и коварно действовали против него повстанцы. Друг Нитупа предположить не мог, что с самого начала будет все так скверно.

И опять совсем немногим оставшимся в живых кавалеристам пришлось отходить, сожалея о потере своих друзей. Сумятица возросла, передовой кавалеристский полк прекратил свое существование. Но подросла пехота, часть солдат успели побывать в замаскированной волчьей яме, однако опытные командиры перестроили ряды, а командующий попробовал продолжить атаку в обход ямы.

— Раздавите рабов! — закричал Лавр. — Сомните их как скорлупу ореха.

Я хладнокровно наблюдаю за приближением пехотинцев. Мы не спешили. Группировались, старались подпустить нападавших и ударить неожиданно сразу из всех мушкетов.

Стрельцы в редутах хладнокровно смотрели, как к ним приближается противник. Они ждали команды. Как только пехотинцы вышли на убойную позицию, я поднял сигнальный флажок. Стоящий справа сигнальщик повторил это движение, за ним следующий. Послышались оглушительные залпы. Мушкеты с близкого расстояния обливали огнем защитников режима.

Стрельцы вели огонь с помощниками, чтобы не было длительных пауз. Пехотинцы стали падать: Десятки, затем сотни солдат оказались убиты и ранены. Мощный грохот закладывал уши, а затем ненадолго сменялся стонами раненных и искалеченных людей.

Первые ряды пехотинцев в страхе попятились назад, но сзади, как и в случае с кавалерией, на них давили другие воины. Немного поколебавшись, неприятельская волна снова хлынула вперед. Опять мои люди били часто и практически в упор. Помощники стрельцов едва успевали перезаряжать мушкеты. Много, очень много мушкетов и луков со стрелами мне удалось подготовить к бою. Молодые бойцы трудились в поте лица, а старшие воины прицельно поражали противников.

Частота стрельбы удивляла и сбивала с боевого настроения солдат противника. Оказалось, повстанцы умеют строить хитрые ловушки и действуют слаженно, выбивая своими меткими выстрелами почти всех, кто приближался на расстояние тридцати шагов.

Находясь в укрепленном укрытии сразу за стрельцами, я пару раз выстрелил из мушкета, Хорошук, вместо того, чтобы заряжать мне оружие, предпочел колчан со стрелами. Из своего любимого лука он снайперски поразил нескольких человек. Впрочем, в моей и его помощи стрельцам не было необходимости. Так, мы развлеклись немного.

Меня распирает гордость за то, что опять догадался сделать прекрасные ловушки и сумел избежать прямого контактного боя. В этом случае наши потери были бы намного больше. А так мои бойцы демонстрируют преимущество уничтожения врага на расстоянии. И все идет прекрасно. Пехотинцы противника лишь на ходу могут производить отдельные, как правило, неточные выстрелы. А мои солдаты защищены укрытиями.

Море трупов в рядах солдат Лавра. Кровь буквально стекала по холму, его подступы оказались усеяны полумертвым ковром из убитых и раненых тел.

Некоторые отчаянные пехотинцы все же сумели проскочить огненный ад и старались вскарабкаться на редут, но их встречали мужики ударами удлиненных кос и рогатин.

Вот в первого из прорвавшихся вонзилось сразу две рогатины, разъяренные мужики подняли тело высоко вверх и бросили обратно в гору трупов.

А еще тех, кто сумел подойти вплотную, наши бойцы стали снимать из огнемета. И это

выглядело впечатляюще! Огонь заставлял иступлено орать обгоревших. Хорошим оружием обогатил я арсенал родной армии! Огнемёт сделали по моей рекомендации.

Я продолжал удовлетворенно потирать руки и даже сказал Хорошуку:

— Дюже хорошо действуют мои соколики!

Но штурм выдался ожесточенный, схватка закипала лютая.

Наверное, Лавр не планировал бросать в бой сразу все силы, но когда первые волны штурма захлебнулись с ужасающими последствиями, разъяренный командующий стал сильно нервничать, посылать вперед все новые отряды. Даже я слышал, как он орал своим:

— Наступайте! Смелее, трусливые твари!

Командиры стали лупить солдат ногайками, подгоняя идти на штурм. Но атака правительственной армии все равно захлебывалась. Возле редутов росли горы трупов. Однако урон, наносимый пехотинцам, компенсировали их новые отряды.

Войско Лавра двигалось на нас подобно саранче. Но копья и мечи, которыми еще до схватки пехотинцы легко махали, не могли придать убойной массе солдат устрашающего вида. При всем большом количестве наступающих, они не могли прорвать даже первую нашу линию обороны.

Лавр продолжал орать:

— А ну, поднажмите! Вышибите бунтарей из редутов, дальше будет проще. Мы задавим их! А кто отступит, будет прилюдно выпорот!

Я улыбался: кого он собирается задавить? Мои люди дрались умело и даже успевали смениться, отводя в тыл тех, кто устал, и заменяя их свежими бойцами.

Особенно отчаянно дрались мужики. Никогда еще я не видел столь лютых вояк. Они выскакивали из редута и насаживали на рогатины солдат режима.

Для гордого Лавра поражение было бы позором. Он бесновался, но никак не мог переломить ход сражения.

Мужики бились, выкладываясь полностью. Они хотели отомстить за годы унижений и страданий. Для них было лучше умереть с достоинством и честью за свободу и светлое будущее для себя и своих детей, чем снова оказаться под властью олигархов. Ополченцев переполняла ярость, придавая сверхчеловеческие силы.

Я увидел своего старого знакомого, бывшего разбойника Мамонта. Он орудовал палицей, сокрушая врагов. У меня от такой картины даже слезы на глаза навернулись. Не знаю, почему. Думаю, то были слезы умиления.

Сам я находился пока в укрытии, ставшем на время командным штабом, в бой не вступал.

А свирепые мужики продолжали лезть в сражение, не считаясь с потерями в этом кровавом противостоянии. Однако защитников режима полегло намного больше. И они серьезно вымотались.

Очередная атака армии Лавра захлебнулась. Воины стали отступать. В ярости командующий заорал

— Труби в атаку резерв!

Как я и предполагал, Лавр ввел в действие свой последний крупный резерв. Сыграла психология полководца. Когда сходу не удастся взять вверх, амбициозный командующий бросает в атаку все свои силы для того, чтобы переломить ход боя.

И тысячи бойцов вновь устремились на отчаянный штурм. Солдат опять подняли в атаку. Тех, кто не хотел бежать, лупили бичами, словно баранов, которых гонят на бойню.

Но наши воины оказались начеку. Стрельцы, у которых еще оставался запас пороха и патронов, открыли точную стрельбу из мушкетов. Чтобы сделать ее более частой, стрельцам вновь помогли перезаряжать оружие.

И опять передовые воины режима останавливались, столкнувшись с отчаянной обороной, пятились назад, но натыкались на копья задних шеренг. Некоторые оказались проткнутыми, корчились и умирали, словно жуки на булавке.

Напирающие топтали упавших воинов сапогами и сами лезли к редуту. Но ничего победоносного у войска Лавра не получалось, а все растущий курган трупов не прибавлял штурмующим энтузиазма.

Умело организованный бой позволил мужицкому ополчению пустить в ход косы и вилы, срезая тех немногочисленных солдат, которым удалось прорваться к редуту.

И у нас гибло не мало мужиков из первой линии обороны, зато стрельцы почти не несли потерь.

Я старался контролировать самые проблемные участки, усиливал их свежими бойцами, чтобы не допустить прорыва. Однажды не удержался и вступил в бой с проникшим за редут бойцом. Схватил меч и бросился к нему. За мной устремился Хорошук с криком, что он и без меня справится. Но я в азарте подскочил к неприятелю, сразу провел удар ногой в подколенник и, уловив его секундное отвлечение от боя, ударил мускулистого мужика мечом по голове.

Слегка сожалея, что развлечение с бойцом так быстро закончилось, я крикнул начальнику охраны:

— Бери пример с меня!

Хорошук что-то прокричал в ответ. А я увидел еще прорвавшегося бойца. С вопросом:

— И тебя в могилу? — бросился к нему.

Провел сложную вертушку, дал врагу ногой по голове. Но и сам получил легкое касательное ранение в плечо. Вражеский воин умудрился почти достать меня своей саблей. Нанес лишь царапину, но я в ярости так ударил мужика голенью, что тот аж подлетел и, приземлившись, не смог встать.

Я же в прыжке сбил ударом ноги еще одного неприятеля. И посмотрел, не нужна ли еще где-нибудь моя помощь.

Нет, помощь не требовалась. Посмотрел на свое кровоточащее плечо и подумал, что Хорошук прав: нужно быть осторожнее. Но азарт реального боя... Он сильнее стремления убивать у охотника на охоте. Даже инстинкт самосохранения не всегда срабатывает. Еще и жажда приключений не дает простаивать.

Но я собрался, сумел приглушить свой азарт, вернулся в укрытие. Мне быстро перевязали царапину, стал опять командовать, закричал:

— Засадному полку быть наготове, но в бой пока не ввязываться, стрельцам усилить огонь!

Стрелы и пули полетели еще чаще, а войско Лавра все более и более редело.

Я решил пустить в ход оставшуюся горючую смесь. Нужно только выдержать паузу, чтобы дожидаться подходящего момента, когда вражеская армия сгрудится на поле у редутов.

А пока дождь нашего огня и натиск неприятеля не ослабевал. Со стороны все это смотрелось страшно. Обилие трупов в густой темно-красной крови — зрелище не для слабонервных!

Противник напирал словно прибой. Сражение напоминало шторм, в котором серая

волна цвета формы армии Нитупа хочет затопить разноцветный берег свободы. Этот берег держался, потери врага продолжали расти, но штурм не прекращался.

Лавр приказал оставшимся кавалеристам объехать поле сражения и попробовать прорваться к обороняющимся в тыл. Но кавалерии осталось совсем мало. Что могут сделать несколько десятков всадников, когда у нас все продумано и все пути обхода перекрыты?

Поскольку мужики все чаще вынуждены были с вилами и топорами вступать в ближний бой и рукопашную, стрелять оказалось сложение: боялись зацепить своих. Но стрельцы тщательно целились, и некоторые пули и стрелы достигали цели.

Перед сражением мы приготовили много зарядов для мушкетов, достаточное для продолжительного боя количество луков и стрел. Некоторые из стрел вымазали в навозе. Из-за этого даже не слишком глубокие раны могли быть опасны для здоровья. Кто-то из молодых бойцов уже в редуте мазал острие стрел мышьяком. Но количество заготовленных стрел и зарядов было не беспрельдно. Видимо, враг надеялся, что они у нас закончатся.

Да, зарядов оставалось не много, но у нас имелись еще факела и подобие огнемета, который на ближней дистанции имел неплохую эффективность. Я планировал опять «поджарить» атакующих.

Ко мне подошел Александр Непомнящий.

— Пора уже ударить по ним, — сказал брат. — Важно наступление не переждать, они выложили уже последнюю карту — свой резерв. Пора и нам взяться за дело!

Я ответил так:

— Подожди немного, у нас еще есть пока заряды для мушкетов и стрелы не закончились. Чем дольше мы в обороне, тем меньше будет жертв. И пускай ветер чуть усилится. Я им в центре еще один сюрприз устрою.

Ветер недавно переменялся и подул в сторону армии Лавра.

— Немножко можно подождать, — согласился Саша. — А крепко мы дали им по носу, они еще долго будут вспоминать этот день! Ведь рассчитывали, что до Старой Руссы дойдут без проблем. А теперь даже не увидят легендарную крепость!

Я улыбнулся:

— Лавр вне себя от ярости! Штурм не удался, кавалерия погибла. На поверку он оказался еще более бездарным командиром, чем Шогу.

— Это мы все здорово продумали! — с восторгом ответил Александр.

— И бойцы не подвели, — добавил я.

— Да, хорошая у нас армия! Один Бухарик чего стоит. Его многие знают. Он на моем участке вдохновлял всех. Мужики кричали: «Раз Бухарик с нами — мы непобедимы! Рви палачей!»

— Смотри: в центре наших немного теснят, и образовалось скопление гвардейцев Лавра, — сказал я Александру и крикнул Хорошуку:

— Давай огнемет туда, быстро приведи его в готовность и крикни нашим бойцам, чтобы отошли.

Уже через пару минут Хорошук обдал огнем пытавшихся проникнуть в редут гвардейцев. Сразу вслед за этим во вражеские ряды полетели промасленные зажженные факела.

— Факел — недурное оружие даже против меча, особенно в умелых руках, когда его используют неожиданно, — сказал я брату.

Он ответил:

— Да! Мы их уже сегодня палили. И сейчас им мало не покажется! Здорово ты все придумал!

Хорошук «поливал» из огнемета, мужики кидали горящие факела из разных точек редута. Огонь воспламенял солдат Лавра, они падали и катались по земле в надежде сбить пламя, некоторые загорались и бежали назад, в гущу наступавших бойцов, где сталкивались со своими приятелями, которых по-прежнему гнали на штурм.

Пламя перекидывалось с одного человека на другого. Пылали одежда и кожа. Муки тех, кто горел, были ужасны, их вопли заглушали окрики офицеров, которые, впрочем, загорались не хуже рядовых. Все это выглядело чудовищно и сеяло хаос.

Было сожжено и обожжено немало людей, огонь сделал и сильное моральное воздействие. Противник оказался деморализован.

Наша оборона вновь стала неприступным препятствием на пути карательного войска.

— Пламя — страшная вещь, не даром его боится все живое, — сказал я Саше. — Кто может устоять, когда тебя жарят?

— Ну, вот! Передние ряды превратилась в стадо пылающих баранов, — ответил Александр. — Они выдохлись окончательно. Сейчас начнется грандиозное отступление, можно уже и нам атаковать.

— Да, пора, пришло времякоманду на штурм давать, — согласился я.

— Позволь мне с первой девизией первым ударить! — попросил Александр. — Руки чешутся!

— Ударь! В помощь тебе мужики. И я с кавалеристским отрядом присоединюсь. Только нам нужно стараться не упустить ни одного солдата противника. Пусть лучше в плену сидят, чем скроются, а потом начнут нам пакостить. Нельзя позволить противнику сохраниться, а потом воссоединиться у нас в тылу.

Я ответил Саше и просигналил флажками атаку, а Александр закричал своим зычным голосом:

— А теперь, братушки, на штурм!

Повстанческая армия двинулась в контрнаступление. Впереди выступили стрелки, которые вели огонь на ходу, за ними шли многочисленная пехота и мужицкое ополчение. Чуть позже с флангов ударила кавалерия.

Деморализованное войско противника не выдержало натиска и обратилось в бегство. Первыми побежали новобранцы, затем поддались и более опытные воины.

Теперь нам оставалось одно — добивать и брать в плен неприятеля, чтобы не дать ему возможности возродиться.

Я командовал:

— Всеми силами вперед! Никого не упускать!

Слабую оборону мы смяли сходу. Лавр не сразу сообразил, что его самого атакуют. Когда же увидел повальное бегство своих солдат и приближение повстанцев, было уже поздно что-либо перестраивать. Поражение даже для него стало очевидным.

Я же чувствовал себя непобедимым полководцем, реальным богатырем. Бегство солдат правительственной армии усилило мой инстинкт охотника. Глаза сверкали, а руки бугрились от мускулов. И я не усидел. Выскочил из командного пункта, устремился в бой, швырнул в спины отступающим врагам гранату, сделанную умельцами Старой Руссы по моим рекомендациям. Никого, вроде, не убил, но нескольких человек ранил, они упали на колени и стали просить о пощаде.

Хорошук опять оказался не доволен тем, что я подвергаю себя опасности. Но указывать мне он не мог. Я здесь командир!

На ходу крикнул начальнику охраны, который старался не отстать от меня:

— Не проявляй пацифистских наклонностей! Настал час, когда каждый из нас может проявить свою доблесть! Разрешаю тебе драться как ураган!

Хорошук бросился за мной и во вражескую гущу людей, которых мы настигли. Я решил действовать красиво. Особенно успешно у меня получалось бить ногами. Я догнал первого бойца, сделал ему подсечку, другого ударил ногой между ребер! Пусть полежат немного, мои люди видят, сейчас подбегут, возьмут обоих в плен.

Еще эффективнее выглядит у меня, когда прыгаю вверх, кручу ногами, делаю ножницы и бью по шее. Смертельный номер! Пусть видят такое мои бойцы, восхищаются! Для усиления эффекта можно добавить балансировку с мечом и подкручивание корпусом. Как в лучших голливудских боевиках! И здорово, что есть возможность подобное исполнить в реальном бою!

Хорошук тоже не отставал, моя школа, не зря тренировал, он лупил по ногам, вырубал противников ударами по корпусу.

У меня с собой были меч и диски. Решил воспользоваться боевым оружием отсталого параллельного мира.

Выхватил меч, срубил еще одну свою жертву. Гвардеец пытался парировать удар, но не смог уследить за сложной траекторией моего меча. А вот и новый подходящий для расправы враг, на сей раз напыщенный офицер. Ух, отъелся, щеки как у хомяка!

Крупный и, вероятно, искусный для своей армии боец падает рассеченный моим клинком из очень твердой стали. Он ничего не успел предпринять против стремительного нападения.

Я с раннего детства тренировался боевым искусствам. Природный талант, помноженный на труд, дал хорошие результаты. Но только теперь появилась возможность продемонстрировать свои навыки, силу и скорость в полной мере. Еще и поэтому не хотелось сидеть в укрытии.

Я размахивал широченным мечом и рубил как легендарный Илья Муромец. Потом вспомнил, что у меня есть диски для метания, способные наносить увечья врагу. Остановился, чтобы передохнуть и метнуть несколько штук.

Нет, получилось плохо, не убойно, при этом еще и зацепил кого-то из своих. В бою лучше действовать мечом, а при необходимости наносить еще и удары ногами.

Я рубанул саблей очередного неприятельского воина по затылку, а его соседа вырубил точным ударом ноги по шее. Азарт, никакой жалости! Когда пылает сражение, люди забывают о ценности жизни. И своей, и чужой. Вот и я совсем не думал об опасности и царапине, полученной совсем недавно. Мои бойцы, видя подобный энтузиазм командира, старались не отставать.

Что характерно, опять у меня была внутренняя уверенность, что Бог сбережет. И она прибавляла доблести.

Рядом со мной сражалась пехота Александра Непомнящего, отчаянное русское мужичье.

Некоторые гвардейцы из армии Лавра пытались все же защищаться, не понимая, что сопротивление бесполезно. Лучше бы сразу сдались, меньше было бы жертв и не злили бы мужиков.

Александр Непомнящий громко проорал:

— Братья! Враг отступает, его ряды колеблются! Усилим натиск!

Прибодренные мужики добавили напора. А Александр подбежал ко мне и крикнул:

— Не пристало командующему лезть на рожон!

— Я ему говорил, он не слушает! — слышался голос Хорошука. — А ведь Алексея кавалеристы в засадном отряде ждут.

Точно! Совсем забыл, планировал ведь со своим отрядом взять в плен Лавра. А здесь и без меня справятся. Вот уже на подмогу из крепости очередная партия мужиков с рогатинами и косами спешит.

Лавр не отдавал приказ сдаться, несмотря на то, что сражение проиграно, почти вся кавалерия и большая часть пехоты уничтожены. Наоборот, требовал стоять до конца.

Я покинул основное поле сражения, поспешил к конному отряду, вскочил на готовую к бою лошадь и стал высматривать Лавра в подзорную трубу. Увидел полководца-неудачника на холме.

Очевидная, вроде бы, тактика: чтобы сломить сопротивление любого отряда, любой армии, лучше всего выбить их командира. Как ни сильны руки, без головы они стоят не больше манекена! Я этим старался пользоваться, а вот в армиях Нитупа о таком, казалось бы, очевидном действии, похоже, не особо задумывались. Но это их проблемы, а я решил прорваться к военачальнику. Велел всадникам следовать за мной в обход боя и сразу вырвался вперед на лучшем скакуне из всех, что были в нашей армии.

Тем временем и Лавр понял, что ему следует поспешно ретироваться с тем, чтобы уцелеть в возникшей мясорубке и не попасть в плен.

Такое удалось Шогу. Но в этот раз я был настроен решительно; хотел обязательно пленить главнокомандующего, не дать уйти очередному полководцу-неудачнику, личному другу Нитупа... Лавр с самого начала сражения потерял его нить. Он дергался, психовал, много орал. Но даже такую бездарность лучше держать в плену.

Мой лихой отряд ворвался с тыла в расположение временной ставки главнокомандующего. Четверых караульных сняли быстро, точными выстрелами из мушкетов.

Охранники Лавра засуетились, некоторые бросились к нам с кинжалами и саблями. Я срубил подскочившего офицера и бросал пару оставшихся у меня гранат в скопление охраны.

Убойная сила у моих гранат не высокая, но нужно было произвести эффект на мужиков, никогда ранее не видевших подобное оружие. Что неплохо удалось. Пока охранники приходили в себя, мы их изрядно порубали. Некоторые повалились ничком в низ, умоляя пощадить. Кто-то из них крикнул:

— Слава Всевышнему и его посланнику Алексею Освободителю!

Неглупый мужик! Такой крик способен сохранить жизнь.

Бойцы моей кавалеристской сотни крушили тех, кто был недоволен нашим появлением и пытался сопротивляться. Их оказалось не много, но они кидали кинжалы, которые поражали иногда лошадей и всадников. Однако у нас было явное преимущество, мы без особого труда расправлялись с застигнутыми врасплох вояками.

Но и в меня гвардеец с офицерскими эполетами метнул кинжал. Я заметил это и успел уклониться, усидел на лошади, после чего уложил негодяя точным ударом меча по телу.

Увидев человека с генеральскими погонами, я срочно поспешил к нему, по пути уложил еще одного гвардейца.

Генерал пытался остро отточенным клинком сбить меня с лошади. Я вновь успел среагировать и первым достал противника острием своего меча, да еще так ловко, что подрубил шею генерала. Он упал, выругался, задрал сапоги со шпорами и затих.

— И это тип низвергнут в ад! — сказал я. — Подайте мне скорее Лавра!

Охранники начали пятиться, отступать, они поняли, что им не справиться с крупным отрядом конников освободительной армии. Вокруг меня сражались лучшие мои бойцы, мы

превосходили людей Лавра по всем параметрам и уверенно продвигались к стоянке главнокомандующего. Удачный день предвещал скорую победу и пленение главной надежды Нитупа.

Вот только Хорошук чуть было не получил смертельное ранение. Его лошадь подрубили, он спешил, вступил в бой. Но клинок одного из телохранителей Лавра слегка полоснул бесстрашного бойца по шее. В последний момент Хорошук увидел удар и почти успел увернуться. Но кончик сабли все же зацепил начальника моей охраны. Рана не смертельна, вот только кровь идет. Если бы опытный боец не увидел маневр телохранителя или чуть промедлил, мог бы и голову потерять.

Все же пришлось оказывать Хорошуку и остальным раненым бойцам помощь. А меня Бог по-прежнему берег!

В это время Лавр на лошади попытался скрыться от нас. Далеко уйти ему не дали, я увидел военачальника и устремился к нему. Лавр противник, конечно, серьезный. Не зря же он считал самого себя асом из асов, личностью прославленной и бывалой. И не только он так считал, даже Нитуп был согласен с таким мнением. Но сейчас Лавр решил бежать, я погнался за ним. И вскоре приблизился к бывшему командующему бывшей крупной армии.

И я, и он остались на время без охраны, я вступил с Лавром в поединок. Он оказался примерно на голову выше и заметно тяжелее меня. Я, впрочем, привык к крупным противникам и нисколько не смутился.

Опытный военачальник неплохо защищался, парируя мои трудно предсказуемые удары. Неожиданно я рубанул скакуна противника по морде. Конь жалобно заржал. Мне вдруг стало жалко бедное животное. Оно-то чем виновато? Но долго предаваться печали не было времени.

Лавр свалился с лошади, нужно его пленить. И я покинул своего коня, но увидел, что Лавр выхватил громоздкий мушкет и готовится выстрелить. Ах, у него еще и оружие есть, пусть и допотопное! Не знал об этом, впрочем, пока механизм сработает, можно успеть уйти с линии огня. Я так и сделал, отшатнулся к готовящемуся отойти в мир иной коню Лавра.

Воевода произвел выстрел. Но попал в своего же коня, чем ускорил его кончину. Какой неудачный день сегодня выдался у полководца! И армию свою потерял и пленен сейчас будет!

— Кто ты такой?! — заорал взбешенный Лавр. — Кто тебе позволил нападать на меня?

Лавр, очевидно, не узнал вождя восстания, командира повстанцев. Не удивительно, меня ведь ему не представляли, и в одежде моей не было никаких знаков отличия.

Ироническим тоном ответил испуганному мужчине.

— Я — посланник Бога! Он прислал меня для того, чтобы поставить тебя на колени!

— Только попробуй, самозванец! Я самый уважаемый и лучший воин в России! — завопил бывший полководец.

— Отлично, люблю таких темпераментных! — ответил я, еще больше распаляя оппонента.

У Лавра имелся меч, он атаковал меня. Я заблокировал его удар своим мечом и стукнул противника носком ноги под коленку. Он взвыл и грубо выругался.

— Как не культурно — ругаться! — улыбнулся я. — Твое поведение отвратительно! Я удивлен тобой! А ведь сказал, что ты — самый уважаемый в России хряк!

— Я дипломат и полководец!

— Это было раньше! — злорадно ответил я, стараясь изобразить на лице максимум

презрения. — Теперь будешь в клетке сидеть и пощаду просить.

Хорошо обученный и достаточно подвижный для такой массы тела Лавр попытался сделать в мою сторону еще один выпад. Он хромал. Его коленка явно была повреждена, но в смертельной схватке боль не ощущается так, как в обычной жизни.

Я парировал удар Лавра и решил быстро покончить с врагом. Последовала стремительная серия, вроде тех, что проводят в американских боевиках. В результате выбил меч из рук знатного противника, затем подскочил к нему и ударил ногой по печени. Лавр потерял ориентацию, а удар кулаком в подбородок окончательно его отключил.

В это время примчались трое охранников Лавра, они попытались прийти на выручку своему воеводе, прыгнули с коней и словно цепные псы бросились ко мне. У меня хороший, очень острый меч, а про навыки свои я уже рассказывал. В результате короткой битвы один охранник потерял полруки, другой — голову, а третий бросился наутек, когда увидел, что ко мне на помощь скачут не менее десяти всадников освободительной армии.

— Как Хорошук? — спросил я бойцов.

— Перевязали, отправили в лазарет. Он послал нас за тобой.

— Я и без вас справился. Главарь повержен, осталось добить шестерок. Свяжите Лавра и отвезите в крепость. После битвы допрошу его. И лошадей прихватите.

Я вскочил на своего любимого коня и поехал на поле битвы. Словно пожар под сильным ливнем догорали последние угли в костре сражения.

Основные силы нашей повстанческой армии добивали пехоту. Оставшиеся в живых вражеские воины массово сдавались. Теперь никто не запрещал им делать это. Командующий был пленен при попытке к бегству, контроль над войском утрачен. Большая часть воинов правительственной армии нашли себе под Старой Руссой смерть, мало кто из них сумел вырваться из адской мясорубки боя.

А из раскрытых ворот древнего города все еще спешили вооруженные чем попало мужики и посадские. Бежали даже кузнецы, размахивая топорами и молотами.

Самый мощный наш воин по прозвищу Мамонт орудовал двумя дубинами с человеческий рост каждая, ими он добивал непокорных врагов. Я поразился его физической силе — несколько пудов держит в каждой ручище, да еще машет ими, словно палочками дирижера. А ведь здесь нет спортзалов, чтобы качаться, нет научных методик тренировок, да и с разного рода фармакологическими и анаболическими накачками никто не знаком.

Вот, бывают такие богатыри от Бога! Дубинами так лупят, что мечи подставлять бесполезно. Однако против моей хитрости тогда в лагере атамана оказался беззащитен.

Бесхитростный здесь народ почему-то. Наверное, воспитание такое. А вот у нас культ Остапа Бендера установили, жулики во власти и во всех структурах. Впрочем, и здесь верховная власть держится на обмане, без обмана сложнее эксплуатировать человека. Только обман в этом мире не имеет пока тех масштабов, что на Родине моей в двадцать первом веке.

А то, что люди хитрить не умеют, хорошо! Я воспользовался этим, благодаря хитрости одержал триумфальные победы.

Здесь и обучение воинов азбучное, изощренными приемами в схватке владеют лишь считанные единицы. Все это предопределило победы моей армии. Я был, и остаюсь их творцом!

Я чувствовал себя героем и радовался, что оказался в нужном месте. Плюс к тому чувство общей победы. Это что-то! Аж мурашки по коже!

Решил сообщить, что правительственное войско обезглавлено. Пусть воля тех бойцов, которые все еще сопротивляются, будет окончательно подорвана, а наши герои порадуются вместе со мной. Выкрикнул во всю глотку:

— Лавр пленен! Мы опять победили! Бойцы Лавра — сопротивление бесполезно сдавайтесь!

Не знаю, многие ли меня услышали в суматохе битвы и прислушались к совету сдаться. Но я был воодушевлен. Закричал своим опять:

— Еще напор! Виктория совсем близка!

Все же, наверное, кричал не зря: боеспособные воины бывшей армии Лавра стали активной сдаваться в плен. По крайней мере, я так решил.

Однозначно: у противника не было прежней координации. Солдаты в подавляющем большинстве поднимали руки вверх, а вот многие офицеры предпочитали умереть в бою.

— Вот так и гибнут армии! — сказал я подошедшему ко мне Александру Непомнящему. — Лавр пленен, победа, полная и безоговорочная. Распорядись, чтобы пленных не убивали.

Быстро редющие остатки армии врага металась из стороны в сторону, полностью потеряв ориентацию. А наши воины, наоборот, вдохновились успехами и продолжили крушить противника.

Наконец не выдержали даже офицеры — бросились бежать. За ними устремились все оставшиеся еще в бою солдаты.

Освободительное войско продолжило преследовать удирающих. Это была эйфорическая погоня! Конницы у противника не осталось, пехота же с амуницией быстро бежать не могла. А вот у нас были хорошие кони. Я вскочил на своего скакуна и помчался, поначалу поражая пехотинцев, однако постепенно их не осталось на моем пути. В надежде догнать и устранить кого-нибудь еще я продолжал преследование вместе с другими конниками, которые следовали за мной, но вскоре понял, что бесполезно махаю своим мечом, и решил вернуться назад.

На поле основного боя немногие уцелевшие воины противника все еще просили пощады. Особенно яростное желание сдаться изъявляли молодые бойцы. Им надоело бегать, они падали на колени и ожидали, когда подойдут бойцы освободительной армии. И клялись им, что они — за свободу, будут теперь верой и правдой служить новой власти.

Впрочем, такое поведение солдат поверженной армии меня не удивило. Ради чего им умирать? Чьи интересы они пришли защищать? А вот новая власть, возможно, улучшит жизнь в стране. Так и во время гражданской войны в моей родной России призванные в солдаты белой армии парни не проявляли героизма, некоторые переходили на сторону красных и добровольно защищали рабочую власть. Здесь ситуация во многом повторяется.

Затухли последние островки сопротивления. Это была полная победа нашей тактики, нашего героизма. Нитуп потерял очередную армию, на которую так рассчитывал.

Вдруг я увидел одного из бойцов, который избивал группу сдавшихся воинов. Красиво и эффективно бил ногой в пах и кулаком по телу. Пленный падал на землю, а мой боец приступал к следующему. У его ног валялось уже человек семь. Я присмотрелся: кто это так издевается над пленными? И узнал! Так это — Аленка! В сапогах, мужской одежде и шлеме. Ее можно было принять за юношу. Даже высокую грудь свою чем-то ужала.

Парировать удары разбушевавшейся Аленки пленные не смели. Здесь тактика ударов между ног неведома, тем более, для девушек. А она лупит молодых бойцов. Но как Аленка

попала сюда?

Я приблизился. Аленка крикнула во весь голос:

— Во имя свободы! — и снова атаковала очередного пленного.

Мужчина упал, а проказница увидела меня, приветливо помахала рукой. Ох, не исправима дивчина. Любит унижать мужчин.

Я подъехал вплотную и спросил:

— Зачем ты так?

— Ты же меня сам учил — бей в пах.

— Но они же пленные...

— Так я тренируюсь для будущих боев. Нам еще Тверь брать, а потом Москву. Я буду принимать самое активное участие.

— Да, ну!

— Ну, да! Мы же уже вместе дела делали. И охрану устраняли, и разъезд ликвидировали. Разве забыл? Я не подвела!

— Да, но рисковать жизнью такой красавицы я больше не имею права. Ты нужна нашей армии живой и здоровой.

— Это вождь восстания нужен армии! Это ты не должен рисковать! А рискуешь! Хорошук жаловался...

— Почему ты здесь? — грозно спросил я. — В крепости должна порядок поддерживать.

— Мне Александр Непомнящий разрешил немного потренироваться. А еще он сказал, что я буду начальником твоей охраны вместо выбывшего Хорошука.

— Я лучше знаю, кто будет, а кто нет.

— Но я буду отличной охранницей!

— Ты бы лучше помощь Хорошуку оказывала медицинскую, чем тут тренироваться, подвергать свою жизнь опасности и ко мне в охрану набиваться.

— Вот еще! Там Чарли есть для помощи. А мне Хорошук совсем не нравится. А тебя я буду очень хорошо охранять.

— Прыгай на коня! — велел я.

Аленка с готовностью легко запрыгнула на круп и спросила:

— Куда мы поедим?

— К Александру, — честно ответил я. — Где он?

— Возле редута. Уже празднуют с Мироном. Не обязательно ехать к нему. Здесь есть живописные места, которые стоит посмотреть.

Но мы поехали к Саше. Александр Непомнящий сидел в окружении командиров нашей армии. Я еще не видел таким довольным брата, очевидно, он был счастлив. Безграничным счастьем полководца, выигравшего важнейшее сражение без больших потерь. С этой точки зрения у меня было еще больше поводов для счастья. Но я пока не в полной мере осознал значимость сегодняшней победы. Все-таки разгром Шогу считал ключевой битвой, а сейчас сомнений в триумфе не было изначально.

— О, Леха приехал! — сказал обрадованный, под градусом, брат и полез ко мне обниматься и целоваться.

Не люблю целоваться с мужчинами, особенно пьяными. Показал рукой брату — не надо! Он переключился на спрыгнувшую с коня Аленку. Девушка оттолкнула мужика и убежала.

— Это ты ее в мою охрану определить обещал? — с улыбкой спросил я. — Даже тебя

испугалась...

Александр ответил так:

— А, чё? Отличная девка! Я бы ее к себе взял, а она к тебе просилась.

— Алексей, присоединяйся к нам! — крикнул Мирон.

Мне пьянствовать совсем не хотелось. Я вообще человек не пьющий. Сослался на то, что нужно осмотреть поле боя, распорядиться на счет пленных и раненых.

— А мы празднуем! — сказал Александр. — Имеем право! Все прекрасно, Леха! Лавр повержен. Есть время и повод расслабиться.

Нет, я ушел от веселой компании.

Последние островки кровопролитного сражения затихли. На поле брани появились русские бабы, не желавшие отсиживаться в тылу. Они помогали раненым, собирали трофеи, плакали по убиенным мужьям и сыновьям.

Меня трофеи не интересовали. Я больше думал не о триумфальном сражении, а об Аленке. И не знал, как вести себя с ней. Нравилась девушка мне! И ее сегодняшнее поведение казалось привлекательным. Надо было бы поухаживать за ней, а я только отвез ее назад. Я вообще не умею ухаживать за дамами. Получал отказы в родном мире от красивых барышень из-за своей чрезмерной поспешности, нетерпения и неверных действий.

Ладно, все образуется. Можно будет опять взять ее к себе в кавалеристский отряд, раз так хочет.

Вечерело. Солнце только что скрылось за линией горизонта. Небо в кровавых бликах приобрело зловещую расцветку.

Потери с обеих сторон оказались огромными. Особенно пострадало войско Лавра. Но и у нас довольно много защитников было убито, еще больше получили ранения. Тех, кто ранен легко, перевязывали на месте и они сами шли в крепость. Тех, кто не мог идти, на руках несли молодые бойцы.

Поле боя погружалось в летний сумрак. Убитых будем убирать и хоронить завтра. Ворон придется разгонять. Тучи хищного воронья, несмотря на поздний час, слетались на мертвечину и радостно орали, предвкушая долгий пир.

Русский бунт. Кровавый и беспощадный. Быть может, справедливый по сути, но не обходящийся без многочисленных жертв.

Я опять думал об этом и чувствовал угрызения совести. Тысячи мужиков оторвались от земли, взяли топоры и косы и пошли сражаться за новую жизнь. Они ищут свою правду и лучшую долю, но многие из них найдут смерть. Такова жизнь... Хотя, для раба смерть может быть лучше неволи...

Что касается пленных, их связали, отвели в крепость и разместили таким образом, чтобы исключить побег. Завтра предложу вступить в нашу армию. Тех, кто не захочет, придется отпустить. Хватит жестокости!

Как поступить с Лавром? Его отпускать нельзя! Допрошу и, пожалуй, оставлю под арестом в Старой Руссе. Еще похороны массовые придется организовывать. Но все завтра. Сейчас больше всего хотелось одного — хорошо выспаться. Усталость последних дней заявила о себе.

Перед сном думал о том, что не все даже в освободительной армии верят в то, что я на самом деле посланник Бога на земле. Да, был обман, я до сих пор чувствую легкие уколы совести. Но благодаря этому обману легче было собрать войско. И победы мы одерживали с помощью хитрости, по сути, того же обмана. Получается, обман обману рознь? Если во имя

справедливых целей — он благо, а если во имя обогащения и порабощения людей — зло? Наверное, так. Вот только кто определяет справедливые цели или нет? Пропагандисты Нитупа выставляют меня мерзавцем, негодяем, вруном, посягнувшим на устои великого государства, развязавшим кровавую войну. А простой народ считает освободителем. Пожалуй, только история рассудит, где справедливые цели, а где нет. Но и в этом случае многое будет зависеть от взглядов самих историков, от того, кто у власти в стране.

А еще я вспомнил, что испытал чувство удовлетворения, когда увидел, как Аленка лупит мужиков между ног. Хотя и прекратил это занятие. Были у нас случаи, когда пленных сторонников власти Нитупа жестоко избивали. А прокуратора мы и вовсе прилюдно выпороли. Жестокость — то же тема для исследования человеческой природы. Вот и в этом мире она проявляется. Скорее всего, унижая других или даже наблюдая за унижениями, человек ощущает свою значимость, как бы возвышается над теми, кого избивают, унижают. Аленку раньше унижали, потому она стремится сейчас взять реванш, развлекается таким вот образом. Не мне ее судить.

Что, если организовать специальные спортивные игры? Состязание — лучше способ выплеснуть свою энергию и злость. Тогда, может, и жестокости станет меньше. Хотя бы футбольный чемпионат организовать, чтобы люди матчи ходили смотреть, а не порки. Развлечения тоже важны. От того, какие они — формируется характер общества.

Значительная часть воинов Лавра предпочли смерти пленение. Утром следующего дня пленных построили в колонну. Командование нашей армии осматривало солдат. Я перед строем крикнул:

— Кто хочет жить достойно, присоединяйтесь к нам!

Почти половина солдат высказали желание перейти в освободительную армию. Это приличное количество, оно говорит о разочаровании властью Нитупа, ведь большинство тех, кто решил к нам не присоединяться, вообще не хотели воевать.

Пополнить свои ряды за счет бывших солдат противника — не самая плохая идея, однако можно занести в армию измену.

— Мы опять стоим перед дилеммой: верить ли присоединившимся к нам солдатам бывшей правительственной армии или нет! — с таких слов начал я очередной совет. — Что ты скажешь Мирон?

— Проверка каждого отдельного бойца занимает слишком много времени. Лучше использовать голубиные яйца.

— Это как? — спросил я.

— Дадим каждому пленнику по яйцу, пусть обхватит руками и сожмет, но запретим яйца давить, — предложил Мирон.

— Интересно! — сказал я и догадался, что предлагается своего рода примитивный детектор лжи.

Мирон продолжил:

— А потом пусть произнесут клятву верности делу повстанцев и их вождю, Алексею Освободителю. Разумеется, так, чтобы клялись все вслух и при этом яйца сжимали.

— Я понял! — поспешил блеснуть догадливостью Александр Непомнящий. — Тот, кто раздавит яйцо, говорит не искренне.

— Да, именно так! — подтвердил Мирон. — Конечно, тут может быть ошибка, но если человек говорит не искренне, он нервничает и от волнения давит яйцо.

— Во всяком случае, проведем эксперимент, — согласился я и добавил:

— У солдат, которые не захотели к нам присоединиться, возьмем клятву о том, что не будут больше с нами воевать, и отпустим по домам. А офицеров оставим здесь под арестом. И Лавр пусть посидит. Таскать его с собой нет смысла. Я только его допрошу.

Надменный Лавр в плену стал покорным, а потухший взгляд его говорил, что бывший дипломат, олигарх и военачальник сильно переживает. Хорошо, что в этом мире не приняты самоубийства.

Я не одобрял пытки, особенно высокопоставленных пленных. И держать их следовало в достойных условиях. Хотя прекрасно понимал: попадись к Лавру сам — заporоли бы до смерти.

Мне передали желание Нитупа: доставить самозванца в клетке в Москву. Тот же Шогу перед боем обещал, что так называемого посланника Бога ожидает мучительная смерть на лобном месте от розог палача. Жаль, упустили тогда Шогу. Зато теперь появилась возможность с Лавром поговорить.

Он оказался не настроен на диалог. Сразу отказался выдавать какие-либо государственные секреты. Рассказал только, что Нитуп боится меня после поражения армии

Шогу, который впал в немилость главы государства.

Понятно: для Нитупа я — загадка. Он хочет знать, кто такой самозванец и откуда он взялся. В версию посланника богов в окружении Нитупа не верят. Но не понимают, как я смог собрать такую армию и разгромить Шогу. И почему проявляю иногда милосердие к своим врагам. Даже Белого отпустил...

Я не стал объяснять Лавру ситуацию с Белым. Его допрос не дал мне ничего интересного. Так и не раскрыл он причину, почему из дипломатов решил стать полководцем. Наверное, все-таки жажда славы, желание стать фаворитом Нитупа, показать избранному на русский престол царю, что он лучше, умнее Шогу.

В моем родном мире были и есть люди, которым по нутру вкус крови и войны. Жажда наживы и приключений, желание реализовать свои самые низменные сексуальные и садистские фантазии, почувствовать безграничную власть над жертвами служат подпитками войны, которая дает возможность реализовать некоторые низменные потребности.

Война не улучшает характеры людей, скорее, наоборот, ухудшает. Когда есть возможность глумиться над поверженным противником даже голубь может стать стервятником. Такое справедливо и для этого мира. Потому я видел свою задачу и в том, чтобы удержать бойцов освободительной армии от грабежей и насилия. Они имели место быть, особенно в отношении олигархов и их семей. Но под горячую руку попадали ремесленники и их жены. Все это дискредитировало идею освободительной борьбы. Мы изгнали несколько человек, замеченных в грабежах, но костяк армии был собран из бывших разбойников, которые могли еще не раз проявить свою сущность.

Нам предстояло в ближайшее время продолжить свою борьбу. Я решил выступить перед армией и особо подчеркнуть, что грабежи и насилие будут жестоко караться. Только страх может обуздать низменные человеческие проявления.

Я люблю размышлять, философствовать, делать выводы. Но и текущими делами нужно было заниматься. Решил пойти на кладбище. Там хоронили погибших на общем огромном погребальном костре. Здесь считалось: огонь помогает душам перейти в загробный лучший мир.

Перед тем, как предать тело огню, многочисленные священники отпевали воинов. Как наших, так и Лавра. Приятный аромат ладана перебивал удушающий запах горящих тел. После короткого отпевания покойных просто сбрасывали в огонь ямы.

Мне стало не по себе, но здесь так принято, здесь такой ритуал: развести в глубокой яме костер, сжечь человека и только пепел и несгоревшие останки закопать. Никаких гробов, никакой скорби. Нет, у нас православный ритуал намного лучше, человечнее. Нужно будет потом здесь что-то подобное нашему погребению ввести.

Я подошел к человеку в богато украшенной рясе, местному митрополиту Кириллу, и задал вопрос, интересовавший многих в моем родном мире:

— Отчего люди, созданные по образу и подобию Божьему, так злы и не знают жалости? Почему убивают друг друга, истязают пленных?

— Потому что грех и гордыня наполнили их сердца, — ответил, тяжело вздохнув, Кирилл.

— Но, если Бог ненавидит грех, то почему он допускает его? — и этот вопрос я позаимствовал в родном мире.

Митрополит елейным тоном ответил:

— Тайна сия не подвластна людям!

Я улыбнулся:

— Это то же самое, что сказать: «Не знаю!»

Митрополит, стараясь не показать раздражение, спросил меня:

— А какое мнение по этому поводу у вашей светлости? Вы же посланник богов?

«Здесь такие же священники, как и у нас», — подумал я и ответил так:

— Думаю, грех и зло были изначально созданы Всевышним, чтобы люди не слишком наглели и жирели.

Кирилл спокойно сказал:

— Грех не от Бога.

Точно так говорят и в моем родном мире. Как все похоже!

Войско Лавра оказалось полностью уничтожено, а освободительная армия получила очередное подкрепление. Режим Нитупа был обречен, но для этого следовало продолжить боевые действия. Останавливаться на достигнутом нельзя: нужно ковать железо, пока горячо.

Я по-прежнему стремился реализовывать Суворовский принцип: развивать успех пока враг не оправился. На совете Александр Непомнящий выразил согласие с подобной тактикой:

— Мы будем лупить неприятеля, не давая ему передышки.

Гром согласился:

— Максимальная скорость, внезапность и ни секунды покоя!

Освободительная армия выступила в направлении Твери. Именно этот город был последним крупным городом на пути в Москву. По мере движения армии мы, как и раньше, планировали сходу брать села и мелкие города.

Все же следовало выбрать оптимальный темп. Я не слишком одобрительно относился к экспериментам Суворова. Передвигать солдат со скоростью в два-три раза быстрее, чем положено по уставу, значить — довести их до крайней степени усталости. Что пагубно может сказаться в бою. Удивительно, но Суворова ни разу не наказали за дерзость скоростного перемещения, он использовал внезапность. Однако после него подобная тактика не прижилась.

Я пришел к такому выводу: можно идти с максимально возможной скоростью, но перед важным боем обязательно дать солдатам отдых.

Чтобы увеличить скорость хода освободительной армии, следовало, естественно, ускорить пехоту. Для этой цели я поставил в конце войска кавалеристов и приказал им подгонять отстающих.

Переход к Твери не близок, однако я и на ходу старался принести пользу войску. Практиковал команды по управлению конницей и пехотой, экспериментировал со скоростью передвижения.

Со мной постоянно находилась Аленка. Она все же уговорила взять ее в охрану и теперь старалась не отставать от меня.

На второй день перехода мы вышли после ночного отдыха, я наслаждался свежим летним утром. Вдруг Аленка спросила:

— Скажи, а посланник богов может иметь детей?

Мне хотелось бы, чтобы у меня были дети. И в старости под боком любимая жена.

Ответил задумчиво:

— Боги не против детей.

Аленка на это сказала:

— Знаешь, ребеночка от тебя я не отказалась бы иметь!

Я заморгал от неожиданности. Люблю детей, хотел бы обзавестись ими, но неизвестно, что со мной будет дальше. Может, погибну или перенесусь в свой мир...

Аленка с интересом ожидала ответа. Я посмотрел на красавицу: очень нравилась она мне, нет, не могу сопротивляться своему влечению. Ответил с улыбкой:

— Не вижу препятствий!

Аленка оглянулась и сказала:

— Не люблю медленную езду! Давай прищорим лошадей, чтобы оторваться от основной массы.

И мы погнали коней во всю прыть. Нам удалось найти стог свежего сена. Мы нырнули в ароматную траву. Страсть полыхала, словно костер в сухом лесу. Объятья были жаркими и нежными. Куда-то уплыла Вселенная, ушла из-под черепной коробки. И не было ничего вокруг, кроме нашей всепоглощающей страсти!..

Как жаль, что нельзя остановить время. Пришлось продолжить путь, догонять своих.

— Давай, пока пехота тащится, возьмем с собой кавалеристов и захватим Торжок, — предложила Аленка, когда мы вновь встали во главе войска.

Меня идея заинтересовала. Торжок находился хоть и не далеко от основного пути на Тверь, но в стороне. Город сравнительно небольшой, однако важный: торговый и ремесленный. Не следовало оставлять его в тылу без установления советской власти, лояльной нам.

Аленка убеждала меня:

— У нас самые лучшие всадники, они сильны, храбры, а ты непобедим, тебя поддерживают Боги. Мы быстро, без потерь, легко возьмем город.

Я кивнул головой, подъехал к Александру Непомнящему:

— Ты веди войско на Тверь, а я возьму кавалеристов и сходу займу Торжок.

Александр уточнил:

— Думаешь, стоит разделиться?

Аленка услышала наш разговор и почти закричала:

— Да, Алексей прав! Нельзя терять время! Идите на Тверь, а мы освободим Торжок и догоним вас.

— Ты, это, того: будь осторожней с этой освободительницей, — улыбнулся Александр. — Ладно, бери конницу, обойдемся пока без вас.

Уже через пару часов тысяча всадников спешила к Торжку. Я и Аленка на отличных конях по привычке немного оторвались от остальных всадников. Аленка задал мне вопрос:

— Откуда ты так много необычных слов знаешь?

Я спросил:

— Каких слов?

— Революция, прогресс, социализм, интернет и других, таких, какие здесь никто не знает, — ответила Аленка.

Затем с показной сердитостью девушка добавила:

— Говори, кто ты!

Я с ухмылкой ответил:

— Вождь восстания имеет право хранить тайну!

Аленка серьезным тоном спросила:

— У тебя на это есть причины?

— Да! Есть причины не говорить все сразу!

Аленка хотела что-то ответить, но острый слух ее уловил впереди шум. Прислушавшись, девушка сообщила:

— Разъезд! Несколько человек!

Я улыбнулся:

— Испугалась? Повернем к своим?

— Нет! Сами справимся! Маленькая мясорубка нам не помешает! Будем драться!

— Для начала давай в укрытие!

Мы свернули с дороги в лес.

Аленка попросила:

— Дай, пробую метать твои диски. Я тренировалась швырять в противника острые предметы.

У меня был с собой комплект дисков, которые мне сделали в Старой Руссе.

Всадников оказалось пятеро. Судя по форме — сборщики налогов. Они беспощадно грабили население, вместе с гвардейцами препровождали в карцер тех, кто не хотел платить.

Честно говоря, я был не против принять бой. Жизненная энергия опять требовала выхода. Аленка, которая дралась на зависть многим мужчинам, то же была рада пустить кровь сборщикам налогов, их она считала негодьями.

Атаку начали с нового развлечения — метания дисков. Меня поразило, как ловко красотка управлялась с недавно изготовленными русскими кузнецами стальными предметами. Без тренировки, она их запускала сильно и довольно точно. Из пяти дисков три поразили мишени, два попали во всадников, третий — коню в шею.

Я тоже метнул пять дисков, мог бы и больше, но мишеней не осталось. Всадники попадали, а лошадей было жалко. Все, кроме одной, пораженной, убежали.

Увидев, что упавшие мужчины пытаются подняться, мы привязали своих коней и выскочили из-за деревьев. Первым же ударом меча я срубил ближнего противника, прежде чем тот успел поднять вверх свою саблю. Аленка синхронно повторила мой маневр. Я одобрительно крикнул:

— Молодец, красотка! Ты несешь смерть врагам!

Воительница свалила ударом ноги пытавшегося встать человека и ответила мне:

— Кто бы сомневался!

Я атаковал очередного мужика ногой в подбородок, он замахнулся на меня и хотел рубануть саблей. Получил по голове, а вдогонку — удар мечом. На ногах остался только человек с приметным вензелем старшего сборщика налогов. В руках у него мелькнул мушкет. Хорошо вооружены служивые, не хуже гвардейцев!

Я швырнул в сторону налогового свой меч. Мужчина уклонился и пальнул в моем направлении. Промахнулся! На второй выстрел у него уже не было времени. К нему подскочила Аленка.

Первый выпад воительницы сборщик налогов успел парировать, а во втором девушка мощным движением меча, словно сорный пучок, срезала кисть руки налогового. Чиновник взвыл от боли, попятился и тут же захрипел: в горле торчал неуловимо прилетевший диск, запущенный мной с близкого расстояния.

Аленка добила еще двоих бывших всадников.

— Хорошо поработали! — удовлетворенно сказала девушка и почти нараспев добавила:

— Кто ловок, тот дерется, кто сильный — храбро бьется, кто умный — правду тот найдет!

Тем временем подъехали остальные наши воины, и мы все вместе двинулись дальше.

Я хорошо понимал важность быстрого взятия Торжка. Вариант с осадой крепости даже не рассматривал. Нужно было придумать, как взять город сразу и без потерь.

Я вспомнил, как брали крепость в Питере. Достаточно простая хитрость

предопределила тогда ход сражения. Сейчас можно было бы попробовать повторить маневр, но почему-то хотелось выбрать другое решение. В хорошем кино обходится без повторов, а я в какой-то мере уже свыкся с мыслью, что со мной происходит что-то очень похожее на киношные съемки, только без дублей и наяву...

Аленка предложила свой план:

— Мы с тобой попробуем тихо забраться на башню, бесшумно прорвемся к воротам и откроем их нашим кавалеристам.

Я с улыбкой возразил:

— Ты слишком уж заметная! Такая нетипично белая...

— Ты уже это говорил! — возмутилась воительница. — А тогда я помогла, помогу и сейчас!

— Может, на этот раз без тебя как-нибудь обойдемся? — с улыбкой спросил я.

— Ну, пожалуйста, не обходишь без меня! Мы с тобой хорошо справимся! Я неплохо владею мечом, саблей и ногами, но пока еще не вошла в историю восстания. Не хотелось, чтобы летописцы не упоминали обо мне. Нет, мне хочется играть активную роль, чтобы все знали, какая боевая подруга была у посланника богов. Уже сейчас тебя считают лучшим полководцем всех времен, а меня почти никто не знает.

— Тебя хорошо запомнят мужики, которых ты била между ног! — опять пошутил я.

— Но этого не достаточно! — вскрикнула Аленка. — В Торжке крепостные стены маленькие, мы легко заберемся на них. Ночью нас никто не увидит.

Ладно, пообещал взять Аленку с собой, чтобы не сильно расстраивалась.

В сумерках наш отряд подъехал к Торжку. Затаились в лесу недалеко от ворот в крепость.

Город был неплохо укреплен: каменные стены, башня с охраной, обросший камышом зловонный ров, в который сливали нечистоты

Аленка указала на узкие бойницы с решетками и сказала:

— Придется проникать через верх. Там, где часовых нет. И снимать бесшумно караул с той стороны ворот.

Я согласился:

— Только через верх и остается.

— Ничего, попробуем справиться! — с оптимизмом ответила девушка, она очень хотела вновь показать свою удаль.

Я потрогал тетиву легкого лука. Уже недурно стрелял из него. И до этого был опыт, но спортивное оружие и боевое — две большие разницы. При штурме, в общем, не самой сложной крепости придумывать что-то изощренное казалось излишним. А вот проверить себя, сможем ли мы с Аленкой действовать методами спецназа, показалось мне привлекательным. Да и красавицу порадовать своим доверием захотелось.

Я сказал своим бойцам:

— Пасмурно, ночь будет темной. Всадники пусть затаятся здесь, мы с Аленкой попробуем отрыть вам ворота и дадим условный знак. Если будут проблемы, сразу вернемся.

Молодой боец напросился помочь подать сигнал, когда ворота окажутся открытыми.

Аленка посмотрела вверх: нет ли просветов на небе. Кажется, наоборот, еще темнее стало и начал накапывать легкий дождичек.

— У врага в городе не много сил, — сказала девушка. — Бой предстоит не сложный.

Я ответил:

— Все равно придется повозиться. Главное — впустить конников в крепость.

Аленка была полна оптимизма:

— Скорее всего, простой народ поможет, как в Новгороде и Старой Руссе. Плюс у нас лучше организована конница. Уверена, победа опять придется без проблем. А в случае успеха только Тверь останется серьезным препятствием на пути к Москве. Так, что мы близки к победе и...

Я перебил:

— Не говори раньше времени, а то спугнешь удачу!

Аленка возразила:

— Надо настраиваться только на легкую победу. Сейчас совсем темно, в городе все спят, пойдем, разбудим их!

Часовые стояли у ворот, мы отошли на приличное расстояние, нашли бревно, преодолели на нем ров, забросили веревки с крюками на стену. Усилившийся дождик гасил звуки.

Ночью видимость при дожде почти нулевая, наша пара двигалась бесшумно. Взобрались быстро: крюки, как якоря, уверенно держали наши стройные тела. Потом пришлось ползти по стене, бесшумно спускаться по веревке вниз.

Возле караулки в крепости у ворот стояли двое часовых. К ним подкрались со спины, словно привидения. Я зажал рот тому, кто выглядел мощнее, затем резко, словно болт, круганул шею. Хрустнули позвонки, часовой бесшумно обвис.

Аленка поступила проще: одновременно с моими действиями всадила кинжал в шею второго мужика.

Часовых можно было бы снять из бесшумного лука, не приближаясь к ним. Но, чтобы стражники не подали голос, нужно уметь очень точно попадать в шею. Это тоже искусство — так с дистанции поразить врага. Еще и синхронно. Мы не рискнули стрелять. И так получилось удачно.

После снятия часовых пришлось заняться воинами в караулке возле механизма, который поднимает ворота. Я заглянул в небольшое окошечко и в свете горящих свечей увидел, что несколько человек спят, двое режутся в карты, попивая из больших кружек, скорее всего, вино.

Прикинул: шесть человек. Много против двоих. Но караульные пьяные, внезапность на нашей стороне, можно порубиться!

Как раз двое игроков встали из-за стола и вышли, чтобы отлить. Но не успели спустить штаны — наши свою смерть. Мы поработали кинжалами и ворвались в караульное помещение.

Я атаковал стремительно с кинжалом и саблей, которую на этот раз взял вместо меча. При этом активно использовал ноги. Полупьяные стражники — плохие соперники, я рубанул первого из них, не давая шансов очухаться ото сна и нанести ответный удар.

Аленка не отставала. Она вонзила саблю в заторможенного мужика, затем пяткой с разворота припечатала вскочившего с нар бойца.

Я крикнул Аленке:

— Умница! Знай наших! — и тут же рассек очередного клиента, застав его душу улететь в преисподнюю, после чего красиво воспроизвел в полете вертушку и завалил следующего бойца.

Одни из стражников все же быстро пришел в себя после удара Аленки и успел даже поднять мушкет, но получил локтем между глаз от подскочившей девушки. Хорошо всадила! Оба глаза полезли из орбит. А я схватил выпавший мушкет и ударил прикладом в голову мужчины.

Здесь все кончено. Без шума и криков. Мы не пострадали.

Аленка спросила:

— Что теперь? Пора мост опускать, ворота открывать?

Я сделал вид, что слегка обиделся на такой вопрос:

— Забыла, ради чего мы сюда вообще явились?!

Механизм опускания моста оказался довольно простым, но немного поржавевшим. Не без труда удалось столкнуть мост с мертвой точки, железные цепи заскрипели, словно древний бабушкин комод, конструкция пришла в движение медленно, но исправно. Все шло по плану, Аленка вплотную приблизилась ко мне, поцеловала в губы и шепнула:

— Видишь, я говорила: у нас все получится! Мы как боги!

Обрадованный коротким поцелуем, я снова похвалил напарницу:

— Ты умница! Без тебя бы так хорошо не получилось!

Тем временем затаившийся возле ворот наш боец подал сигнал с помощью условленного крика филина. Кавалерия освободительной армии из укрытия рванула лавиной в открывающиеся городские ворота. Караул на входе с той стороны был сразу сметен, затопали десятки копыт, задрожали доски моста. Разбуженные горожане пытались понять, что за шум последи ночи.

Недалеко от ворот был расквартирован гвардейский отряд. Некоторые гвардейцы стали выскакивать на улицу. И падали с рассеченными головами.

Впрочем, слуги режима быстро сообразили, что нужно немедленно поднять мост, пока не все кавалеристы противника успели проскочить в узкий коридор ворот. Самые отчаянные защитники города сделали попытку прорваться к мосту, пусковой механизм которого защищали только я и Аленка. Некоторым удалось добраться до нас. Хотя я уже не раз видел свою напарницу в дела, в тот раз все же опасался: устоит ли девушка под напором гвардейцев. Решил основной удар принять на себя. Рубил врагов отчаянно кинжалом и саблей. Супостаты заваливались у моих ног.

И все же под напором вражеских бойцов нам пришлось отступить. При этом меня зацепили клинком по руке. Осторожнее надо! Теперь чужая кровь смешалась с моей собственной.

А наши конники все рвались в город, не обращая внимания на сражение в темноте у моста.

Сумеем ли мы с Аленкой устоять и выжить? Для этого следовало выбрать себе лучшее место для обороны.

Я крикнул напарнице:

— Давай наверх вплотную к пусковому механизму!

Пропустил ее, девушка двинула пяткой по голове здоровенному гвардейцу. Тот повалился, а Аленка взбежала по ступенькам узкой лестницы на самый верх. Я — за ней. Под руку попалась тяжелая пивная бочка. Ловко сбросил ее на головы нападавших на нас мужиков. Бочка покатила, заставляя гвардейцев валиться со ступенек.

Я зачем-то нервно прокричал:

— Пьянству — бой, вам капитуляция!

Аленка тоже швырнула какой-то бочонок поменьше. Он прокрутился и лопнул. Из него полилась жидкость непонятного предназначения с отвратительным запахом. Какой-то громила поскользнулся, сбил нескольких гвардейцев и все они кубарем покатались по скользкой лестнице.

Я прокричал:

— Забирайтесь ко мне! Сейчас еще вас чем-нибудь угощу!

Но это был, скорее, крик отчаяния. Толпа гвардейцев продолжала напирать. Аленку тоже успели поцарапать. Сквозь разрез поврежденной ткани вдруг обнажилась ее грушевидная девичья грудь.

На мгновение это отвлекало голодных до женского пола мужиков. А Аленка что есть силы, во все горло, заорала:

— На помощь!!! Помогите!!! Скорее к нам!!!

Тут, наконец, наши конники обратили внимание на бой у спускового механизма. Разворачиваясь на ходу, они быстро порубили неприятеля. И двинулись дальше.

— Как вовремя ты заорала! — одобрительно сказал я, вытирая кровь и переводя дух. — Еще чуть-чуть и того... Но что так поздно-то? Не могла закричать раньше?

— А ты почему молчал? Сам мог бы позвать на помощь своих бойцов.

Логично! Я не знал, что ответить. В ходе боя даже не задумался об этом. Но хорошо то, что хорошо кончается.

Правда, мы успели получить легкие рассечения и испытывали головокружение от усталости, стресса и потери крови. Но это ерунда, скоро пройдет.

Я спросил:

— Сколько же мы их положили?

Аленка пожалала плечами:

— Вместе со стражниками десятка два.

«Нет, нельзя так больше рисковать!» — подумал я и сказал:

— Нас двое, расклад оказался суров, сентиментальность едва не стоила жизни, но наш путь — побеждать! И шансы мы смогли уровнять!

В городе слышались редкие мушкетные выстрелы. За исход сражения опасений не было никаких. Даже без командира кавалеристы сметали все на своем пути. Защитники прежней власти быстро утратили боевой пыл. Они поняли, что не смогут противостоять ворвавшимся в город людям и принялись сдаваться.

Комендант города, перепуганный слухами о победах освободительной армии, позорно сбежал через потайной ход, а без него большая часть гарнизона не хотела умирать. Лишь те, кто пытался помешать нам с Аленкой у моста, и несколько десятков других гвардейцев оказали сопротивление, прежде чем предстать перед судом Всевышнего.

Когда все закончилось, мне и Аленке обработали порезы. Я был настолько уставшим, что не стал ничего делать в городе, а залег отсыпаться в стог сена. Аленка, которая не теряла меня из вида, легла рядом и то же уснула. Было не до ласк: следовало хоть немного восстановиться после бессонной ночи и кровавой драки. А потом догонять основное войско, которое двигалось в направлении Твери.

◆лись в лесу недалеко от ворот в крепость. Город был неплохо укреплен: каменные стены, башня с охраной, обросший камышом зловонный ров, в который сливали нечистоты

Кавалеристский отряд успешно выполнил свою задачу и влился в освободительную армию.

Вскоре мы подошли к городу-крепости Тверь. Это была мощная, сравнительно густо населенная цитадель. В городе могли укрыться бежавшие с полей сражения воины армий Шогу и Лавра. Так что сопротивление могло быть упорным, несмотря на то, что мы, почти наверняка, значительно превосходили защитников крепости по численности. И, естественно, по боевому духу.

Я спросил я у сопровождавшей меня Аленки:

— Ну что, красавица? Полезем на стены или разрушим ворота и пойдем на штурм Твери? Стены еще не штурмовали. А, может, оставим город в блокаде и будем ждать, пока они сдадутся?

Аленка решительно ответила:

— Лучше быстренько взять город штурмом и, пока лето не кончилось, идти на Москву. Столица должна быть наша до холодов.

Я с улыбкой согласился:

— Должна! Но близок локоть, да не укусишь...

Аленка покачала головой:

— Что за отсутствие оптимизма? Мы здесь, чтобы побеждать, и должны опять быстро разделаться с ними!

Конечно, я понимал, что Тверь с ее мощными укреплениями так просто не взять, но и осада города могла затянуться надолго.

Принял решение:

— Будем готовиться к штурму! Ворота взять тараном вряд ли удастся, придется лезть на стены.

Созвал командиров и распорядился:

— Кавалеристы, обыщите пригородные имения и прихватите лестницы и веревки. При штурме будем использовать множество лестниц, также веревки с крючками. Мирон и Семен, дайте задание мужикам сделать штурмовые приспособления. Лестницы должны быть широкими и очень крепкими, чтобы по ним могло пройти много воинов. Попробуйте изготовить их сами с большим количеством перекладин и специальными крюками для крепежа на стене. Штурм должен быть дружным и стремительным. Городом обязаны овладеть быстро и установить, как и в других местах, братскую нам власть!

Скрываться больше не имело смысла. Я распорядился окружить крепость сплошным кольцом, чтобы из нее «не было предпринято никаких вылазок, и даже крыса не могла проскочить». Хорошук с несколькими обученными бойцами аккуратно снял часовых у ворот. Мы взяли под свой контроль единственный въезд в крепость и стали активно готовиться к штурму, который решили начать ночью одновременно во многих местах.

Все освободительное войско готовилось к штурму. Однако жизнь внесла некоторые коррективы. Крепость выслала посланника. Его спустили со стены на люльке. Человек в рясе священника принес внушительный мешочек с золотом и на переговорах со мной предложил освободительной армии уйти, обещая взамен десять возов с богатой добычей.

Я с улыбкой спросил:

— Вы такие богатые? И где эти десять возов?

Священник ответил смиренным тоном:

— В городе...

Я ухмыльнулся:

— Так мы можем взять их и сами! А ты возвращайся, передай, что даю вам всего два часа, чтобы вы выбросили белые флаги и открыли ворота. Иначе будет штурм!

Священника подняли в крепость. Ни через два часа, ни через четыре сдачи города не последовало. Я решил не дожидаться ночи — все равно нас ждут, внезапности не будет! Приказал идти на штурм. Под прикрытием дымовых шашек воины устремились на стены.

Наши люди ничего не боялись. Мощная и непобедимая освободительная армия одним своим приходом вогнала неприятеля в дрожь. А уж когда пошли на штурм, представляю, какой ужас ощутили гвардейцы и другие сторонники власти Нитупа.

На этот раз я не стал непосредственно участвовать в штурме. Наблюдал за происходящим из укрытия недалеко от ворот. В поле моей видимости находилась дивизия Мирона. На стену взбиралось все больше бойцов. Лестниц было много, с хорошими крюками, и стража не успевала все их скинуть.

Но в моих бойцов полетели стрелы, они отбивали смертельные гостинцы щитами и лезли дальше. Некоторые лестницы рухнули с приличной высоты вместе с людьми. Они ушиблись, но большинство оставались живы, те, кто не получил серьезных повреждений, вновь полезли наверх. На земле, правда, остались лежать убитые и покалеченные бойцы.

В одном месте первые смельчаки прорвались на стену и сцепились со стражниками.

Тут я заметил, что подъемные мосты опускаются, а ворота в крепость открываются. Как выяснилось чуть позже, это местные бедняки решили впустить освободительную армию, они воспользовались тем, что гвардейцы заняты обороной стен и перебили немногочисленную оставшуюся у ворот стражу.

— Измена! — послышались вопли с той стороны крепости.

Как часто измены решали ход сражений в моем родном мире. Но разве можно назвать изменой порыв людей к свободе? Хотя, конечно, они изменили власти своих угнетателей. Но оказали неоценимую услугу освободителям.

Я закричал кавалеристам:

— Немедленно в крепость, пока не закрыли ворота, сразу возьмите их под контроль!

Всадникам удалось быстро проникнуть за ворота и вступить в бой. Кавалеристы — лучшие воины в моей армии, они неудержимым цунами прошли по тем, кто был им не рад.

Я же постарался сразу перенаправить и штурмующих стены бойцов к воротам крепости. Управлять ураганом боя оказалось не просто, но к внезапному открытию ворот и нападению со стороны кавалеристов и защитники прежней власти оказались не готовы. У них все было построено так, чтобы отбить натиск снаружи, а получилась атака еще и изнутри.

Некоторые мои бойцы успели успешно забраться на стену. В одном месте даже собрался небольшой отряд под предводительством Грома. Он увидел нашу конницу в крепости и звонко закричал с высоты:

— Гвардейцы, сдавайтесь! Зачем умирать за богатеев?!

Затем сшиб ногой со стены стражника и добавил:

— Мы за справедливость! Поделим поровну богатства!

Ладно, пускай покричит, исход боя ясен, скоро все спустятся с лестниц, я сделаю Грому выговор: не орать нужно, а прислушиваться к моим командам.

Большая лавина наших воинов влилась в город. Сопrotивление гвардейцев оказалось очаговым. Многие горожане помогали повстанцам, указывали, в каких зданиях скрываются сторонники прежней власти. Их ряды таяли как снег на летнем солнце.

Некоторые из тех, кто оказывал нам сопротивление в первые минуты штурма, бросали оружие и становились на колени. Как и в других местах люди не хотели умирать. Земная жизнь — слишком большая ценность, даже если церковники внушают, что после смерти будет другая, более счастливая жизнь.

Группу пленных построили возле ворот. Аленка заставила их целовать следы своих ног. Девушка специально оставили на грязи отпечатки обуви. И тыкала пленников лицами в грязь.

Я сначала улыбался, затем с сомнением спросил:

— Ты опять за свое?! Говорил уже тебе: не стоит так унижать людей!

Аленка ответила:

— Нет, ты не прав! Врага нужно унижить, чтобы он знал свое место и больше с нами не связывался!

Я с улыбкой предложил:

— Может, отпустим их? Чтобы всем рассказали о твоих унижениях и боялись тебя пуще всех наших бойцов-мужчин. Вон, ворота открыты, пусть идут!

Аленка решительно ответила:

— Нет! Мной никого не напугаешь!

Я топнул сапогом, разбрызгивая грязь из большой лужи, и сказал:

— Все-таки я тут командир! Приказываю тебе перестать издеваться над пленными!

Аленка ответила так:

— Если хочешь и дальше быть успешным командиром, больше доверяй мне!

Я продолжил говорить с иронией:

— В вашем мире строптивых женщин порют!

Аленка презрительно фыркнула. И ударила ногой по попе стоящему на четвереньках пленнику. Сильно дала, мужчина упал и долго не мог подняться.

Я неодобрительно покачал головой и сказал:

— С такой девкой опасно иметь дело. В следующий раз найди себе другое развлечение. Какая доблесть унижать и бить безоружных?! Следует в бою побеждать сильных противников.

— Так ты мне не разрешаешь сражаться в бою, — сказала Аленка и вдруг высоко подпрыгнула.

Она прокрутила в прыжке сальто. Прямо как акробатка. После чего приземлилась на ноги и продолжила:

— Они издеваются над нашими людьми, порют, сажают в карцер, они служат господам, которые веками унижали нас, издавали законы, по которым рабочие и, тем более, отверженные оказывались абсолютно бесправными. Гвардейцев и бывших господ надо унижать, чтобы знали, что это такое! Вот и мудрые люди говорят: врага не щади, как бы не был он слаб.

— Мудрецы говорят: не отвечай на зло насилем, — сказал я. — Ты же унижаешь в первую очередь потому, что тебе это нравится, а речью своей просто оправдываешь поступок.

— Ладно, считай, что я погорячилась, — ответила Аленка. — Больше не буду тыкать

пленных лицом в грязь.

«Что-нибудь другое придумает в следующий раз», — подумал я.

И в этом городе сопротивление гвардейцев оказалось слабым, а местное население поддержало освободителей. Так что война продолжала идти как в сказке: победоносно, легко, быстро. Я понимал, что нахожусь в этой самой сказке, но расслабляться рано. Хотя, скорее всего, до самой Москвы не будет серьезного сопротивления. И в столице наша мощная армия будет существенно превосходить гарнизон Нитупа, оставшийся там после разгрома основных сил.

Что же, будем двигаться дальше в поисках новых битв и приключений. Скоро осень, нужно было спешить, пока не зарядили проливные дожди, а потом не установились холода. Я любил летнее тепло. Хорошо, когда много солнца и света, когда теплый, приятный ветерок ласкает тело.

Эх, стать бы снова мальчишкой лет четырнадцати, пробежаться босиком по щекочущей ноги траве, полежать в тишине и одиночестве возле ручья, окунуться нагишом в прохладную воду. Ведь вождю восстания подобное не к лицу.

Город отошел повстанческой армии, войско по традиции пировало.

Я во время застолья почти не пил и не танцевал. А вот мои ребята активно праздновали, смеялись, пели песни. Все по-прежнему шло очень даже хорошо. Одержана череда побед, Лавр в плену, местное население в основном поддерживает освободительное войско. Мы непобедимы! Защитникам режима нечего нам противопоставить. И повоевали хорошо, и трофеев много захватили. А впереди — полная победа, триумф и почет. О чем еще можно мечтать? А мне почему-то стало грустно. Пресыщение от легких побед, что ли, наступило? Или воевать надоело? Скорее всего, походная жизнь наскучила, хочется вернуться домой, туда, где родился, чтобы наслаждаться мирной жизнью. Видимо, это ностальгия заявила о себе. Даже при феноменальных успехах тянет в привычную ранее жизнь и обстановку, знакомую с детства.

Все же, раз судьба забросила меня сюда, до конца выполню свою миссию, а там видно будет. Здесь ведь можно припеваючи жить в почете, достатке, с влюбленной в меня красавицей Аленкой. А что на Родине? Возможно, тюрьма...

Тверь стала очередной жемчужиной в череде наших завоеваний. Празднества в честь обретения свободы и установления советской власти продолжались два дня. Много было выпито вина и меда.

Прочие поселения по соседству также принесли присягу на верность освободительному движению и лично мне, посланнику главного Бога на Земле.

Мои люди провели разъяснительные беседы с населением и выступили по местному радио, где объявили об аннулировании всех прежних повинностей и долгов. Отменили обязательные уколы и многие налоги. Люди смогли вздохнуть свободно. Жители Твери искренне радовались переменам в своей жизни.

Празднества проходили с ликованием. Меня считали настоящим супергероем, творцом побед, истинным посланником богов. Некоторые падали передо мной на колени, целовали следы моих ног. Но мне такое восхищение не нравилось! Не знаю, в моем родном мире отдельные политики ради обожания толпы готовы пожертвовать всем, пойти на любые преступления. А я стеснялся своей славы. Может, характер такой, а, может, постепенно начну воспринимать культ личности как должное.

Походная жизнь звала к новым победам и приключениям. Долго задерживаться в

гостеприимном городе мы не могли.

Некоторые крестьяне и городские бедняки записывались в ополчение, присоединялись к освободительной армии и готовились к походу.

Местные жители судили и выпороли несколько бывших господ, а новым главой города выбрали молодого мужчину по имени Борис. Именно он организовал отряд, который открыл нам ворота в крепость.

Прежде, чем расстаться, я решил поблагодарить Бориса:

— Спасибо за помощь, трюк с воротами.

— Я слышал, что вас послал сам Всевышний Бог, который запретил почитать иных богов. Не слишком ли тяжело будет Всевышнему одному уследить за всеми нами? — задал неожиданный вопрос Борис.

Пришлось придумывать ответ:

— На то он и Всевышний, у него есть еще архангелы и ангелы, чтобы следить за всеми нами. Вообще-то разных богов вместе с храмами у вас сотни, а лживые священники и жрецы стали невыносимым ярмом на шее народа.

Человек, который кем-то восхищается, всегда одобрит ответ своего кумира. Вот и Борис сказал с воодушевлением:

— С этим нельзя не согласиться! Теперь будем жить по вашим заповедям. Огромное спасибо вам за все!

Мужчина попытался поцеловать мне руку. Я отдернул. Не привык еще к такому почитанию.

Наше войско продолжило поход на Москву. Ближайшим населенным пунктом на пути был Клин, небольшой городишко, имевший, впрочем, свой гарнизон, который, по нашим данным, был предан власти Нитупа. До Клина, кроме мелких хуторов, других поселков не было.

Кавалеристы двигались как обычно впереди, пехота и обозы отставали. На лошадях из Твери до Клина ехать часа три средним темпом, а пехотинцы за день точно не уложатся.

На малом совете я предложил не ждать пехоту, а опять атаковать Клин конницей. Аленка, изображавшая из себя моего главного советника, решительно заявила:

— Правильно! Нечего медлить! Ударим, и внезапность даст нам очередную триумфальную победу!

Хорошук с этим согласился:

— Не будем откладывать нападение. Они думают, что мы в Твери, а мы нагрянем внезапно и порубаем их.

— Пока ждем пехоту, только время потеряем, — опять сказала Аленка. — А еще интересно посмотреть, насколько легко мы справимся.

— Прошлый раз у нас с тобой были проблемы, — напомнил я.

— Так в Торжке нам на стену высокую пришлось лезть, а в Клину таких стен нет, — настаивала воительница.

Я принял решение атаковать Клин конницей, приказал кавалеристам ехать за мной и быть готовыми к бою.

Рискованно нападать без пехоты, но расчет делался на то, что противник не ожидает такого нападения. Не логично, имея мощную пехоту, бросаться на врага одной конницей. Но один раз такой маневр прошел, и я опять был уверен в успехе.

Возможность вступить в бой даже обрадовала меня. Все-таки любил я военные приключения! Особенно вместе с Аленкой.

Клин не имел мощной крепости, мы ворвались в город через городские ворота, попутно смели стражу у ворот и сразу вступили в жестокую схватку с гвардейцами.

На этот раз я взял с собой стрелецкий мушкет, пальнул из него и свалил кого-то из защитников города. Аленка развлекалась бросанием дисков. Сумела поразить несколько человек. А потом мы начали размахивать мечами и вступили в рубку.

Мы сражались с довольно сильным и боеспособным подразделением национальной гвардии Нитупа. Было жарко в прямом и переносном смыслах, но мы превосходили гвардейцев численностью и боеспособностью, они гибли под мечами и копытами коней кавалеристов.

Свою роль сыграли, как и ожидали, внезапность и то, что Алена с самого начала уложила руководителя сопротивления. Девушка очень ловко метнула диск, пробила офицеру лоб и правый глаз. Он упал и не смог подняться.

Я, как и другие кавалеристы, орудовал мечом. Гвардейцы не выдержали нашего натиска, стали разбегаться. С ротой охраны было быстро покончено. Чем бы еще заняться? Я увидел богато одетого мужчину с мечом на лошади. Похоже, знатный господин пытается покинуть город. Поспешил к нему. Кавалерист сумел отбить пару моих выпадов, но потом пропустил удар по неприкрытой толстой шее. Стал заваливаться, словно буйвол, получивший дубиной

мясника.

Оставшиеся в живых гвардейцы хотели только одного: вырваться из города. Но я выставил плотный заслон, немногим бывшим защитникам города удалось оседлать лошадей, прорваться и уйти в сторону Москвы. Мне совсем не хотелось гоняться за трусливыми гвардейцами.

Некоторые бойцы и представители прежней власти сдались в плен. Среди пленных оказался мужчина с вензелем главного сборщика налогов.

Аленка на этот раз задумала выпороть пленных. Она собирала прутья. Я подъехал и поинтересовался:

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас раздену их и выпорю прилюдно, — девушка кивнула в сторону пленных.

— Может, не надо? — опять спросил я с улыбкой.

— Надо! Они после порки как шелковые будут!

— Запрещаю тебе пороть пленных! — строго сказал я.

Аленка укоризненно посмотрела на меня:

— Ну, почему еще? Мне так хочется...

Я прервал ее речь вопросом:

— А если мне захочется выпороть тебя?!

— Ну, если очень хочешь, можешь, только не больно и не при людях, — сказала Аленка задумчиво.

Неожиданный ответ. Однако я сказал строго:

— Пленных мы пороть не будем!

Аленка опять выразила свое неудовольствие, но попросила:

— Разреши хоть допросить налогового с пристрастием.

— Лучше я сам его допрошу. Ты его пороть начнешь или бить между ног.

— Если у тебя допрос не получится, отдай его мне, — предложила девушка.

Налоговику совсем не хотелось попадать в руки любительницы порок, и он согласился сообщить мне секретную информацию.

Оказалось, в городе спрятан обоз с богатыми податями. В том числе и три сундука с золотом и монетами. Налоговик согласился показать, где укрыты сокровища.

Мы конфисковали обоз, находившийся в амбаре у бывшего главы города.

Аленка радостно произнесла:

— Недурную добычу мы захватили! Вот еще одна из прелестей войны — легкое обогащение.

Я согласился:

— Да, знатно поживились!

Девушка достала монету, попробовала надкусить зубами. Не получилось — настоящее золото!

Среди трофеев оказалось и несколько украшений с бриллиантами. Брошку в форме бабочки Аленка оставила себе. После чего воительница предложила:

— Один сундук золота можно раздать бедным.

Я поинтересовался:

— А почему только один?

Аленка улыбнулась:

— Хорошего понемножку.

Я тоже с улыбкой ответил:

— Тебе хочется больше для себя оставить. Набрать добра, пока идет война. Но денег, как и счастья, всегда мало. Чем больше имеешь, тем больше хочется. Потому богачи столько нахапали.

Аленка звонким голосом ответила:

— Надо же, какой ты умный! И не только в военных делах! Мы побеждаем во всех сражениях. К нам придет успех, невиданный ранее! И мы то же будем богачами!

Да, возможность во время войны нажать неплохое состояние у меня была. И конфискованное имущество я контролировал, и дары получал. После взятия Клина местные жители вручили мне статуэтку льва из чистого золота. Впечатляющий подарок весил более килограмма. Богатым оказался город. Мы сделали в нем привал в ожидании подхода основных сил.

Статуэтку я оставил в обозе. Не с собой же золото таскать!

— Когда придут наши, пойдем дальше, — сказала Аленка, — и обоз нужно обязательно с собой захватить.

— Раньше трофеи мы оставляли в освобожденных городах под ответственность новой власти, — напомнил я.

— А сейчас обоз нужно непременно взять с собой в Москву! — настаивала Аленка, — Пойдет под охраной надежных людей. В столице он нам очень даже пригодится.

Я не стал спорить с женщиной, пусть думает, что имеет на меня влияние. До Москвы уже недалеко, обоз не будет сильно мешать в дороге.

Через день освободительное войско продолжило свое победоносное шествие. По дороге в Москву я и Аленка привычно оторвались от остальных.

Последние дни лета выдались на редкость теплыми. Чистый воздух и девственная природа этих мест, а также невероятные успехи в боях настроили и меня, и Аленку на лирический лад.

Мы остановились возле речки, поплавали и поплескались в воде. На берегу я обнял Аленку и поцеловал ее. Девушка ответила на ласки, мы слились в длительном поцелуе.

Затем Аленка отстранилась и мягкими пальчиками погладила мое счастливое лицо, а я положил голову ей на грудь, ощутил, как бьется сердце девушки, а ее руки обнимают меня за шею.

По нашим телам разливался пожар. Вселенная то сжималась в одну точку, то расширялась, пульсировала, пыталась вместить неистовую страсть любовников...

Потом мы задремали, провалились в магму коротких сновидений. Мне казалось, что я беседую с каким-то высшим существом, похожим на ангела. Существо сказало:

— Да, человек — звучит гордо. Но он еще находится только у самого подножия скалы, что приведет его к бессмертию и всемогуществу. Ибо наука способна поставить вас в один ряд с Богами!

Я прошептал:

— В науке и в знаниях есть величайшая сила. Скоро люди смогут достигнуть многого. Того, о чем пока и не мечтают!

Что ответило существо я так и не узнал по тому, что проснулся, из-за того, что мимо нас по дороге не спеша проехали наши всадники, они не стали нам мешать. Приближались и основные силы освободительной армии.

Аленка еще дремала, а я думал о том, что на планете Земля все шло своим замедленным чередом, пока обезьяна не взяла в лапы палку и стала сбивать ей плоды. А в моем родном мире ударила палкой врага. Он, точнее, другая обезьяна затаила обиду и ответила мстью. Позывы к мести передались первобытным людям, постепенно возникли войны, появились мечи, копья, мушкеты, пистолеты, автоматы, бомбы...

Сейчас у меня на Родине на автомобилях мчат потомки древних приматов, но есть опасность, что разум разрушит планету новой страшной мировой войной. А, может, люди выйдут в космос, чтобы там покорять пространство и мирно строить космические города.

Но все могло пойти по другому сценарию. Если бы обезьяна не ударила сородича, меньше было бы агрессии, но отставал бы и технический прогресс.

Мы — творцы будущей истории. Может, Славян прав: добрее нужно быть, даже к своим врагам.

Я снова обнял просыпающуюся Аленку. И солнце засверкало всеми цветами радуги, стало посылать во все стороны волны радости и страсти.

Но нам нужно было двигаться дальше.

Чтобы противник не узнал о продвижении освободительной армии, впереди решили рассылать легкие кавалеристские отряды, которые должны были отлавливать гвардейцев Нитупа и проводить разведку местности.

Я двигался во главе войска вместе с Александром Непомнящим. Героическая Аленка и передовой конный отряд следовали сразу за нами.

С Сашей мы обсуждали предстоящий штурм Москвы, до которой оставалось не более трех дней хода со скоростью пехоты. Хотя сама идея стремительного броска выглядела авантюрной, шанс налететь внезапно стоило обсудить.

— С отрядом кавалеристов сходу Москву не взять! — сказал Александр. — А за три дня они, скорее всего, узнают о нашем приближении.

— Да, — согласился я, — видимо, придется брать город в осаду.

— Если пойдем на штурм, будет много жертв, — сказал Александр.

Я пожал плечами:

— Очень надеюсь, что Москва откроет нам ворота.

— Не знаю, не знаю, — ответил Александр, — беднота, как и везде, готова поддержать наше освободительное движение против эксплуатации. Но Москва — богатый город, в нем мало бедняков, но много людей, которым режим помог сделать деньги.

Я согласился не в полной мере:

— В так называемой элите есть недовольные Нитупом. Вспомни хотя бы визит Немцовича. Можно будет взять город в осаду и каким-то образом переговорить с влиятельными горожанами, чтобы они оказали нам содействие...

— Считаю недостойным вести переговоры с олигархией! — решительно ответил Александр.

— Как знать... Там тоже люди разные. Некоторые готовы будут присягнуть новой власти и согласиться на прогрессивную шкалу налогообложения в обмен на неприкосновенность.

Я высказал такое предположение и поглядел вокруг себя. Обратил внимание на сокола, летевшего на малой высоте. Птица могла быть как охотничьей, так и дикой. Но что охотничья птица здесь делает? Люди рядом? Может, засаду нам устроили? Если сокол дикий, то почему не пугается всадников?

Александр тоже увидел сокола.

— Охотится кто-то, — сказал брат, — здесь такое повсеместно распространено. Ты знаком с соколиной охотой?

Я честно признался:

— Где-то читал про нее, но сам не пробовал.

— А я успел здесь попробовать! Увлекательное занятие, потом тебя научу! Для этого нужно чувствовать птицу...

Я перебил брата:

— Какой дурень охотится, когда повстанческая армия наступает? Может, для другой цели птицу запустили.

— Не думаю, — ответил Александр. — Вместо дрона и видеокамеры сокола вряд ли можно использовать, а охоту здесь любят.

Ни хозяина птицы, ни каких-либо засад мы не обнаружили. В ближайшей деревне к нашей армии захотела присоединиться внушительная группа крестьян. Не приняли.

Освободительное войско заметно росло на всем пути своего следования за счет притока добровольцев. Их по-прежнему было много. В последнее время решили брать не всех, особенно отказывать крестьянам, чтобы земля пахотная не осталась неухоженной. Ратное дело хорошо, но и голода на Руси следует избежать.

На пути в столицу было несколько небольших городов и поселений. Большая часть из них сдались без боя, вернее, в них не оказалось гвардейцев, защитники власти Нитупа боялись освободительной армии и старались до нашего подхода уйти к Москве, чтобы укрыться за ее мощными стенами, либо вернуться домой и заняться мирной жизнью.

Только в городе Сходня нам оказали небольшое сопротивление. Город взяли практически сходу, с одного стремительного налета покончили с немногочисленным гарнизоном. Я поработал немного мечом при штурме.

А вот при подходе к столице у нас неожиданно возникли проблемы. Мы расположились на привал возле Тушино. Ночью на спящий лагерь напали гвардейцы. Они сняли наших часовых. Действовали быстро, решительно, без шума. Часовых убрали преимущественно стрелами и пробрались к обозу.

Я проснулся от оглушительного грохота. Рванула телега с порохом, несколько возов рядом взлетели на воздух, пострадали бойцы.

Это отряд, посланный из Москвы, предпринял дерзкую ночную вылазку. Мы никак не ожидали, что на самом подходе к столице гвардейцы рискнут проявить активность. Но отборный отряд правительственной гвардии проник в спящий лагерь, измученный тяжелым переходом.

Вслед за диверсантами к нам ворвалась конница, за ней последовали пехота и лучники. Началась бойня, возникла паника в наших рядах.

Гвардейцы работали мечами, первое время они активно уничтожали полусонных воинов и продвигались в сторону шатра по мою душу. Я понял это, схватил мушкет и меч, выскочил наружу. Постарался затаиться в темноте, чтобы не попасть на глаза атакующих и понять, что происходит.

Предсмертные крики, кровь, мрак, суета. Первое время паника и дезорганизация в рядах теперь уже моих солдат.

Правда, моя охрана довольно быстро пришла в себя, Хорошук попробовал успокоить бойцов освободительной армии и организовать сопротивление, но его плохо слушали.

Ко мне подскочила Аленка:

— Ты жив?

— Надо организовать оборону, — ответил я.

— Тебе нельзя, за тобой охотятся. Сейчас другие командиры все организуют. А я буду тебя защищать и прикрывать!

Страх у меня почему-то не было. Появилось чувство неудовлетворенности по поводу того, что прозевал атаку и не могу пока руководить сопротивлением. Впрочем, ситуация стала улучшаться, слышались команды Хорошука и Мирона, воины начали действовать согласованней, они полезли в рукопашную, вступали в драки на мечах, расстреливали кавалеристов неприятеля из мушкетов.

У нас было огромное преимущество в живой силе, но из-за ночной неорганизованности мы несли серьезные потери. Сражение напоминало кипение молока с появлением пленки из трупов и разбрызганной крови.

Мне хотелось взять командование на себя, в то же время я не противился Аленке, которая буквально схватила меня за руку и не выпускала из укрытия между двух густых сосен.

Мы старались в темноте высматривать командиров, которые руководили нападением. Очень хотелось поразить кого-нибудь, чтобы хоть этим принести пользу своим. Первой

углядела офицера зоркая Аленка. Почти не целясь, девушка пальнула из своего короткого тугого лука. И черное оперение стрелы словно выросло из толстого горла его сиятельства.

Я не удержался, оттолкнул вцепившуюся в меня девушку и выскочил из укрытия. Сошелся с каким-то гвардейцем. Он был чуть выше и полнее меня. Я дрался голый по пояс, так как в спешке не успел ничего на себя нацепить. Рубился с противником, который оказался весьма техничным. Но и я — не промах! Проворный, гибкий, терпеливый.

А вот гвардеец не отличался хладнокровием. Видя, что ему никак не удастся поразить полуголого бунтовщика, он стал размахивать мечом шире, в надежде достать меня. Я не торопился нападать, экономил силы в обороне, ждал, когда противник выдохнется. И он стал уставать махать тяжелым мечом. Его дыхание усилилось, движения замедлились.

Я перешел в наступление. Мой меч обрушился на кисть соперника, выбил у него оружие. Затем я добил гвардейца. Он так и не узнал, что сражался с вождем восстания.

В это время симпатичная воительница Аленка прикрывала меня сзади, она двинула ногой гвардейца, пытавшегося наброситься на нее, и крикнула мне:

— Зачем ты выскочил? Без тебя справятся.

Да, войско оправилось от шока внезапного нападения и приходило в боевое состояние. Но мне хотелось покомандовать, показать, что я здесь главный.

— Оттесняем гвардейцев, не даем уйти конникам! — заорал я.

В это время Аленка закричала от боли, она, прикрывая меня, получила ранение, пуля из мушкета впилась ей в бедро. Однако девушка с удвоенной силой рубанула мечом и сумела поразить мужика, пытавшегося добраться до меня.

Продолжать командовать мне расхотелось. Я отнес раненую Аленку в самый конец лагеря, в безопасное место. Попросил бойцов срочно найти и прислать к нам Чарли. Целитель осмотрел девушку, наложил на рану повязку с какой-то мазью.

Аленка потеряла много крови, но не настолько, чтобы можно было говорить о серьезной угрозе жизни.

Я был зол. Закричал даже в порыве ярости:

— Пленных не брать!

Милосердие — черта сильных людей, жестокость более свойственна слабым, но и сильные на жестокость могут ответить жестокостью. Вот и мне в тот момент вовсе не хотелось быть милосердным. Но и желание опять вступить в бой после ранения Аленки пропало. Пусть за нас рубятся другие.

Понемногу стало светлеть, ряды гвардейцев сильно поредели. Немногие уцелевшие обратились в бегство. Их лениво преследовали и иногда добивали. Некоторым кавалеристы из правительственной армии удалось уйти в сторону Москвы.

Налет неприятеля стоил нам большого количества пороха, используемого при стрельбе из мушкетов. Погибло и немало бойцов. Все утро мы провели на ногах. И днем не смогли выйти из временного лагеря на Москву, как планировали. Остались в Тушино хоронить убитых, врачевать раненых.

Времени на лечение было мало. Под боком столица. Нужно идти к ней. Но короткий отдых, чтобы немного прийти в себя и остыть от ран, был необходим.

Очередная рубка закончилась. На этот раз она не принесла удовлетворения, бой был выигран благодаря нашему огромному преимуществу в численности. Оказывается, бойцы Нитупа еще могут огрызаться и действовать методами, похожими на те, что использовали мы в начале своих славных побед.

Утром следующего дня освободительная армия продолжила свой поход. Большую часть раненых оставили в Тушино под присмотром местных лекарей, но некоторых, в том числе и Аленку, погрузили на телеги и взяли с собой.

До Москвы совсем не далеко. Я задумчиво ехал во главе войска. Конкретного плана взятия города пока не было. Встанем у стен Кремля, устроим совет, что-нибудь придумаем. Ко мне подъехал Александр Непомнящий. Он сказал:

— Подходим! Там, сразу за поворотом, крепость уже будет видна. Что станем делать? У них стены о-го-го!

Я ответил так:

— Сейчас посмотрим. Расположим войско в удобном месте недалеко от стен и ворот, решим, что делать.

Александр предложил:

— Может, сразу предложим им сдаться. Если они еще не утратили способность соображать, должны принять наш ультиматум. У них бойцов осталось с гулькин нос, а у нас неплохая орава...

Мы выехали из-за поворота. Отсюда, действительно, просматривались ворота в крепость. Они оказались открыты! Никакой охраны не было видно!

— Что это? — удивился я.

— Может, скомандовать быстро идти на штурм? — спросил Александр.

— А если это засада? — ответил я вопросом на вопрос. — Придумали что-то в нашем стиле и заманивают?

Вдруг освободительную армию встретила пальба из мушкетов. От неожиданности я попятился назад. Хотя с такого значительного расстояния сложно было допотопным оружием причинить ущерб. И Александр вытаращил глаза:

— Неужели придумали какую-то ловушку и ждут нас?

Я обратил внимание, что стреляют вверх. А находившиеся на стене у башни люди приветственно машут нам руками и что-то кричат. И из ворот стали выбегать горожане в обычной, невоенной одежде и то же махать нам руками.

Я улыбнулся и успокоил брата:

— Расслабься, все хорошо!

Александр догадался сам:

— Москвичи перешли на нашу сторону?!

Я подтвердил:

— Похоже на то! Теперь нужно войти в столицу как положено освободителям — с триумфом!

Бывший атаман разбойников, а теперь заместитель командующего освободительной армии Александр Непомнящий обрадовался:

— Фу, аж от сердца отлегло. Хочешь анекдот? Жена услышала стрельбу, спрашивает мужа: «Что случилось?» «Это начальство важное в город приехало». Через некоторое время стрельба повторилась. Жена спрашивает: «А что, первый раз не попали?»

Я улыбнулся:

— Как бы в нас не попали!

Такая встреча обрадовала, но и одновременно насторожила меня. С чего это столица радуется нашему приходу?

Но подвоха не оказалось. Горожане на самом деле встречали освободительную армию ликованием.

Как вскоре выяснилось, Нитуп успел покинуть город с остатками гарнизона. Победа повстанцев в Питере, а затем и победоносное шествие освободительной армии на Новгород сильно беспокоило правителя России. В срочном порядке пришлось собирать армию, которую направили на подавление бунта. Ее возглавил Шогу, но он потерпел сокрушительное поражение. Войско под руководством никому неизвестного самозванца наголову разгромило доблестного полководца.

А затем новый удар — сам Лавр опозорился в Старой Руссе и был пленен бунтовщиками. Еще и народное недовольство, стычки бедноты с гвардейцами, протестные митинги и демонстрации во многих городах.

Нипут отменил увеличение продолжительности рабочей недели и обязательные уколы, обещал уменьшить налоги для бедных. Но было поздно, освободительная армия победоносно приближалась к Москве. В городе ходили слухи, что возглавляет ее посланник богов. Нитуп в это не верил. Но ничего не мог противопоставить бунтовщикам. Официальной пропаганде уже мало кто доверял. Нитуп попытался обратиться к нации по радио, а затем выступил на митинге в столице с просьбой готовиться к обороне города, но из толпы кричали: «Долой! Пошел вон. Ты — не наш царь!»

По мере приближения бунтовщиков паника Нитура и его окружения возрастала. Не вызывало сомнений то, что война будет проиграна. Уж слишком велик теперь перевес у освободителей, а бойцы национальной гвардии утратили боевой дух.

Нитуп задумал бежать на Запад. Чтобы выиграть время, подготовиться и уйти до подхода повстанцев он решил хоть на день остановить стремительное продвижение противника. Для этого велел верным ему гвардейцам напасть на спящий лагерь освободительной армии. Правитель прекрасно понимал, что всех перебить не удастся, но вдруг его бойцы сумеют нанести существенный урон и устранить вождя повстанцев? Тогда возможны будут другие варианты.

Гвардейцы удалились выполнять приказ. В городе остался лишь небольшой гарнизон для охраны порядка и царского терема. Недовольные властью Нитупа горожане решили воспользоваться отсутствием основных сил олигархического режима и пошли на ночной штурм резиденции правителя. Охранники подняли тревогу. Нитуп понял, что пришли по его душу. Но бежать почти с пустыми руками не хотелось. Можно было захватить только имевшиеся под рукой драгоценности и золотые монеты, с ними уйти из терема тайным ходом. Но драгоценностей по понятиям олигарха было мало, кроме того, в окружении Нитупа знали про подземный ход и тайнах здания, могли выдать и заблокировать. Нитуп знал историю с прокуратором Питера и не хотел рисковать.

Сопrotивление охраны не позволило штурмующим проникнуть в терем. Гвардейцы отборного полка сражались отчаянно. Дрались мушкетами и саблями. А у горожан такого количества оружия не оказалось. Они дрались в рукопашной, пускали в ход даже зубы.

Не известно, чем бы закончилась такая заваруха, но на помощь охране подоспели кавалеристы, оставшиеся в живых после штурма в Тушино. Они разогнали людей, пытавшихся взять терем.

Устранить вождя освободительной армии гвардейцам не удалось, и Нитуп стал

готовиться к побегу из города, собирать бриллианты и золото, уничтожать государственные бумаги. Гражданская жена царька Алина торопила избранника: бежим, пока не пришли повстанцы. Она понимала, что Нитупа могут прикончить на месте, а ее, в лучшем случае, ждет длительное заточение в карцере. Нужно было любой ценой вырваться из обреченного города и собрать сторонников в другом месте.

Прекрасно это понимал и сам Нитуп, он верно рассчитал: повстанческой армии нужно будет время, чтобы оправиться от ночного погрома. Уйти решил предстоящей ночью.

Когда стемнело, Нитуп запретил слугам зажигать факела, чтобы не привлекать внимание. Он уходил с немалым богатством, собранным в течение дня. Кожаные мешки, туго набитые золотом и прочими ценностями, погрузили на лошадей.

Под прикрытием многочисленной охраны и верных ему кавалеристов Нитуп сумел прорваться к воротам и покинуть столицу. Он, Алина и их свита на резвых конях уходили из города. Активные защитники прежней власти тоже решили покинуть Москву: после бегства правителя ни о каком сопротивлении повстанческой армии не было и речи. Город стал ждать нашего прихода.

Без помощи местного населения не сложилось бы у нас все так удачно, не было бы таких громких побед. Недовольство низших каст и бедноты зажавшейся властью вылилось в пожар народного гнева. А я стал той спичкой, что подожгла костер народного недовольства.

Вот и Москва отказала в поддержке курса, проводимого Нитупом, и была готова присягнуть посланнику богов. Россия ждала социальных перемен с другим руководителем страны. Объявленная мной новая религия с верой во Всемогущего Бога, который против порока и карцеров, набирала все больше сторонников в империи. Не удивительно, что в столице горожане открыли нам ворота.

В город вступили без происшествий. Москва выглядела патриархально: высокие и толстые городские стены, углубленный ров. Внутри крепости бедные деревянные хибары на окраинах соседствовали с добротными каменными домами в центре.

Город совсем не был похож на Москву моего родного мира. Может быть, в семнадцатом веке у нас было что-то подобное.

Улицы столицы разные: рядом с мощеными соседствовали земляные, угрожающие в сильный дождь затопить город грязью. По улицам лениво бродили коровы, виднелось много храмов, не Православных, естественно.

Я, как бывший атеист, опять подумал, что зря ресурсы тратятся на священников. Лучше бы на эти деньги построили фабрики по производству бумаги и научили людей читать. И не только церковную литературу. Нужно будет обложить храмы, монастыри и уголья налогами. Раньше священники помогали держать в повиновении чернь, а мы отделим церковь от государства.

В центре города мне овацию устроили, стащили с лошади, подхватили под руки и ноги, стали высоко подкидывать.

Священники, которых я только что думал поставить на место, устроили молебен во славу победителей и бога Перуна, пославшего на Землю человека. Многочисленная детвора принялась убирать город от коровьих лепешек, мусора и грязи для удобства освободителей.

Горожане решили поднести мне подарок. Вывели породистого жеребца. Это был белый, без пятен, конь с шитой золотом и жемчугом попоной. У меня уже имелся породистый конь, к которому я привык. Но неудобно отказываться от почетного подарка. Я вскочил на жеребца, прогарцевал по площади, поднял коня на дыбы. Послушная, милая лошадь!

В толпе слышались восторженные голоса:

— Он — посланник великого Бога!

— На нем печать благодати!

— Никто не сможет сравниться с ним.

Приятно, конечно, иметь такой прием. Я ощущал себя великим человеком и был по-настоящему счастлив.

— Это наш будущий царь! — послышался громкий возглас.

Кричащего поддержали:

— Да! Попросим его быть нашим царем!

— Его прислали боги, мы должны избрать Алексея Освободителя царем!

— Созываем учредительное собрание, выбираем нового царя!

Я развернул коня к толпе, помахал рукой как Сталин на трибуне и произнес:

— Я — не царь, я — ваш брат! Я — равный вам!

Однако возгласы стали еще громче. Народ ликовал. На меня смотрели восторженно, как на кумира, как на божество. И продолжали кричать:

— Новый царь! Просим быть нашим царем!

Эх, непередаваемое чувство познать такое!

Были и другие дары от города, но я распорядился раздать их бедным. А вот подняться над столицей на воздушном шаре не отказался в сопровождении Александра Непомнящего, Мирона и местного жителя, который управлял чудо техникой по понятиям того мира.

Мужчина скинул несколько мешочков балласта, и конструкция стала медленно подниматься.

— Наши мастера над этим шедевром поработали на славу, — сказал мужчина. — Для горизонтального управления летательного аппарата используется вращающийся с помощью пара винт, что обеспечивает неплохую маневренность.

— Это просто шедевр, — улыбнулся я.

Как только шар набрал приличную высоту, Мирон сказал:

— Чудная машина! Можно любоваться Москвой с высоты птичьего полета. Красивейший город! Все здесь особое, включая размеры.

— Тем не менее, Москва контрастна и не однозначна, — ответил я. — Рядом расположены хижины и дворцы, хаты с соломенными крышами и золоченые купола храмов.

— Столица очень красива, боярские терема расписаны с большим искусством, — ответил Мирон.

Я не стал спорить. Действительно, можно было наслаждаться красотой.

Аленка не обиделась. Она понимала, что муж столько лет ради нее был оторван от науки, и держать его рядом с собой будет эгоистично с ее стороны. Да и не сможет она удержать Андрея против его воли! Он все равно поступит по-своему.

В глубине душа Аленка пожелала мужу неудачу, но в дорогу напекла любимому мужчине пирожков.

Очередной совет командиров освободительной армии проходил на этот раз в одном из залов Кремля.

— Как-то просто все прошло, — сказал Александр Непомнящий, — странно, что нас так легко пустили в Москву, я боялся, что после погрома в Тушино устроят засаду здесь.

Хорошук возразил:

— А с чего бы им устраивать засады? Бесполезно при таком превосходстве освободительной армии.

— Наши успехи связаны в первую очередь с поддержкой народа, — сказал я. — Нитуп и его сторонники в Москве не остались, понимая, что беднота ждет нас и поддержит. Что и случилось.

— Верно, но я настраивался на тяжелый штурм города, — сказал Александр.

— Так радоваться нужно, что избежали потерь, а не огорчаться по поводу того, что не удалось опять помахать мечом, — ответил Мирон.

— Давайте думать, что будем делать дальше, — сказал я.

— Прежде всего тебя царем избрать нужно, — ответил Александр Непомнящий.

— А без этого никак нельзя? — поинтересовался я.

Мирон пояснил:

— Нам нужно установить советскую власть на всей территории страны. Чтобы избежать лишних вопросов и недовольства отдельных групп населения, лучше действовать по заведенному здесь порядку. В таком случае, при избрании Алексея царем, у сторонников Нитупа будет меньше поводов кричать, что Алексей Освободитель — самозванец. А он своими указами установит новые законы, новую власть, назначит наших людей на ключевые посты в государстве.

— Правильно! — вскрикнула прихрамавшая на совет Аленка. — Нужно срочно избрать Алексея царем!

«Хочет красавица, видимо, царицей стать», — с улыбкой подумал я, но спросил:

— А вообще без царя можно обойтись? Установим, например, парламентскую республику.

— Что это такое? — удивился Хорошук.

— Новая форма управления государством, — ответил я.

Мирон сказал:

— Если действовать по устоявшейся традиции, меньше будет сопротивления новым законам.

— Логично! — согласился Александр Непомнящий.

— Каковы здесь правила выборов царя? — спросил я.

Мирон пояснил:

— По заведенному порядку нового царя выбирает учредительное собрание, созываемое специально для этой цели. Главу государства избирают формально сроком на шесть лет, если по истечении этого времени у церковной власти и старейшин не будет отводов, царь продолжает править страной. Нитуп продержался у власти более двадцати лет, сейчас он сбежал, а потому по всем правилам следует избрать нового царя.

— Что представляет собой учредительное собрание? — опять спросил я.

— В состав учредительного собрания входит так называемая элита: олигархи и верхушка духовенства, — ответил Мирон. — Но на правах победителей мы потребуем изменить состав собрания и назначить нового патриарха.

— Правильно! — оживился Гром. — У нас будет другой патриарх и другая, добрая и справедливая религия, она позволит закрепить нашу победу!

— Не будет отверженных и рабов, угнетателей и угнетаемых! — добавил я.

— Верно! — вскрикнула Аленка и посмотрела на меня, ее глаза сверкнули, а голос обрел уверенность. — Алексей будет живым воплощением справедливости и новой религии.

Я пожал плечами, раздумывая, чтобы ответить, но меня опередил Гром:

— У нас все жрецы — зажавшиеся скоты. Нужно новое священство, которое будет прославлять справедливого Всевышнего и его посланника на Земле Алексея.

— Меня и так уже прославлять начали, — напомнил я. — Московский митрополит службы велел провести в честь освобождения Москвы и вождя освободителей.

— Так и назначим его патриархом, вместо дискредитировавшего себя Керима, — предложил Мирон.

— Правильно! — одобрила Аленка. — Сбежавший из Москвы лживый и подлый Керим обзывал Алексея самозванцем.

— Где бы найти честных служителей культа? — спросил я. — Не хамелеонов, возможно ли в принципе такое?

— Нет честных служителей! — ответил Хорошук.

— Я так не думаю! — возразил Мирон. — Просто ты не встречал настоящих мучеников веры.

— А ты встречал? — удивился Хорошук.

— Встречал и неоднократно, — ответил Мирон.

— Мужчины, не спорьте! — прикрикнула Аленка. — Что касается новой веры, мы распространим ее по всему миру, как и социалистическую идею.

Я слушал и думал о том, что любая революция меняет элиту и устанавливает свои правила. Но Мирон прав: чтобы не было излишней напряженности в обществе, лучше все проводить в привычном здесь порядке указами царя, угодного Богу. Так можно будет назначить своих людей во все структуры власти и менять законы. Народ высказал свое желание: видеть меня царем. Осталось созвать учредительное собрание.

— Если дать время, то мы укрепимся и станем еще сильнее, — сказал Александр Непомнящий. — Тогда можно будет экспортировать наши идеи в другие страны.

— Весь мир хочешь объединить идеей социализма? — спросил Мирон.

Александр согласно кивнул:

— Хорошая идея! Создать бы всемирную империю под нашим руководством. Это покончило бы со всеми войнами раз и навсегда!

— Так мы же войну начали, — напомнил Хорошук.

— Не мы, а людское недовольство, — возразил Александр.

— Но ведь люди всегда чем-то недовольны, — сказал Хорошук.

Александр пояснил:

— Мы народный гнев перенаправили в освободительную борьбу. Когда восторжествует справедливость, поводов для недовольства будет меньше.

— Недобитый Нитуп может представлять угрозу установления справедливости, — сказал Хорошук.

— Он исчерпал себя как политик, — не согласился Мирон. — Опасность представляет мировая закулиса.

— Кто в нее входит? — спросила Аленка.

— Богатейшие люди планеты, которые сохраняют свое инкогнито, — пояснил Мирон. — Они напуганы нашими впечатляющими победами и не заинтересованы в наших дальнейших успехах.

— О создании всемирной империи думать пока рано, — сказал я. — Давайте наведем сначала порядок в России.

— Обязательно наведем! — ответил Александр. — Такую войну выиграли, и сейчас устоим, укрепимся, а потом объединим славянские народы и усилим империю!

— Здесь многое будет зависеть от нашей воли и успехов преобразований, — сказал Мирон.

Я раздумывал о своих дальнейших перспективах. Буду ли прав, согласившись стать царем?

Да, я попал сюда благодаря стечению обстоятельств, но за короткое время совершил фактически чудо. Моя армия в столице. Быть может, я выполнил уже предназначенную мне свыше роль, а царствование будет излишним?

Но мысль о создании всемирной империи казалась интересной. О мировой революции и всемирном государстве рабочих и крестьян мечтал Ленин. Не получилось, хотя многого удалось добиться. Возможно, при помощи Высших сил была устранена династия Романовых и царизм как строй, установлен социализм сначала в России, а потом и в других государствах. Но если Высшие силы за социализм и справедливость, почему они допустили крушение СССР и социалистической системы?

Ну вот, опять пришел к тому же вопросу: почему Бог допускает зло и насилие?

Мощная была у нас страна, сверхдержава. Но я сейчас здесь. И пусть все идет, как предусмотрено Господом Богом...

Уже на следующий день мой заместитель Александр Непомнящий потребовал немедленно сформировать состав учредительного собрания из передовых рабочих и крестьян, и обязательно включить в него командиров освободительной армии. А ввиду того, что по воле богов будут существенные изменения в религии, назначить нового патриарха и отложить на неопределенное время утверждение избранного царя советом старейшин.

Я встретился с митрополитом московским Борисом, которого планировали избрать патриархом на ближайшем Церковном совете.

Священник приехал ко мне в Кремль. Мы беседовали один на один.

Борис оказался, как у нас говорят, мужчиной предпенсионного возраста с длинной седой бородой, он был крепким, с мощным глубоким голосом, как и положено священнику высшего ранга.

На мой вопрос: как он относится к изменению религиозных догм, митрополит ответил:

— Народу нужна религия. И богатым, и, особенно, бедным.

Я не возражал, но пояснил свою мысль:

— Я настаиваю на том, чтобы изменить положение, будто боги посылают на Землю людей только ради исправления. Кроме того, у вас сколько богов! Есть даже разделение на главных и остальных, а также полубогов. То есть, царит определенный хаос, а поклонение носит не индивидуальный характер. Сама же религия служит средством обогащения

немногих людей, называемых у вас избранными.

— Не вера обогащает, а человеческие отношения, — ответил Борис. — И особого хаоса я не вижу.

Я слегка нахмурил брови и произнес:

— Но человеческие отношения основаны на вере! И Бог Всевышний должен быть один! Все прочие — его помощники. Люди же перед Богом равны и должны жить в соответствии с его заповедями и законами.

— Всего один Бог? — уточнил митрополит.

— Да! Тот, что создал Землю, человека и животных. Всевышний, Всемогущий, Всезнающий, существующий вечно!

Борис смиренно спросил:

— Такой Бог действительно существует?

Я ответил с уверенностью в голосе:

— Да! И в него должны уверовать все прихожане! В справедливого отца нашего.

Борис кивнул и сказал:

— Когда я был еще мальчишкой, на моих глазах раздели и выпороли девушку, почти девочку. Подобные порки повторялись у нас постоянно и все, как нам говорили, с благословения высших сил. Я уверовал в богов с ранних лет, но удивлялся: разве богам надо слышать, как истязают людей, пусть и ради их исправления? Когда стал священником, выступил за церковную реформу, суть которой состоит в том, что богам нужны от людей не жертвы, а праведная жизнь и любовь друг к другу. Меня тогда не поддержали. Я смирился и смог стать митрополитом. А по поводу порок скажу так: нельзя забывать о том, что зло должно быть наказано. Даже с помощью порок, они воспитывают человека.

— Спорный вопрос, — ответил я. — В любом случае, с многобожием пора кончать. Должен быть один Бог и одна вера в него.

Борис сотворил треугольник, аналог христианского крестного знамения в этом мире. Со своей широченной белой бородой он был похож на Православного служителя. Священник тихо сказал:

— У нас веками поклонялись многим равным богам.

— Но творец во Вселенной должен быть один! — настаивал я. — И народу поклоняться одному Богу проще и понятней. Каждое божество требует храмов и священников, значит, вложений. А у нас будет один объект для поклонения! Главное в свободном мире — соблюдение законов и заповедей Божьих, повелений Всевышнего! Ты согласен со мной?

Борис кивнул и сказал:

— Религия в первую очередь должна быть нравственной, учить добру и послушанию!

Я ответил так:

— Только не нужно приучать людей беспрекословно подчиняться! Наша революция не должна поменять разновидность рабства, ее цель — духовная свобода с понятной установкой — делать добро. Можешь считать, что меня направили на Землю с этой целью.

Борис опять одобрительно кивнул и сказал:

— Понятно! Хорошо, что мы сходимся в смысле добра. Теперь нужно придать нашим идеям такую форму, чтобы их восприняло все население!

— Это должны быть заповеди Всемогущего Бога, — пояснил я.

— Согласен. Наша версия должна быть убедительной! Но как объяснить людям, почему Бог явился на Землю не сам, а прислал своего представителя?

— Ты заяви следующее: Всевышний Бог ненавидит грех, а все люди грешные и Бог им не понятен, люди не могут познать его, даже видеть лик Всевышнего не дано никому. Только духи, а в крайних случаях, и представители Бога в воплощении человека могут являться на Землю.

Борис согласился опять:

— Так оно и есть! Нужно сделать так, чтобы заповеди Божьи сошли с неба. Если заповеди сойдут с неба, то это будет для людей убедительно. Сколько будет заповедей?

Я задумался. Будучи равнодушным к религии в родном мире, не знал, сколько у Православных заповедей и не мог их перечислить. Все же сказал:

— Хватит двенадцати, ведь большее количество трудно запомнить. А тут как раз по числу месяцев. Потом мы заповеди согласуем.

— Пусть будет так! — одобрил Борис. — А как быть с духами?! Они вполне реальны. Я сам наблюдал эффект появления духов.

— Вера во Всевышнего Бога не отрицает существования прочих существей, в том числе и духов, ангелов.

Я ответил Борису и опять подумал о том, что Бог существует и помогает мне. Похоже, Бог не против того, что я предлагаю новую религию взамен принятой здесь. Иначе я понял бы это через невезение и другие знаки. А пока все по-прежнему шло очень даже хорошо.

Пользуясь случаем, задал и этому священнику свой любимый вопрос:

— Как ты объяснишь, отчего в мире столько зла и несправедливости?

Кандидат в митрополиты ответил уверенно:

— Это кара за грехи! Господь гневается, потому допускает, чтобы люди губили друг друга. А потом, после смерти, одних пропускает в лучший мир, а другим выписывает наказание! Разве не так?

Я согласился, но высказал только что пришедшую в голову мысль:

— А еще зло может быть следствием борьбы между различными второстепенными богами и духами. И у Всевышнего Бога могут быть противники на небесах.

Священник с хитринкой улыбнулся и сказал:

— Тебе виднее, тебе ничего придумывать не надо, ты ведь не с потолка все эти знания берешь, а из истинного источника.

Такой фразой Борис дал понять, что ему все равно, посланник ли я богов или обычный человек.

Мне и самому сказка про посланника Небес казалась не очень убедительной. Но раз начал с нее, следовало и дальше придерживаться этой легенды.

Ответил кандидату в митрополиты так:

— Очень хорошо, что мы друг друга поняли! Значит, договорились, внесем в веру изменения на основе добра.

Священник согласился:

— Ничто так не объединяет людей, как истинная религия, основанная на доброте и здравом смысле!

Я решил не затягивать наш разговор и отпустил Бориса. В голове скакали мысли. Вдруг Высшие силы все же накажут меня за то, что выдал себя за посланника главного Бога? Может, слишком много беру на себя? Теперь еще и царем могу стать.

Но, с другой стороны, я действую во благо людей, хочу покончить с рабством и нищетой, мной движет не честолюбие, а желание сделать жизнь лучше и справедливей! И

Всевышний Бог, скорее всего, есть, ведь кто-то сотворил материю и жизнь. Не сами же они зародились. Наверняка Творец не против того, чтобы люди обрели счастье и достойную жизнь. Потому и помогает мне.

Учредительное собрание было созвано по предложению Александра Непомнящего в короткие сроки. Александр лично утверждал списки кандидатов. Собрание состояло из рабочих, городской бедноты и крестьян. Было несколько священников, взятых по рекомендации Бориса. Присутствовала также небольшая группа представителей знати, оппозиционных Нитупу политиков вместе с Немцовичем.

Мы заседали в Мраморном зале Кремля. Меня выбирали царем на безальтернативной основе. Как и положено регламентом, я произнес предвыборную речь.

Начал с того, что объявил: теперь в нашем государстве все будут жить по новым социальным законам с верой в единого главного Бога!

После чего посмотрел на священников и спросил:

— Вы согласны?

Священники молчали, но раздались голоса преимущественно представителей освободительной армии:

— Да, согласны!

Спросил опять:

— А священники почему молчат?!

— Согласны! — сказал Борис, только что назначенный исполняющим обязанности патриарха. — Будем служить единому Богу!

— Клянись в верности! — потребовал я.

— Клянемся! — ответил Борис, а вслед за ним и остальные присутствующие священники:

— Клянемся! Клянемся!

Я продолжил:

— Теперь оглашу свод церемониальных и государственных законов, что будут приняты в случае моего избрания.

Далее я предложил ввести Конституцию, в соответствии с которой все станут гражданами свободной страны. В Конституции нужно закрепить равенство всех перед законом и Богом. Кроме того, я планирую ввести прямые выборы законодательного собрания и Верховного старейшины, отменить кастовую принадлежность и рабство, упразднить титулы и сословия. Страну называть не ФГР, а просто — Россия.

Когда я закончил свою речь, установилась гробовая тишина. Потребовалось какое-то время, чтобы присутствующие осмыслили сказанное.

Первым высказался Мирон:

— Мы будем покорны лично тебе и любому начальнику, которого ты поставишь над нами!

Прения прервал зычный голос Александра Непомнящего:

— Все понятно, обсуждать нет смысла. Ставлю на голосование кандидатуру Алексея Освободителя.

Известие о том, что меня избрали новым царем, толпы народа встретили с ликованием, в столице повсеместно скандировали:

— Алексей! Алексей! Алексей!

Теперь я — царь! Враги разбиты, Нитуп бежал, война закончилась, народ ликует и радуется! Казалось, не будет больше ни крови, ни слез. А я, словно в компьютерной игре, дошел до высшего уровня. И получил самый настоящий — не виртуальный! — приз. Да еще какой: стал главой великой страны, помазанником божьим.

Уже на следующий день меня короновал Борис.

Коронация прошла под всеобщее ликование. Правда, была предпринята попытка покушения, сразу после церемонии в меня пытался выстрелить из мушкета нанятый олигархами киллер, но моя охрана была начеку, и наемного убийцу задержали.

На допросе он выдал заказчиков. Я распорядился арестовать заговорщиков и учинить следствие.

Покушение на известных людей — неизбежная плата за успех. Мне усилили охрану, теперь всю мою пищу проверяют на наличие ядов.

После избрания меня царем в столице устроили пиры и гулянья. Народ радовался смене власти, люди хотели перемен, и я, разумеется, активно издавал указы, которые становились законами.

Преобразования в религиозной России начались с церковной реформы. Священники принимали присягу на верность единому Богу, я приказал ввести в церковный обиход крест — символ новой религии. Правда, он не был распятием, как в моем родном мире, ведь здесь Христос не воскресал. Тут крест символизировал скрещенные во имя свободы мечи и победу новой веры.

Был установлен культ одного Всемогущего Всевышнего Бога. Я распорядился начать строительство нового храма в столице. Но культы прежней веры пока не стал запрещать. Часть храмов и молитвенных домов сами священники и их прихожане стали переделывать под поклонение Единому Творцу Вселенной.

Были введены новые заповеди и церковные правила. Все люди на Земле признавались равными перед Богом, все объявлялись его детьми.

Священники стали всячески прославлять новую власть и вещать, что Бог посылает людей на Землю как в школу: для того, чтобы земляне учились жить праведно.

Мы оставили наказания за грехи. Но разумные, без крайностей и жестоких пороков. Преступников стали просто изолировать в тюрьме.

Я постепенно осваивался в роли царя, входил во вкус власти, хотя мысленно дал себе слово не заниматься стяжательством, приумножать не свои богатства и благосостояния друзей, а делать мир лучше, добрее, справедливее. Специальными указами отменил рабство, заставил помещиков раздать землю крестьянам. По моей инициативе было принято много законов по экономике и прогрессивному налогообложению, введена выборность глав городов, при этом я сохранил за собой право снимать градоначальников и любых чиновников в случае злоупотреблений.

Я ощущал поддержку населения. Люди радовались переменам. В отличие от моего родного мира здесь реформы были направлены на улучшение жизни простого народа путем перераспределения национальных богатств в его пользу.

Кроме того, я, используя свои знания, решил вводить новые технологии. Дал задание ученым разработать проект создания железной дороги из Москвы в Питер, а также подкинул идею двигателя внутреннего сгорания. По моей рекомендации стали строиться заводы по производству гвоздей, мыла, бумаги.

В России начался экономический бум. Мы совместили социалистическую идею с

религией, оставили предпринимательство.

Конечно, не всех устраивали перемены. Капиталисты и помещики рады были бы сохранению прежнего положения, когда с пролетариев и холопов можно драть три шкуры. Но противники реформ оказались в подавляющем меньшинстве и вели себя тихо.

Впрочем, стычки иногда происходили. На юге страны сбежавший Нитуп попытался организовать сопротивление, местная власть отказалась признать царя Алексея и выполнять мои указы.

Закончилось все тем, что простой народ восстал и буквально растерзал бывшего главу губернии Кондрата, который во время правления Нитупа заколол народ обязательными уколами, обложил крестьян непомерными податями.

И все же власть упоительна, я быстро вошел во вкус. Мне понравилось контролировать финансовые потоки и налоги, жить во дворце, кушать лучшие, самые свежие продукты, награждать и назначать на ключевые посты в государстве своих людей.

Премьер-министром стал мой брат Саша, министром внутренних дел — Хорошук, а министром внешней политики — Мирон. Аленку я назначил главой департамента по надзору за законностью.

Новое правительство объявило о независимости от внешнего управления. Я присутствовал на первой международной встрече. К нам пожаловала делегация ушастых из Лондона.

— Кто вы на самом деле? — спросил меня лорд Джонсон, глава делегации.

— Посланник Бога на Земле.

— Но нам-то вы можете сказать, откуда свалились на наши головы, — настаивал лорд.

И я продолжил настаивать:

— Так с неба и свалился. Теперь я — Верховный правитель России, помазанник Божий и его главный представитель на Земле.

А потом были переговоры. Договорились, что теперь будет двуполярный мир. Они не трогают нас, а мы не устраиваем мировую революцию и не распространяем силовыми методами свое социалистическое влияние по миру.

Пусть в странах Запада люди сами добьются перемен.

А еще я ввел в стране звание Герой России и в торжественной обстановке решил наградить ближайших своих соратников.

Александр Непомнящий принял награду как должное. Затем я обратился к Хорошуку:

— Награждаю тебя за ратные подвиги золотой звездой Героя России!

Хорошук скромно ответил:

— Это было не так уж и трудно — геройствовать! На каменоломнях напрягался сильнее.

Затем новый министр внутренних дел нескромно добавил:

— Мне бы еще титул хороший поиметь.

Я подумал: «Пускай у нас останутся пока титулы», — и объявил Хорошуку:

— За выдающиеся заслуги жалую тебе титул князя!

Хорошук удовлетворенно хмыкнул, а я продолжил церемонию награждения:

— Главному своему советнику, министру внешней политики Мирону жалую титул князя и звезду Героя России.

Мирон посмотрел на меня как на человека, который играет в несерьезные детские игры, но поблагодарил.

Наконец я обратился к единственной присутствующей в зале женщине:

— Аленке Хмелевой жалую титул княгини и орден «За заслуги перед Отечеством». Ибо это дева многим мужикам носы утрет!

Послышался доброжелательный мужской смех, а Аленка попыталась обнять меня и поцеловать. Я сделал знак: негоже обнимать и целовать царя в присутствии подданных.

Жизнь продолжалась. У царя оказалось немало обязанностей и дел. Я руководил государством, проводил преобразования и в то же время думал о том, суждено ли мне вернуться в свой родной мир. Хотелось бы посмотреть, какая сейчас там жизнь, что изменилось за это время в многострадальной стране. Иногда я мечтал хоть ненадолго оказаться в родном Санкт-Петербурге, погулять по улочкам любимого города.

Однако, если я и вернусь, что ждет меня на Родине после загадочного исчезновения?

Друзья и знакомые думают, наверное, что я погиб или скрываюсь от властей. Интересно, что бы они сказали, если бы узнали, какую стремительную карьеру я совершил, кем стал.

Здесь тоже в Питер съездить надо. Ближе к осени, пожалуй, соберусь, посмотрю как там дуб диковинный с порталом в милом моему сердцу Лисьем Носу.

Сейчас в столице дела делать надо. К тому же готовлюсь стать отцом. Аленка должна родить в июне. Нам комфортно и радостно вместе. Думаю обвенчаться с боевой подругой и матерью моих детей. Наверное, впереди у нас будет немало счастливых минут и приключений.

Что еще сказать? Железную дорогу начали строить. А недавно мы провели первый чемпионат России по футболу. Обучили простым правилам этой игры молодых ребят и создали несколько команд. Пока только московских. Мой «Зенит» сражался с Сашиним «Спартаком», а также «Динамо» и Центральным спортивным клубом Армии за первый приз, учрежденный царем, то есть мной.

«Зенит» выиграл. Футболисты радовались победе и хорошим призовым, которые оказались в два раза больше средней месячной зарплаты рабочего здесь. Знали бы они о заработках их коллег в моем родном мире!

В общем, мои фантастические приключения продолжаются. Саша, брат мой, предлагает все же делать здесь Мировую революцию. Но я пока не хочу. Ушастым обещал не вмешиваться, да и Аленку с новорожденным ребенком летом нужно будет поддержать. А дальше — видно будет.

Больше книг на сайте - Knigoed.net